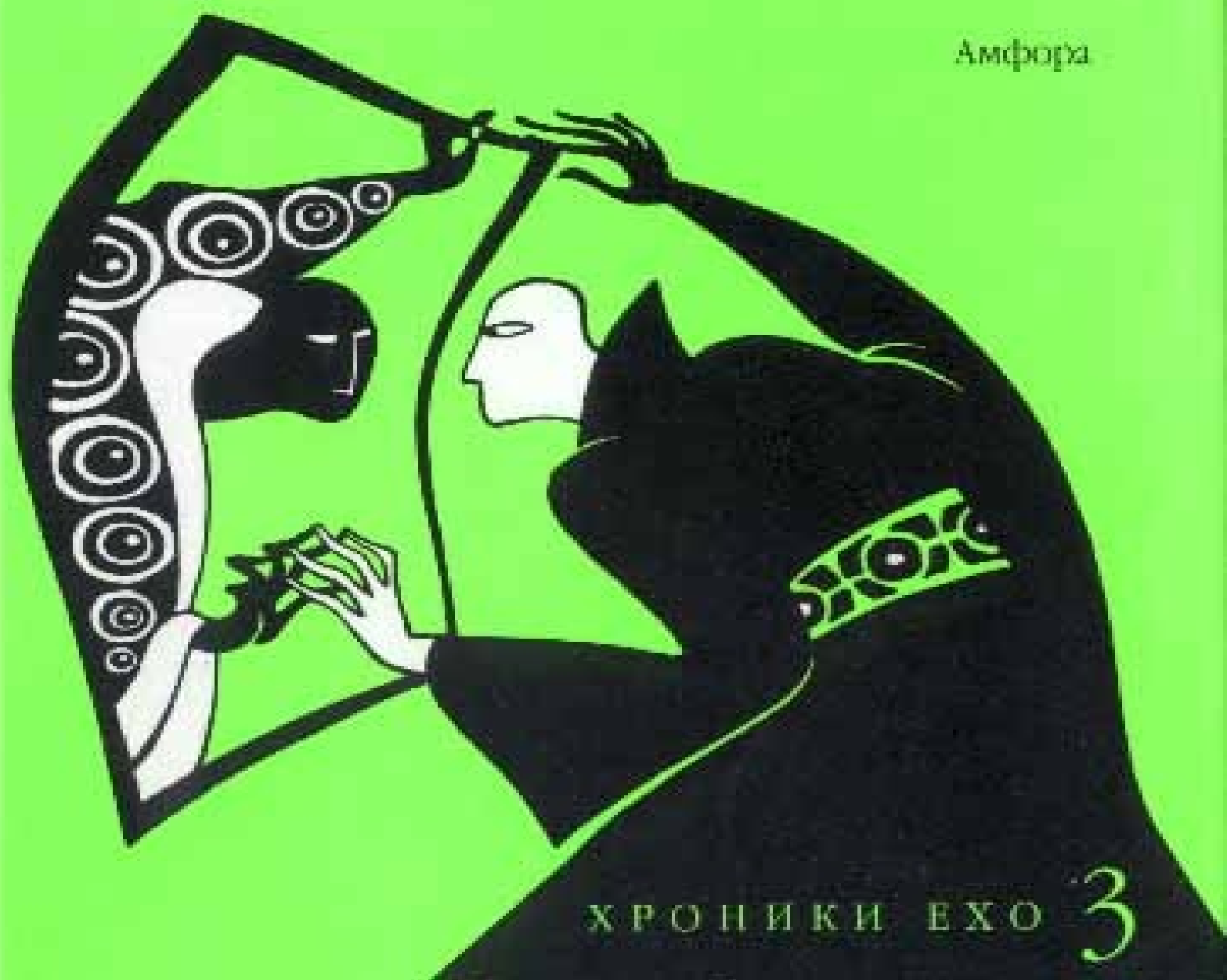

Макс Фрай

Неуловимый Хабба Хэн

Амфора

ХРОНИКИ ЕХО

3

Annotation

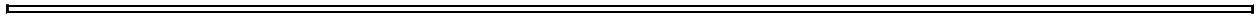
Некоторые тайны остаются тайнами только потому, что не могут быть высказаны словами: звуки и буквы – неподходящие символы для составления этих магических формул. Иные же тайны – и не тайны вовсе, так, мелкие секреты, зато – чужие. Личные. Приватные. В повести о неуловимом Магистре по имени Хабба Хэн предостаточно и тех и других тайн. Некоторые будут раскрыты, некоторые – слегка приоткрыты, а некоторые так и останутся тайнами, не доступными нашему пониманию, но сердцу и воображению – вполне. Почему бы и нет?..

В трактире «Кофейная гуща», что стоит на границе между новорожденной реальностью и нашими снами, появляется сэр Шурф Лонли-Локли. Гость всего один, а сюрпризов – куда больше, чем можно было ожидать. Тайное становится явным, а явное окутывается туманом секретности, мир в очередной раз переворачивается с ног на голову, а значит, все идет по плану.

- [Макс Фрай](#)
  -
  - [Неуловимый Хабба Хэн](#)
  - [НЕУЛОВИМЫЙ ХАББА ХЭН](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)

Макс Фрай

Хроники Ехо

Неуловимый Хабба Хэн

Истории о старых временах,
иных Мирах и вымышленных существах,
рассказанные, пока варился кофе

Неуловимый Хабба Хэн

История, рассказанная сэром Максом из Echo
...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

На рассвете Тришу разбудил шум за окном. Ходит кто-то, палой листвой шуршит, ветки трещат – ну и дела! Она немного поворочалась с боку на бок, потом все-таки оделась, шаль на плечи набросила и вышла в сад поглядеть, что там происходит. Хозяйским, так сказать, глазом. На Франка надежды мало, вряд ли он сейчас дома. Не в его привычках встречать рассвет в собственной спальне.

Ну и хорошо, что вышла. Осталась бы в постели, долго еще прислушивалась бы к шорохам да голову ломала: что там творится? А тут сразу все стало ясно. Это, оказывается, гость, который Макс, забрел в сад, залез зачем-то на дерево, совсем невысоко, всего в паре метров над землей нашел удобную ветку, расселся там, как в кресле, скрестил руки на груди, глядит в небо, ухмыляется мечтательно, ногами болтает. Живой туман приполз из глубины сада, окутал плечи гостя, как плед, чтобы не замерз человек, не простудился. Молодец, что тут скажешь? Всегда бы так.

– Уже проснулся? Так рано?

Триша удивлена – слов нет. Разошлись-то сильно за полночь.

– Ага, проснулся, как же! Просто еще не ложился, – объясняет Макс. – Я тебя разбудил, когда на дерево лез? Извини, Триша. Чему я, наверное, никогда не выучусь, так это бесшумно двигаться.

– Ничего, – отмахивается она. – Разбудил, конечно, но я люблю иногда на рассвете вставать. Поспать потом и днем можно, если захочется. А ты что, вовсе никогда не спишь?

– Ну что ты. Спать – мое основное занятие. Видеть сны и сниться, а больше я толком ничего и не умею, пожалуй, – улыбается он. – Я скоро лягу. Вот покурю и... Самое милое дело – дрыхнуть до полудня. Или дольше. Пока пинками из постели не погонят.

– Да кто ж тебя погонит? – изумляется Триша. – Спи себе на здоровье сколько влезет.

– Какая ты молодец. Очень правильно рассуждаешь. Все бы так! – вздыхает он.

Помолчали.

Трише ужасно интересно, чем он всю ночь занимался, но она знает, что люди не любят расспросов, ей Франк объяснил. А то бы спросила, конечно. Но Макс сам понял, что она умирает от любопытства, и пришел на помощь.

– Я Джуффина проводил немножко, – говорит.

– А Джуффин все-таки ушел? – всполошилась Триша. – Почему? Разве ему у нас не понравилось?

– Еще как понравилось. Грозился – теперь часто будет заходить. Дескать, дорогу уже знает... Просто у него куча дел действительно. И подозреваю, как минимум одна очень серьезная проблема, которую нужно срочно обдумать и обсудить. Со старшими, так сказать, товарищами.

– Проблема? – хмурится Триша.

– Ну да. Я и есть эта самая проблема, – охотно объясняет Макс, сопровождая драматическое признание чудовищным зевком. – Я же правду говорил, Мир, который чудом уцелел – причем не без моей скромной помощи, – теперь тает от моего взгляда. Скажешь, не проблема?

– Ну, ты же туда не собираешься, значит, и беспокоиться не о чем, – рассудительно говорит Триша.

– Ну да – не о чем! Мои благие намерения, честное слово и прочие прекрасные глупости – так себе гарантия безопасности. Не хотел бы я быть частью реальности, существование которой зависит только от честного слова какого-то доброго дяди. Особенно если этот дядя – я сам.

– Ты себе не веришь? – удивляется Триша.

– Ну почему же, верю – до какого-то предела. А иногда посмотрю в зеркало, а оттуда ухмыляется незнакомый хмырь, и рожка у него самая что ни на есть подозрительная. И вот ему-то я не верю ни на грош.

– Трудная у тебя жизнь, если так, – сочувственно говорит Триша.

– Зато интересная. Да нет, не так все страшно, конечно. Но Джуффину действительно надо разобраться, почему реальность тает от моего взгляда. Что не так – с Миром или со мной? Или с обоими? Пока не поймет, не успокоится, я его знаю. К тому же ему придется придумать, как свести опасность к минимуму. Убивать он меня не станет, это понятно. Даже если отбросить сентиментальные соображения, шеф не любитель добро понапрасну переводить. А заперать меня не имеет смысла: сбегу. Рано или поздно, так или иначе, а – фьють! – и нет меня. Я отовсюду сбегаю, иногда – непреднамеренно. Таково свойство моего

организма, и Джуффин это прекрасно знает. Значит, придется ему придумать еще что-нибудь. Я рад, что это не мои проблемы. Я бы на его месте рехнулся, пожалуй.

– Он точно придумает, – обещает Триша. – Что-нибудь такое, что всех устроит. Он такой... Такой!

Она умолкает, потому что не знает слов, подходящих для достойной похвалы сэру Джуффину Халли. Разве только руками всплеснуть, глаза возвести к небу, задержать дыхание, а потом медленно-медленно выдохнуть и улыбнуться.

– Эй, да ты, похоже, влюбилась в моего бывшего шефа, – Макс лукаво ей подмигивает и качает головой – не то удивленно, не то укоризненно.

– Конечно влюбилась. – Триша рада, что он ее правильно понял. – А как еще?

Немного поразмыслив, она приходит к выводу, что правильно, но не совсем.

– Ты не забывай, – строго говорит Триша, – я же только с виду человек. У кошек все иначе. Когда я говорю, что влюбилась, это значит, я просто счастлива, что такое существо есть на свете. А уж если вдруг оно рядом со мной какое-то время будет находиться – вообще сказка, праздник! И ничего мне от него больше не надо. Пусть что хочет, то и делает. Ну, если по голове меня погладит, я, конечно, от счастья растаю. А нет – так нет, не беда и не повод для грусти. Погляжу на него, послушаю да и пойду по своим делам. Вот это я называю – влюбиться. А ты что подумал?

– Ерунду я подумал, – Макс улыбается до ушей. – Извини, Триша. У меня тоже иногда получается так влюбиться, как ты рассказываешь. Но не всегда. Ох не всегда!

– Это потому, что ты не кот, – снисходительно объясняет она. – Конечно тебе труднее! Но если хоть иногда получается, уже хорошо. Ты молодец.

– Спасибо, – очень серьезно отвечает Макс. И головой кивает – вроде как кланяется. По-настоящему-то не поклониться, когда на дереве сидишь.

– А ты с Джуффином больше не ссорился? – спрашивает Триша. – Он точно не поэтому ушел?

Спрашивает и сама себе удивляется. Еще недавно так стеснялась новых гостей (а Макса – в особенности), глаза лишний раз поднять на него не решалась, а теперь, гляди-ка, как старшая себя ведет, то хвалит его, то расспрашивает бесцеремонно. Это, наверное, потому, что невозможно

стесняться человека, который сидит на дереве и болтает ногами, как мальчишка. А он ничего, терпит, не спешит поставить ее на место. Хороший такой. Зря она вчера вечером на него сердилась.

– Да ну, какие там ссоры, – отмахивается Макс. – И давеча в кофейне – это же не ссора была. Просто в свое время мы расстались при таких обстоятельствах, что я твердо знал: все, больше никогда Джуффина не увижу^[1].

. Ну и пришлось всеми правдами и неправдами выкидывать его из сердца, потому что иначе я рехнулся бы. Для меня в ту пору Джуффин был всем. Господом богом и добрым дядюшкой, лучшим в мире начальником и любимым учителем, старшим братом и ангелом-хранителем – словом, совсем не тот случай, когда достаточно знать, что есть где-то во Вселенной такой человек, и радоваться... В общем, как-то я его из сердца все же выкинул и худо-бедно успокоился. А тут он снова появляется в моей жизни и ну обратно в сердце ломиться! Не впустить – не выходит, впускать – трудно, больно и, самое главное, непонятно, с чего начинать. Вот я и лез на стенку. Но теперь-то дело сделано, не к чему больше комедию ломать, надо просто учиться дружить, как он с самого начала и предложил... Ну вот, в результате мы с ним полночи тут в саду просидели, трепались о том о сем, и я пошел его провожать. А потом уже Джуффин меня провожал обратно, потому что в одиночку я бы десять тысяч лет плутал, пожалуй... Интересными тропами он между Мирами ходит, ничего не скажешь! Увлекательная вышла прогулка. Круче, чем в «Северо-западный проход» играть.

– А как это – играть в «Северо-западный проход»? – спрашивает Триша. И, спохватившись, добавляет неуверенно: – Или это тайна?

– Да ну, что ты! Какая же это тайна? Просто игра. Залезай ко мне, я тебе правила расскажу. Тут как раз места хватит. Отличная ветка.

Триша давно уже хотела к нему залезть, но все же немного неловко было без приглашения. А теперь-то чего медлить, одним прыжком, раз – и там.

– Ловкая какая, – одобрительно говорит Макс. – Я по сравнению с тобой медведь неуклюжий.

– Ну ты же не родился котом, – напоминает она. – Зато ты другие вещи умеешь. Чай имбирный у тебя вчера здорово получился. Ну и наш Город тоже хорошо вышел.

– Вот! Мне очень нравится твоя расстановка приоритетов. Этому мне точно надо бы у тебя поучиться.

Странный он все-таки. Никак не поймешь, когда шутит, а когда

серьезно говорит. Впрочем, очень может быть, что Макс делает это одновременно. С него станется.

– "Северо-западный проход", – напоминает Триша. – Играть! Как?

Нескладно вышло, зато понятно, чего она сейчас от него ждет.

– Ага. «Северо-западный проход». Правила. Слушай, – в тон ей отвечает Макс, и они оба смеются – тихонько, чтобы никого не разбудить.

– Правила простые, – отсмеявшись, говорит Макс. – Нужно пройти из одного места в другое каким-нибудь новым, неизвестным тебе путем. Чем больше откроешь со временем новых дорог, тем лучше. Вот у тебя есть какой-то постоянный маршрут? Куда-нибудь ты изо дня в день ходишь?

– Ну, например, на рынок и обратно. Не каждый день, но часто. Всегда одной и той же дорогой хожу, самой короткой. А как еще?

– Дело хозяйское, конечно. Кому как нравится. Но суть игры в том и состоит, чтобы найти как можно больше разных способов добраться от твоей кофейни до рынка. Это могут быть очень длинные, путанные и неудобные дороги. А можно случайно найти еще более короткий путь, так бывает. Если, скажем, не по улице, а проходными дворами. Ну, как повезет.

– А как понять, выиграл ты. или проиграл? – спрашивает Триша. – В человеческих играх так положено, чтобы был победитель. Я знаю, мне Франк объяснял.

– Очень просто. Если ты пойдешь незнакомой дорогой и не заблудишься, не упрешься в тупик, не застрянешь в запертом дворе, а доберешься до цели, значит, выиграла. А если придется возвращаться назад и начинать все сначала – проиграла. Но, честно говоря, проигрывать – тоже сплошное удовольствие. Столько всего интересного можно обнаружить в этих самых тупиках да запертых дворах... Знай себе ныряй в любой проем – одно из двух: или проложишь новую прямую между двумя точками, или просто забредешь неведомо куда, увидишь что-нибудь эдакое, испугаешься до полусмерти, налюбуйешься всласть да и пойдешь назад.

– Наверное, – соглашается Триша.

Она удивлена. Прежде ей и в голову не приходило превращать поход на рынок в приключение. Оказывается, можно и так.

– Ты сам эту игру выдумал? – спрашивает она.

– Нет, что ты. В книжке вычитал^[2]. Давно еще, когда маленький был. С тех пор это у меня любимая игра.

– А почему именно «Северо-западный проход»? Надо сначала обязательно на северо-запад идти?

– Нет, что ты. Просто в книжке, которую я читал, дети искали северо-западный вход в школу. У них еще было важное условие – не опоздать на урок. Но я, честно говоря, на часы особо не смотрю. Сутками готов плутать, мне только волю дай.

– Я, наверное, попробую поиграть в твою игру, – говорит Триша. – Мне уже интересно, один дворик на Тихой улице, с красной калиткой, – он проходной или как? И куда ведет Мокрый мост – я же так ни разу по нему и не гуляла... Слушай, выходит, я тут давно живу, а город толком не знаю. Как же так?

– Обычное дело, – утешает ее Макс. – Мало кто хорошо знает город, в котором живет. Думают, это неинтересно. Зато чужие города изучать полно охотников. Вот я, например.

И снова тихо смеется. Над собой, что ли?

– Я и чужих городов не знаю, – вздыхает Триша, – и свой – не очень-то. Только нашу кофейню, этот сад и несколько соседних переулков. Тут-то я, конечно, все уже разведала.

– Ну вот, – подмигивает ей Макс. – Самое время приступать к новым исследованиям.

Потом он все-таки идет спать, а Триша, прихватив корзину, отправляется на рынок. Торговцы только через час соберутся, не раньше. Вот и славно. Значит, спешить некуда. Можно теперь же, не откладывая, поискать новый путь. Но обратно, с покупками – кратчайшей дорогой, тут не до прогулок. А может быть, ей повезет и сыщется попутчик. Обычно когда корзина очень уж тяжелая и Трише по-настоящему неохота пешком домой возвращаться – не просто лень, а действительно тяжело, – обязательно находится желающий помочь. С тележкой, или на воздушном шаре, или на лошади, это уж по обстоятельствам, но выручат ее непременно. Так уж в Городе заведено, чрезмерной опекой никто особо не избалован, но мелкие проблемы решаются сами собой, а серьезных, вроде бы, и нет ни у кого. То ли Макс так придумал, то ли потом уже само сложилось – да какая, собственно, разница? Главное, что так есть.

Франк объявился только в сумерках, когда немногочисленные завсегдатаи «Кофейной гуци» уже ушли, а гости как раз вернулись с прогулки и напросились помогать, так что Триша усадила их обрывать лиловые лепестки цветов, предназначенных для салата. В кои-то веки

Франк пришел не с пустыми руками, принес бутылочку росы, собранной с цветущих яблонь, и пригоршню разноцветных прозрачных камней, которые тут же принялся толочь в ступе. Не то в кофе будет класть этот чудодейственный порошок, не то в суп – поди разбери. Триша никогда прежде не видела таких специй, да и гостинцами не слишком избалована, поэтому обрадовалась не на шутку, даже в пляс пустилась – сама, не дожидаясь, когда Франк попросит.

– А я сегодня в «Северо-западный проход» играла! – говорит она, уgomонившись. – Макс меня научил.

Франк приподнимает бровь. Дескать, вот оно как. Но, кажется, очень доволен.

– Макс – такой, да, ему лишь бы детишек несмысленных глупостям всяким учить, – наконец говорит он. – В этом, думаю я, и заключается смысл его существования. Крысоловом из Гаммельна не ты ли, часом, был?

– Не помню, – беззаботно отвечает Макс. – А кстати, жаль, если не я. Завидная судьба.

– Ага, он и меня когда-то учил в «Северо-западный проход» играть, – громко шепчет Трише сероглазая Меламори. – И ведь проверял, мерзавец! Все новые проходные дворы и переулки велел потом показывать, чтобы не жульничала.

– Ты не впилила, как говорил один наш с тобой приятель. Это я тогда просто повод искал лишний раз с тобой погулять, – смеется Макс. – Ну и город заодно узнать получше. А что, отличный предлог!

Она укоризненно качает головой, а сама улыбается до ушей.

Трише кажется, что она начинает наконец понимать, зачем некоторые люди заводят котят. Одно удовольствие глядеть, как они играют, дерутся невзавправду, клубками по полу катаются, – вот и с гостями то же самое. «Надо бы их уговорить, чтобы пожили тут у нас подольше, – думает она. – Франк довольный ходит, как именинник, да им и самим тут хорошо, разве нет? А у ж мне-то как нравится...»

Макс небось опять спросил бы, уж не влюбилась ли? И Триша честно ответила бы – ну да. Еще как влюбилась. Всем сердцем. В обоих.

«Хорошо бы еще с Меламори так же поговорить, как с Максом вышло, ночью, вдвоем, – думает она. – Только не в саду на дереве, а тут, в кофейне. Потому что на кухне можно заваривать чай, грызть печенье и болтать одновременно. Так лучше».

Макс меж тем принялся поглядывать на двери. То на парадный вход, то на выход в сад. Нет-нет да и зыркнет недовольно: дескать, где же

гость? Он не любит ждать, это сразу видно.

– Опять нервничаешь? – спрашивает Триша.

Он мотает головой.

– Да ну. Не нервничаю. Просто лопаюсь от нетерпения. Тут такие дела творятся, понимаешь. Можно сказать, два мешка с сюрпризами заготовлены, и я – главный Дед Мороз...

– Дед? – изумляется Триша. – Ты же молодой! Что за дед?

Макс ухмыляется до ушей.

– А вот такой специальный полезный сказочный дед с длинной белой бородой, который приходит раз в году с мешком подарков для всех. Совсем ты, Триша, сказок не знаешь. Впрочем, оно и правильно. Одни сказки читают, а другие в них живут.

– Я не по...

– А нечего тут понимать. Глупости я говорю, – вздыхает он.

– Вот именно, – вмешивается Франк. – Триша не в сказке живет. В мифе – да, пожалуй. Но уж никак не в сказке. Это разные вещи.

– Ну, если на то пошло. Дед Мороз – тоже миф, – примирительно говорит Макс. – Простой такой миф для самых маленьких. Но все-таки.

На том и сошлись. Триша, впрочем, так толком и не поняла ничего ни про этого деда, ни, тем более, про мифы, но – ладно. Потому что не до того уже. Дверная ручка неспешно плывет вниз, и – оп-ля! Обещанный гость на пороге. Явился наконец.

Высоченный такой серьезный дяденька, в белом плаще с голубым кантом; кажется, очень красивый. Ну, то есть Трише он нравится. Так, что дух захватывает. Даже непонятно, что следует делать в таких случаях. Об ногу-то теперь особо не потрешься, не помурлычешь. Иногда все-таки очень трудно быть человеком, особенно если есть с чем сравнивать.

Новому гостю понадобилась доля секунды, чтобы оглядеться и оценить ситуацию. Покончив с этим, он уставился на Макса. И вот его-то целую минуту рассматривал, не меньше, дал себе волю. Триша даже как-то засомневалась – а вдруг она что-то очень важное не углядела? И тоже принялась таращиться, за компанию с незнакомцем. Исподтишка, конечно.

Макс тем временем во все глаза пялился на гостя. Вид при этом имел самый что ни на есть озадаченный. Можно подумать, пришел не тот, кого он ждал. Или тот, просто выглядит иначе? Но что-то не так, это Трише сразу стало ясно.

– С каких это пор ты носишь одежду Ордена Семилистника? –

наконец спрашивает Макс.

– С недавних, – флегматично отвечает гость. – С третьего дня сто двадцать третьего года Эпохи Кодекса. То есть два года и двести четыре дня, если тебе требуется точный ответ, в чем я, по правде сказать, сомневаюсь.

– Когда ты мне снился, ты ни разу не заикнулся...

– Когда ты снился мне, у нас были куда более интересные темы для бесед, чем мои служебные дела.

– Да, но...

Теперь и Меламори с открытым ртом глядит на обоих. Глаза у нее сейчас огромные и совершенно круглые – как только на лице умещаются? Вот это удивилась так удивилась!

– Встретить тебя здесь – приятный сюрприз, – говорит ей гость. – Впрочем, я предвидел такое развитие событий; более того, я на него надеялся. Может быть, ты любезно представишь меня присутствующим и объяснишь, где мы все находимся и что тут происходит? От Макса толку мало, он теперь мою одежду будет разглядывать и причитать до самого утра.

– Я, пожалуй, тоже буду причитать, если ты не против, – вздыхает Меламори. – Вы, значит, друг другу снились вовсю, пока я с ума сходила. Ничего себе новости! Хоть бы намекнул, что с Максом все в полном порядке. Тоже мне, лучший друг и практически старший брат!

– Некоторые тайны сами себя стерегут, знаешь ли. И захочешь – не расскажешь.

– Твоя правда, – неохотно соглашается Меламори. – Бывает, что нельзя разболтать. А намекнуть все-таки мог. Я понятливая.

Некоторое время эти трое молча разглядывают друг друга, словно бы прикидывают, что более уместно на данном этапе переговоров – братские объятия или показательная порка. Триша знает, так бывает с людьми, когда они узнают слишком много новостей сразу. Она не очень понимает, почему бы не плюнуть на все и не разрешить себе просто радоваться. Но даже самым необыкновенным людям в этом смысле гораздо труднее, чем обычным кошкам. Бедные они, вот что.

Франк тем временем помалкивает и вовсю наслаждается ситуацией. Еще бы: когда люди выбиты из колеи, про них сразу все самое главное понятно. Ужасно интересно, действительно.

– Так и будем молчать? – наконец снисходительно спрашивает гость. – Хоть бы из вежливости ответили на мои вопросы. А потом я с неизъяснимым наслаждением позволю вам обоим подвергнуть меня

пыткам, если это так уж необходимо. Но сперва я бы все-таки очень хотел узнать, что именно со мной происходит. Понимание ситуации помогает упорядочить процесс мышления.

– Процесс у него, видите ли, – ворчит Макс. – Что происходит, что происходит... Не притворяйся, будто не понимаешь. Я же говорил тебе, что однажды ты начнешь путешествовать между Мирами не только во сне, но и наяву – не от случая к случаю, а по собственному желанию, хоть трижды в день после еды, помнишь? Ну вот, считай, начинается понемногу, с чем тебя и поздравляю. Здравствуй, дружище. Вижу тебя – не как, а действительно наяву, подумать только!

– Наконец-то. С этого обычно и начинают разговор воспитанные люди.

Гость говорит очень строго, но в уголках его рта притаилась улыбка, а глаза сияют как фонари. И не очень понятно, зачем нужно вести себя так сдержанно среди своих. Но ему, конечно, виднее.

– Вы оба как хотите, а я буду сердиться еще... м-м-м... пять, нет, даже десять минут, – объявляет Меламори.

– Семь с половиной, – предлагает Макс.

– Нет уж. Сказала десять, значит, десять. Ненавижу компромиссы. Засеките время кто-нибудь,

Гость кивает.

– Хорошо. Я непременно скажу тебе, когда ты перестанешь сердиться. Макс, пока Меламори занята, ты мог бы наконец познакомить меня с присутствующими. Репутация невежи мне не к лицу.

– Не беспокойся, дружище, главный невежа всех времен – это у нас я, один такой во Вселенной, – ухмыляется Макс.

Но все же берется за ум, объявляет присутствующим, что они имеют счастье лицезреть прекрасный и ужасающий лик самого сэра Шурфа Лонли-Локли, который, конечно, вырядился как черт знает что и не желает объяснять, с какой стати, ну да ладно, дело хозяйское. Называет гостью имена Франка и Триши, рассказывает о них обоих какую-то невнятную, но прекрасную чепуху, говорит, говорит, говорит, слова из себя выдувает, как мыльные пузыри, пока дыхания хватает, тараторит так, что никому ни черта не понятно, зато всем весело и интересно. Даже Меламори с превеликим трудом выполняет свое обещание оставаться сердитой, но все же как-то справляется пока, держит слово, молодец.

– А вы правда убиваете тех, кто любит вас без должного почтения? – вдруг спрашивает Триша.

И тут же начинает оглядываться по сторонам: куда бы спрятаться? Под барную стойку, что ли, залезть и сидеть там до самого утра? Не от страха, конечно, от смущения. Убивать ее в любом случае уже поздно, она сейчас совершенно самостоятельно сгорит от стыда – и кто ее за язык тянул Максовы слова повторять? Ясно же, что это он вчера так шутил... Что вообще происходит? Прежде она никогда глупостей не говорила, тем более – незнакомым людям при первой же встрече.

– Нет, конечно. А с чего вы взяли? – очень серьезно спрашивает гость.

Триша окончательно смешалась, так что вообще все слова позабыла, только и может, что подбородком указать на Макса. Дескать, от него сведения.

– А, ну так сэр Макс вечно про меня всякую ерунду выдумывает. Иногда мне кажется, что именно в этом он видит свою великую миссию, а все прочее совершает походя, между делом, – обстоятельно объясняет гость. И, подумав, добавляет: – Впрочем, иногда он все-таки рассказывает обо мне правду. Ту часть правды, которая кажется ему достаточно эффектной.

– Я всегда рассказываю о тебе правду и только правду. Другое дело, что не всю, – очень серьезно говорит Макс. – Не забывай, уж я-то тебя знаю.

– Пожалуй, знаешь, – так же серьезно соглашается гость, которого зовут сэр Шурф Лонли-Локли.

«Надо бы хорошенько запомнить и не перепутать, – думает Триша. – Все же куда проще иметь только одно имя, не зря здесь, в Городе, все быстро отказываются от своих длинных, сложных фамилий. Не то чтобы это обязательно, но как-то само собой складывается. И правильно».

– Вам, как я понимаю, многое нужно обсудить, – говорит тем временем Франк. – Так и быть, отступим от традиции. Первая порция угощения за счет заведения, как-нибудь не разоримся. Мы с Тришей умеем ждать.

– Это очень похвальное качество, – отвечает гость. – Благодарю вас. Что касается меня, я бы с радостью следовал всем традициям этого места, но сэр Макс вряд ли станет считаться с моими желаниями. Это не в его привычках.

– Совершенно верно, не в моих. Узнаешь напиток? – подмигивает ему Макс, протягивая чашку кофе. – Между прочим, именно в этом городе ты его впервые попробовал^[3]. Только мы с тобой гуляли по новорожденной

реальности, а теперь, гляди-ка, совсем настоящий город, тверденький, плотный, густонаселенный, живет своим умом, до меня ему больше дела нет – и правильно. Мир не должен цепляться за полы своего создателя, обоим это не на пользу.

– Тебе виднее, – флегматично соглашается гость. – В делах такого рода я тебе не советчик, сам знаешь.

– Зато во всех остальных – очень даже советчик, – смеется Макс. – Несмотря на твою идиотскую Орденскую униформу. Ты бы все-таки объяснил, как тебя угораздило.

– А тут и объяснять нечего... Леди Меламори, имей в виду, что десять минут уже прошло. Можешь прекращать на нас сердиться, я же вижу, что тебе уже надоело. Кстати, я был совершенно уверен, что ты расскажешь Максу обо всем, что у нас делается. Ты же всегда любила сплетничать. Не узнаю тебя.

– Знаешь, мне как-то не до того было, – неохотно говорит Меламори. Наверное, трудно вот так взять да и прекратить сердиться по команде, даже если сама заранее решила. Но она честно старается, молодец.

– Я как контуженная была, да и до сих пор, собственно, не в себе, – помолчав, объясняет она. – И не, столько от радости – хотя и это тоже, – сколько от воздуха иного Мира. Я же никогда раньше не путешествовала между Мирами. И не очень верила, что у меня получится. Если бы там, куда я попала, не было Макса, я бы с ума сошла в первую же минуту, а так ничего, держалась как-то. Здесь-то полегче дышится, а что все на сон похоже, так даже и хорошо, мне же проще. А там, где я его нашла... Ох, это такое странное место, Шурф! Очень неудобное и недоброе. И для магии нашей не слишком подходит, зато для Истинной – в самый раз. Удивительно, что тамошние обитатели совсем не искушены в Истинной магии, потому что сила разлита там повсюду, из-под каждого камня сочится, а они не замечают почему-то и не пользуются... Трудно объяснить, я и сама еще толком не разобралась. Макс меня оттуда через пару дней сюда уволок. И правильно сделал, спасибо ему за это.

– Очень интересно, – говорит гость, и глаза его снова вспыхивают, хотя лицо остается бесстрастным.

Триша видит – он бы все на свете отдал, чтобы увидеть Мир, о котором ему рассказывают. Доброе там место или недоброе, ему плевать. Джуффин вчера говорил, дескать, Шурфа Лонли-Локли больше всего на свете интересуют новые знания, но Триша даже вообразить не могла, что настолько. Это уже не «интерес» какой-нибудь, а настоящая страсть.

Вот какие, оказывается, бывают люди.

– Так что мне было не до сплетен, – заключает Меламори. – Оно и хорошо, теперь ты сам все Максу объяснишь. Я же подробностей не знаю, только догадываюсь кое о чем.

– Сейчас, – угрожающим тоном говорит Макс, – сердиться буду я. И не десять минут, а десять часов кряду. И кофе отберу – у обоих! И... Словом, придумаю что-нибудь. Какую-нибудь неслыханно страшную кару.

– Любопытно было бы поглядеть, – ухмыляется Франк, подвигая ему блюдо с печеньем из сладких речных водорослей.

– Да ну. Разве что послушать, – смеется Макс. – Я только на угрозы скор, не на расправу. Но все же каковы мерзавцы эти двое! Знают, что любопытство мое слабое место, и тянут жилы. Сэр Шурф, надо думать, в воспитательных целях, а Меламори – просто так, за компанию.

– Вольно же тебе иметь слабые места, – невозмутимо парирует Лонли-Локли. – Ладно, ладно, не вращай глазами и не делай вид, будто сейчас грохнешься в обморок, я же знаю, что на самом деле тебе и самому нравится тянуть паузу. Вот и подыгрываю по мере сил – чего не сделаешь для лучшего друга... На самом-то деле история выеденного яйца не стоит. Как ты знаешь, после кончины, вернее, отъезда в Харумбу Нуфлина Мони Маха Орден Семилистника несколько лет оставался без Великого Магистра. Леди Сотофа Ханемер дюжину раз кряду наотрез отказалась занять этот пост, так что даже сэр Джуффин вынужден был сдаться. А поскольку пришло время переписывать Кодекс Хрембера и тянуть дальше было невозможно, сэр Джуффин попросил меня временно возглавить эту организацию. Он твердо пообещал, что непременно подыщет мне замену, максимум через три дюжины лет, и тогда я буду навсегда свободен от любых обязательств – перед Орденом, Соединенным Королевством и перед ним лично. А слову господина Почтеннейшего Начальника можно верить, по крайней мере в некоторых случаях. Поскольку ты сам передал в распоряжение Джуффина инструкцию для нового Великого Магистра, проблем с моим назначением не возникло, хотя многие заинтересованные лица, конечно, до сих пор от потрясения оправиться не могут. Как видишь, ничего интересного, вполне рядовая интрига.

– Погоди-ка. Так ты теперь Великий Магистр Ордена Семилистника? – изумленно говорит Макс. – И вы переписываете Кодекс Хрембера? И это у нас теперь называется «ничего интересного»?! Ты меня убиваешь, сэр Шурф. Натурально убиваешь.

Но вместо того чтобы умереть, он принимается хохотать, да так

заразительно, что Триша тоже не может сдерживать улыбку, хотя совершенно ничего не понимает в этих их разговорах и новостях.

– И так всегда, – печально резюмирует гость, обращаясь по большей части к Франку. – Я говорю с ним о серьезных вещах, а он хохочет, вечная история. Что тут будешь делать?

– Хороший вопрос. Особенно если учесть, что убивать меня ты уже пробовал и ни хрена не вышло^[4], – сквозь смех говорит Макс.

– Ну вот, снова тебя невесть куда занесло, – сэр Шурф Лонли-Локли укоризненно качает головой.

Франк и Меламори улыбаются до ушей, наблюдая за обоими, а Триша не знает, что и думать. Она же видит, что им показывают не настоящий спор, а представление, каждый участник которого хорошо знает и очень любит свою роль. Что скрывается за этим представлением, Триша не понимает, но чувствует присутствие тайны. Причем такой, что, будь она по-прежнему настоящей кошкой, у нее шерсть на загривке дыбом стояла бы. Да и сейчас искорки электрические в волосах потрескивают от опасной близости неизвестно чего. Но Трише даже нравится. Пожалуй. Скорее да, чем нет, хоть и трудно вот так сразу определиться.

– Почему тебя в Семилистник Великим Магистром сослали, я более-менее понимаю. Шутка из ряда вон, как раз во вкусе Джуффина. А Кодекс-то на хрена переписывать? – отсмеявшись, спрашивает Макс. – Что не так с Кодексом Хрембера?

– Почти все не так. Обстоятельства изменились, Мир больше не стоит на грани гибели, это тебе известно лучше, чем кому бы то ни было. Соответственно, необходимости воздерживаться от колдовства в Сердце Мира теперь нет. С другой стороны, взять да и отменить Кодекс Хрембера было бы неправильно: помимо запретов на Очевидную магию там содержится немало здравых идей и полезных законов. Поэтому пришлось подвергнуть его основательной переделке. Как я понимаю, сэр Джуффин остановился на моей кандидатуре именно потому, что я всегда легко управлялся с бумагами. Хотя насчет шутки ты тоже по-своему прав. Разумеется, господин Почтеннейший Начальник полагает мое назначение чрезвычайно забавным событием. Да оно и является таковым – для тех, кто хорошо знает историю Смутных Времен и мою собственную биографию.

– Ну и дела, – восхищенно вздыхает Макс. – Как там у вас сейчас интересно, а мне нос в Ехо сунуть нельзя. Ну, ты уже знаешь, наверное, – от моего взгляда там все тает.

– Знаю. И пока не понимаю причин этого удивительного феномена.

Впрочем, это явно не та проблема, которую я могу решить.

– Это явно не та проблема, которую хоть кто-то может решить, – сердито говорит Макс. – Ладно, проехали. Меня и здесь неплохо кормят, еще и гостей звать разрешают – чем не жизнь?

Тут Лонли-Локли наконец вспоминает, что кроме Макса на свете есть еще и другие люди.

– Я очень благодарен вам за гостеприимство, – говорит он Франку и Трише. – Этот визит чрезвычайно много для меня значит. Я довольно искушенный колдун, но в путешествиях между Мирами – почти новичок, так уж сложилась моя жизнь. Мое пребывание здесь – бесценный опыт.

– Ничего, у вас будет возможность расплатиться с нами за гостеприимство, – лукаво говорит Франк. – Но деньги и чудеса у нас не в цене, этого добра и так предостаточно. За наш кофе платят историями. Не сомневаюсь, вам есть что рассказать.

– Не повезло вам со мной. Я скверный рассказчик, – гость печально качает головой.

– Скверных рассказчиков не бывает, – рассудительно замечает Франк. – Изредка встречаются люди, которым не о чем рассказывать, поскольку их память не способна хранить по-настоящему интересные события, без которых, насколько мне известно, не обходится ни одна человеческая жизнь. Но это, как я понимаю, не ваш случай.

– Разумеется нет. Другое дело, что мне довольно долго пришлось носить маску крайне сдержанного и немногословного человека. Я и сейчас редко с ней расстаюсь, поскольку для дела она очень удобна, а моя нынешняя жизнь почти целиком подчинена делам. Однако в данном случае проблема решается просто. Я пришел к вам не по собственной инициативе, а по приглашению присутствующего здесь сэра Макса. Думаю, будет справедливо, если он расплатится за меня. Собственно говоря, так даже принято. Если уж приглашаешь человека в трактир, подразумевается, что ты возмешь расходы на себя.

– Ну ничего себе! – изумленно говорит Макс. – Такого я от тебя не ожидал. Хотя, казалось бы, знаю, с кем имею дело... Вот именно что казалось бы!

– Ну, если расходы тебе не по карману, я вполне могу поужинать дома, – надменно говорит гость.

Несколько секунд они молча глядят друг на друга, а потом вдруг начинают хохотать – оба. Меламори потрясенно молчит, уставившись на Лонли-Локли.

– Впервые вижу, как ты смеешься, – наконец говорит она.

– Это потому, что ты никогда не бывала с ним на Темной Стороне, – объясняет Макс. – И между Мирами вы вместе не путешествовали. И во сне ты этого типа, надо понимать, не видела. То еще удовольствие, знаешь ли.

– До сих пор тебе нравилось, – сквозь смех говорит гость.

– Мне? Ну да, мне нравилось. Так то я, известный оригинал. Псих ненормальный, проще говоря.

Услышав про сны, Меламори опять хмурится. Вспомнила, почему сердилась в начале вечера. Снились друг другу, а ей – ни слова. Триша знает, так все девочки обижаются, если братья не зовут их играть. Она-то никогда не была маленькой девочкой, и братья у нее были не мальчиками, а котятками, давным-давно, теперь уж кажется, что и вовсе никогда. Но теоретически она очень хорошо понимает, как может быть обидно, если братья играть не позвали. Бедная Меламори.

– Когда я убежал из Тихого Города и остался абсолютно один – мало того что без всех вас, так еще и без тамошних приятелей, вообще без единой родной души – в Мире, который казался мне каторжной тюрьмой строжайшего режима, я не свихнулся от тоски вовсе не потому, что такой уж великий герой, – говорит ей Макс. – Этот невыносимый тип, сэр Шурф Лонли-Локли, в очередной раз спас мою никчемную башку. Принялся мне сниться, в самый нужный момент. Причем это были не дурацкие пустые сны о старом друге, а вполне реальные события – как, скажем, эта наша сегодняшняя вечеринка. Ну, почти как. Он говорил, что сам не знает, как это у него получается. И я не знаю как. Зато, наверное, догадываюсь почему. В конце концов, когда-то он гулял по моим сновидениям и сопровождал меня на Изнанку Темной Стороны. И еще была одна история, длинная и запутанная, ее надо бы рассказывать отдельно... Я, конечно, просил его передать тебе привет, объяснить, что со мной все в порядке – ну, насколько это вообще возможно. А он отказался наотрез. Сказал, что читал какие-то древние тексты о сновидениях, где были описаны похожие случаи. Дескать, когда сновидец начинает пересказывать другим людям, открывшиеся ему тайны, тонкая связь с иной реальностью рвется под тяжестью не то слов, не то чужих сомнений: а вдруг все выдумал или хоть что-то для красоты присочинил? – и привет, прощайте, дивные видения. Я же первый взвыл, что лучше не рисковать. Перспектива снова остаться в полном одиночестве приводила меня в ужас. Не так уж я крепок духом, как кажется, в любой момент мог бы сломаться.

– Это не совсем так, – говорит Лонли-Локли. – Кого ты хочешь

провести? Себя? Ты гораздо сильнее, чем тебе самому удобно думать. И без меня справился бы, не сомневаюсь. Но оставлять тебя одного мне, конечно, не хотелось.

– Чего тебе действительно не хотелось, так это потерять блестящую возможность получить новый опыт и побольше узнать о природе некоторых сновидений, – ухмыляется Макс. – Кого ты хочешь провести? Себя?

Дразнится. Триша снова, как нынче днем, думает о людях, которые для забавы заводят котят. Надо признать, они с Франком куда лучше устроились. Гости в сто раз интересней!

– Ладно, – вздыхает Меламори. – Попробую поверить, что сэр Шурф молчал не в воспитательных целях, а ради собственной выгоды. Это я, пожалуй, еще готова простить. Тем более что мое отчаяние в конечном итоге действительно привело к отменному результату. Все мы сидим в этом чудесном трактире, на границе между жизнью и мифом, и сейчас нам подадут кофе, расплачиваться за который будет кто угодно, но только не я. И это восхитительно.

– По крайней мере, я каждый день твердил, что тебе следует уделять как можно больше внимания сновидениям, – говорит ей Лонли-Локли. – В сочетании с опытом, который ты получила, обучаясь у буривухов Арвароха, мои советы привели тебя к цели. И сейчас, оглядываясь назад, ты наверняка признаешь, что цена была высока, но непомерной ее назвать нельзя.

– Можно, – печально улыбается Меламори. – Еще как можно. Но я не стану с тобой спорить, потому что ты всегда оказываешься прав, и это само по себе настолько ужасно, что все остальное – сущие пустяки.

После этих ее слов за столом воцарилась такая идиллия, что Триша чуть не забыла вынуть из духовки пирог с козьим сыром и садовыми сливами, но в последний момент спохватилась, и пирог выжил.

– Ладно уж, – улыбнулся Макс. – В сущности, ты совершенно прав, дружище. Я тебя пригласил, мне и платить за ужин, это справедливо. К тому же когда это я отказывался языком поработать? Но учти, я воспользуюсь случаем и попробую рассказать о том, почему мы...

Он умолк на полуслове, пристально поглядел на Лонли-Локли, тот понимающе кивнул.

– Как ты гонялся за Магистром Хаббой Хэном? А что, расскажи, действительно. Мне и самому любопытно послушать, как все это выглядело с твоей точки зрения.

– Что ж, если вы договорились, я пошел за часами, – говорит Франк. –

Триша, пирог у тебя каким-то чудом не сгорел, вижу, а как насчет кофе? Не сбежит?

– Ой! – И она несется к плите.

– Напрасно ты так спешишь, – говорит ей Макс. – Ничего с кофе не сделается. В присутствии сэра Шурфа все кроме меня ведут себя прилично, даже забытые на огне пироги и напитки.

Лонли-Локли укоризненно качает головой и встает, чтобы помочь Трише принести и расставить на столе посуду.

– А я предупреждал, сэр Макс только тем и озабочен, чтобы как можно больше всякой красивой ерунды обо мне выдумать, – говорит он. – Не стоит ему верить.

Однако Триша совсем не уверена, что это была выдумка. Пирог-то действительно не сгорел, даже не пересох, хотя она совсем о нем позабыла. И кофе не сбежал, а ведь полчаса на плите стоял, не меньше. Так что...

Франк тем временем ставит на стол песочные часы.

– Можно начинать, – объявляет он. – Теперь нас никто не потревожит.

– Другое время? – понимающе спрашивает гость.

Франк, страшно довольный, что избавлен от необходимости все объяснять, кивает, а Триша опять диву дается. Прежде этим часам все гости так изумлялись, а теперь, гляди-ка, кто ни придет, всем все сразу понятно. Ну и дела!

Макс получает большую порцию пирога, и первая чашка кофе тоже ему – авансом. Отдав должное и тому и другому, он наконец начинает рассказывать.

НЕУЛОВИМЫЙ ХАББА ХЭН

История,
рассказанная сэром Максом из Ехо

Эту историю я до сих пор не рассказывал никому, по крайней мере целиком; даже заинтересованные лица знают лишь те ее эпизоды, в которых принимали участие. И не потому, что все это такая уж великая тайна, тайну-то выболтать для меня – пара пустяков, дело житейское. Просто я не очень люблю вспоминать тот период своей жизни. А когда я говорю «не очень люблю», это обычно значит – ненавижу. Вот именно тот случай.

С точки зрения стороннего наблюдателя, дела мои в ту пору обстояли превосходно – впрочем, как всегда, или почти как всегда. Если бы кому-нибудь пришло в голову убить меня – не из корысти, не ради правого дела или, напротив, торжества мирового зла, а просто так, от непереносимой зависти, чтобы сердце свое исстрадавшееся успокоить, – я бы совершенно не удивился. Более того, я бы и сам с превеликим удовольствием придушил гада – не себя, любимого, конечно, а героя городских сплетен и приятельских пересудов, этого благополучного удачливого засранца, сэра Макса, с утра до ночи хрупающего мои пряники, пока я, стиснув зубы, отсчитываю удары предназначенного ему кнута. Ну, понятно, да?

Речь, впрочем, не о том.

Объяснить, что со мной творилось в те дни, непросто. Но я попробую.

Начать, вероятно, следует с того, что несколько лет я прожил с невидимым волшебным мечом в груди^[5]. Согласно легенде, меч когда-то принадлежал знаменитому Королю древности Мёнину; его собственная Тень любезно всадила мне в сердце сие мистическое оружие, объяснив, что отныне меч будет оберегать меня от смерти, простуды и прочих мелких неприятностей. Он, собственно, и оберегал – не от всех, но действительно от многих опасностей. Впрочем, время от времени меч проявлял характер и заставлял меня проделывать совершенно немыслимые поступки – одно только истребление несчастных пьянчужек-эльфов из Шимурэдского леса^[6] чего стоило. Но, хвала Магистрам, подобные недоразумения случались не очень часто, так что я был вполне доволен нашим сосуществованием. Ну, скажем так, быстро к нему привык. Выбора-то у меня все равно не было.

Все шло просто замечательно, пока в один прекрасный день меня не отрядили сопровождать бывшего Великого Магистра Ордена Семилистника Нуфлина Мони Маха на Уандук, в город мертвых Харумбу^[7]. Для старика это был единственный шанс продолжить привычное существование после смерти. Особенно после того, как ему не удалось завладеть по дороге моим телом. Великий Магистр, надо отдать ему должное, очень старался, и его труды изрядно испортили мне путешествие. До сих пор вспоминаю – вздрагиваю.

Этим дорожные неприятности не ограничились. В финале мне пришлось спасти своего вероломного спутника от его старинного врага, Великого Магистра Хонны из Ордена Потаенной Травы. Поскольку сражаться с этим могущественным существом было совершенно бессмысленно, я с ним сторговался. Обменял шкуру старика Мони Маха на меч Короля Мёнина и, надо сказать, был совершенно счастлив, хоть и понимал, что страшно продешевил. Но коммерсант я тот еще, известное дело, так что могло быть и хуже.

Все закончилось, можно сказать, хорошо. Магистр Нуфлин обрел стол и кров в городе мертвых, среди нескольких тысяч других таких же условно бессмертных пенсионеров, как он сам. Прислал мне поутру записку, где вкратце описал сладкую жизнь в Харумбе и заодно назначил меня своим наследником, вернее, подробно проинструктировал, как должен вести себя кандидат в новые Великие Магистры Ордена Семилистника, чтобы добиться положительного результата. Я пожал плечами, вернулся домой, отдал бесценную записку Джуффину, позубоскалил, сочиняя самый абсурдный в мире список возможных преемников Нуфлина, да и выкинул из головы всю эту историю. Все же не самое приятное приключение в моей жизни, да и не самое увлекательное – так мне тогда казалось.

К тому же настоящее всегда занимало меня куда больше, чем прошлое. Воспоминания хороши, когда у тебя ничего кроме них не осталось, ну или вот как сейчас, когда нужно развлекать байками теплую компанию, взимая плату за болтовню улыбками да имбирным печеньем. А в ту пору мне, мягко говоря, было чем заняться на досуге, зато самого досуга почти вовсе не выпадало. Прекрасная жизнь.

На фоне столь идиллического существования особенно удивительным казался тот факт, что характер мой начал стремительно портиться. Вообще-то я и так – не подарок, но окружающим обычно кажусь на удивление милым и покладистым человеком. Договориться со мной, как правило, проще простого – потому что вещей, которые действительно имеют для меня значение, не слишком много. А из-за пустяков бессмысленных

заводиться – нашли дурака!

Поэтому в Ехо я быстро приобрел репутацию человека с феноменально легким характером. Она, чего греха таить, была мне чертовски приятна, как всякая незаслуженная слава.

Но после возвращения с Уандука меня словно подменили. На следующий же день я рявкнул на сэра Кофу, который имел слабость, заявившись в Дом у Моста, усаживаться в мое любимое кресло. Ясное дело, кресло было «любимым» очень условно; возможно, я и полюбил-то его только для того, чтобы доставить удовольствие Кофе, превратить всякий его визит на службу в маленькое шоу. Необъявленная повседневная война за кресло и очередная сокрушительная победа над нерасторопным мной изрядно тонизировали нашего Мастера Слышащего.

Но тут мне вдруг вожжа под хвост попала. Дескать, это мое, мое, мое кресло, пора бы уже всем это уяснить и запомнить, а если умственные способности тому препятствуют, записать и плакат на стенку повесить. Кофа, кажется, решил, что это я так неуклюже шучу, Джуффин уставился на меня с неподдельным интересом, а присутствующий здесь сэр Лонли-Локли потом полчаса читал мне лекцию о пользе внутреннего спокойствия. Хорошо хоть, за уши не оттащали – к тому явно шло.

Добро бы этим ограничилось. Но тем же вечером я всерьез повздорил с леди Меламори, которой пришла охота в полном одиночестве гонять на амобилере по загородным дорогам, вместо того чтобы сидеть на коврике в гостиной, преданно глядеть мне в глаза и всеми доступными способами выражать радость по поводу моего возвращения. Она, кажется, не столько рассердилась, сколько удивилась: на ее памяти я делал немало глупостей, но скучным самодовольным тираном не был никогда. Полчаса спустя я, конечно, опомнился, послал ей зов, покаялся и получил прощение. Вечер завершился – лучше не бывает, но я еще долго дивился собственной выходке.

Долго – это значит до следующего полудня или около того. Честно говоря, я не посмотрел на часы перед тем, как поднял руку на друга своего сэра Мелифаро. Вернее, не руку, а ногу. Наподдал ему под зад коленкой – жест мог бы сойти за шутку, если бы я не вложил в пинок так много силы и страсти. По большому счету, сэр Мелифаро получил по заслугам, потому что близким друзьям, конечно, позволено издеваться надо мной, как им заблагорассудится, но только при условии, что их насмешки будут остроумны и, самое главное, разнообразны. А назвать меня «тайным внуком покойного Магистра Нуфлина» дюжину раз кряду – за это и убить не грех, я даже сейчас так думаю. И все же на глупые шутки пинками

отвечать – такого за мной отродясь не водилось. И хвала Магистрам.

Сказать, что Мелифаро удивился, было бы изрядным преуменьшением. Он не стал затевать драку, в которой, несомненно, вышел бы победителем, а лишь наградил меня укоризненным взглядом, слегка наморщил нос – как я понимаю, принялся, чтобы проверить, не пахнет ли безумием, – пожал плечами и ушел. Пришлось его ловить и извиняться. Опять же, не сразу, а полчаса спустя, когда я остыл и пришел в ужас от собственной дурости. Мелифаро принял извинения и великодушно согласился продолжить издевательства над моей персоной, но еще пару дней обходил меня стороной. Щадил – не то мои расшатанные нервы, не то собственную задницу.

Но его тактичное поведение ничего не изменило. Я то и дело срывался. И надо сказать, мелкие ссоры с окружающими были сущей ерундой на фоне прочих проблем. Настроение мое, обычно вполне лучезарное даже в тяжелые времена, как-то незаметно стало стабильно скверным. Я скрывал это как мог, но результат, честно говоря, не впечатлял. В придачу меня вдруг принялась терзать совершенно нелепая, беспричинная тревога. Все время казалось, что сейчас, вот-вот, буквально через пять минут, начнутся какие-нибудь невероятно гнусные неприятности. Какие именно – о, тут мое воображение услужливо рисовало дивные картины. Особенно популярны были две темы: конец света и внезапный отъезд леди Меламори на далекий материк Арварох. Кстати, удивительно, что она действительно не сбежала от меня на край земли. Я бы и сам от себя с радостью сбежал, с одной зубной щеткой и сменой белья за пазухой, но сей трюк был неосуществим по техническим причинам.

Однажды, примерно дюжину дней спустя после возвращения с Уандука, я заступил на ночное дежурство. Сидел в Зале Общей Работы, пил камру, читал позавчерашний выпуск «Суеты Ехо» и вдруг обнаружил, что мне – ну вот не то чтобы по-настоящему страшно здесь одному, но все же здорово не по себе. Неуютно и беспокойно. И темнота в дальнем углу какая-то очень уж подозрительная. Да нет же, там действительно что-то шевелится. И... Ох.

Когда я осознал, что действительно боюсь сидеть тут один, а о том, чтобы выйти в темный коридор опустевшего Дома у Моста, и речи быть не может, я сдался. Послал зов Джуффину, вкратце пересказал, что со мной творится, и не попросил даже, а потребовал помощи.

«Хочешь, чтобы я приехал, посидел с тобой в страшном, пустом, темном Управлении Полного Порядка? – обрадовался шеф. – Хорошая

идея. По крайней мере, смешная. Ладно, жди».

Зная шефа, я поверить не мог в такое ангельское великодушие. Я-то привык, что он заботится исключительно о том, чтобы отыскать побольше опасных приключений на мою задницу и поглядеть, как я буду выкручиваться. Старые добрые времена, когда сэр Джуффин Халли был готов возиться со мной, как с любимым внуком-дошкольником, давно миновали. Считалось, что я уже такой взрослый и могущественный, хоть плачь. И тут вдруг гляди-ка. С ума сойти.

– Только без паники. С ума сходить – дело житейское, со всеми случается, – добродушно заметил Джуффин, появляясь на пороге кабинета.

Подслушал, значит, мой дурацкий внутренний монолог. Обычное дело. Но мне, как всегда, стало немного неловко.

– Безумием от меня, надеюсь, не пахнет? – угрюмо спросил я, водружая на жаровню кувшин с камрой. – Или пора вызывать санитаров?

– Обойдешься, – отмахнулся шеф. – Санитаров ему, видите ли, подавай... Не того ты полета птица, чтобы на чужую помощь рассчитывать. Сам, все сам. Ну разве что я могу подсобить – советом, не более того.

– Понятно, – вздохнул я. – Все как всегда. Ну хоть объясните, что со мной происходит?

– Нет, сперва ты объясни мне, что с тобой происходит, – возразил Джуффин. – Я-то и сам вижу, но мне нужно, чтобы ты четко сформулировал. Для себя – в первую очередь. Ясное понимание проблемы – половина успеха, ты же знаешь.

– Ну вот вам четкая формулировка: я стал неуравновешенным, угрюмым, трусливым идиотом. И самое главное – непонятно, с чего бы? Когда меня от Книги Огненных Страниц скрутило^[8], так хоть причина была уважительная. Страшное древнее колдовство, мало кому выжить после такого удавалось, так что просто рехнуться – дело простительное. Но сейчас-то, сейчас...

– Не понимаешь, с чего бы? – ухмыльнулся Джуффин. – Вот это да! Причину-то понять проще простого. Где твоя светлая голова? Чего-чего, а ума меч Короля Мёнина тебе не прибавлял, так что давай работай, соображай.

– Меч Короля Мёнина? – изумился я. – Хотите сказать, это я без него бешусь? Но он же просто охранял меня от опасностей, а не... Или это была смиренная рубашка?

– погоди, не тараторь, – остановил меня шеф. – Дай усталому старику спокойно выпить камры, прежде чем я захлебнусь в твоём монологе. Последнее желание приговоренного, ну?

На мой вкус, Джуффин как-то не в меру разошелся. Не то чтобы я всерьез ждал от него сочувствия и сострадания, просто не мог понять, с чего это он так веселится. Добро бы что-то интересное со мной случилось. А то ведь просто характер испортился, все как у людей. Или все-таки нет?

– Важно, чтобы ты понимал вот что: у тебя вовсе не испортился характер. И не надейся.

Шеф, как всегда, видел меня насквозь. Вот уж действительно, стоило просить меня помолчать, чтобы немедленно заняться чтением мыслей, куда более сумбурных, чем устная речь. Нечего сказать, логичный и разумный поступок!

– Ты именно такой и есть, с детства, – невозмутимо продолжил Джуффин. – Ничего страшного, бывает и хуже, тебе еще повезло. Прежде ты неплохо справлялся – и с нервами, и со страхами, и с другими проблемами. Но в последнее время отвык. Все же меч Мёнина тебя изрядно избаловал, а теперь его нет, и придется начинать все сначала, бедный, бедный мальчик... – на этом месте шеф ухмыльнулся, как натуральный людоед в процессе личного знакомства с будущим ужином.

– И все-таки, при чем тут этот грешный меч? – буркнул я, уже изрядно выведенный из равновесия всеми этими намеками.

Одно хорошо: я так рассердился, что темная тень в дальнем углу окончательно перестала меня тревожить. А о вероятной гибели Мира я и вовсе забыл. Такое вот несказанное вышло мне облегчение.

– А ты еще немножко подумай. Задавать вопросы имеет смысл только после того, как окончательно убедился, что сам ответ не найдешь. То есть очень, очень редко.

– Меч Короля Мёнина должен был беречь меня от смерти, – мрачно сказал я. – Так мне объяснила его Тень. Сказала, дескать, с этой штукой в груди я больше не буду «слишком живым» и, следовательно...

– Стоп! – Джуффин даже руку поднял, словно я не рассуждал, а бежал и меня действительно требовалось остановить. – Вот тебе и ответ. Слишком живым – как по-твоему, что это значит?

– То есть тяжелый характер, скверное настроение и страх перед всем, что шевелится, – это и есть проявления жизни?

– Совершенно верно, – обрадовался он. – Это и есть проявления жизни, лучше и не скажешь. Умеешь ты все-таки формулировать, молодец.

– Ну, должен же я хоть что-то уметь... И как мне теперь справляться с этими грешными проявлениями жизни?

– Как раньше справлялся, – пожал плечами шеф. – Насколько я помню, когда ты только появился в Ехо, ты держался молодцом. На людей не

кидался – разве что изредка, да и то в основном на генерала Бубуту, а ему это только на пользу. И от страха в темной комнате не дрожал. Да что там темная комната – ты и на Темной Стороне в штаны не навалял, я тому свидетель. То есть, весьма вероятно, тебе было очень страшно, но ты успешно скрывал сей факт от окружающих. И возможно, от самого себя. Ты умеешь держать себя в узде, когда требуется. Вернее, умел. А теперь подзабыл нехитрое это искусство. Ничего страшного, вспомнишь. Куда ты денешься?

– Если бы я еще знал, с чего начинать, – вздохнул я. – А то ведь всех распугаю – кроме разве что вас. Вам, по крайней мере, все это кажется забавным.

– И не только мне, – ухмыльнулся Джуффин. – На Кофу тоже можешь рассчитывать. А начинать... Да собственно, хоть бы и с дыхательных упражнений сэра Шурфа. Зря, что ли, он тратил на тебя свое драгоценное время, обучал всякой душеспасительной ерунде из древних книжек? Если ты подзабыл его науку, не сомневайся, Шурф с огромным удовольствием начнет все с нуля, еще и спасибо тебе скажет за такую уникальную возможность. Парня хлебом не корми, дай позанудствовать всласть. И это – одно из его величайших достоинств.

– Ладно. Завтра же пойду к нему на поклон. А до утра мне как дожить? – сердито спросил я. – Вот прямо сейчас, когда вы уйдете домой, а я останусь в этом грешном кабинете, – что мне делать?

– Делай вид, будто у тебя все в полном порядке, – посоветовал Джуффин. – Ты удивишься, когда поймешь, насколько это эффективный метод. После того как сумеешь обмануть сам себя, тебе вообще все на свете станет по плечу. Впрочем, ладно. Сегодня можешь просто отправляться домой, толку от тебя сейчас все равно немного. А завтра, как проснешься, начинай заниматься собой. Сразу же, не откладывая до вечера, ясно? Не хотелось бы отправлять тебя в бессрочный отпуск по причине полной непригодности к работе.

Тут я содрогнулся и понял, что о неведомых неприятностях можно больше не тревожиться. Теоретических рассуждений шефа насчет бессрочного отпуска было вполне достаточно, чтобы полчаса рыдать, биясь башкой о дверной косяк, а после грохнуться в продолжительный обморок. Но я устоял перед искушением.

Сей неприятный, в сущности, разговор оказал на меня чрезвычайно благотворное воздействие. Следующие несколько дней своей жизни я посвятил почти исключительно дыхательным упражнениям; охотно

взявшийся меня опекать сэр Шурф Лонли-Локли, впрочем, не питал особых иллюзий на мой счет. Говорил, дескать, знаю я тебя, ты за все берешься с энтузиазмом, которого хватает максимум на дюжину дней. А тут желательно хотя бы лет сорок над собой работать.

Он был совершенно прав, тем не менее дюжины дней вполне хватило, чтобы вернуть на место мою съехавшую было крышу. На людей я больше не кидался – по крайней мере, на тех, кем действительно дорожил. Страхи все еще имели надо мной власть, но не большую, чем в те времена, когда в моей груди покоился невидимый предохранитель. Ни действовать, ни даже спокойно спать они не мешали – вот и ладно. Мрачные мысли и скверные предчувствия приходили и уходили, раздосадованные моим невниманием, – чего ж еще?

Настоящие неприятности начались в тот самый момент, когда я окончательно уверовал в свое исцеление. То есть делать дыхательные упражнения еще не перестал, но начал подумывать, что сэр Шурф, во-первых, зануда, во-вторых – исключительный зануда, а в-третьих, совершенно исключительный зануда. По крайней мере, он совершенно напрасно требует от меня столь полной самоотдачи. Получаса занятий в день вполне достаточно человеку, с которым все настолько в порядке. Ну и пропустить денек-другой – вовсе не такая большая трагедия, как кажется моему лучшему другу. У меня хватило ума не делиться с ним этими бесценными мыслями, но лишь потому, что я знал, с кем имею дело. Поглядит строго, вздохнет: «Ну я же говорил» – и пропишет мне три дополнительных занятия, дабы избавить от крамольных идей. Поэтому я благоразумно помалкивал.

Впрочем, результаты наших общих усилий действительно казались мне фантастическими. Люди и домашние животные от меня больше не шарахались, а шеф не заводил лирических разговоров о грядущем бессрочном отпуске. Мне снова нравилось в полном одиночестве гулять по ночному городу, а пустой коридор Управления Полного Порядка казался самым уютным помещением в мире. Я даже на Темную Сторону Ехо разок смотался – не по делу, а на досуге, ради собственного удовольствия, ну и проверить заодно, так ли все со мной хорошо, как кажется. Оказалось, даже лучше. Много лучше.

Тот, кто хоть немного повисел над пропастью, способен испытать настоящее блаженство от самой обычной прогулки по твердой земле – по крайней мере, поначалу. Вот я и блаженствовал несколько дней кряду, с утра до вечера. Вернее, с полудня до рассвета – от ночных дежурств меня, ясное дело, никто не освобождал. И хвала Магистрам.

Впрочем, мой смятенный разум не желал вот так просто утихомириваться и нашел лазейку. Ясно какую: снилась мне в те дни по большей части всякая пакость. Не настоящие кошмары – тут я бы сразу насторожился, а просто разная беспокойная чепуха. Драки, погони, пьяные Магистры, Смертные шары, бурные скандалы и стрельба – из рогаток бабум и пулеметов «максим» попеременно. Меня такие сновидения даже забавляли, не хуже, чем приключенческое кино. Поводов для тревоги, казалось мне, не было, тем более что просыпался я на удивление свежий и бодрый, а вовсе не с тяжелой головой и ватными ногами, как можно было бы подумать. Словно бы драки да скандалы содержали какой-то таинственный витамин, позарез необходимый моему организму, и тот твердо вознамерился получать свою ежедневную дозу – не наяву, так во сне.

Однажды за обедом я поделился своими соображениями с Шурфом, и он, к моему величайшему удивлению, сразу со мной согласился.

– В тебе столько беспокойства и так мало дисциплины, что я удивляюсь, как ты до сих пор жив, при твоём-то могуществе, – сказал он. – По моим расчетам, тебе давным-давно пора бы взорваться, а это, мягко говоря, не в моих интересах. Вероятно, сумбурные сновидения действительно помогают тебе выпустить пар. Что ж, не так плохо – при условии, что это действительно пустые сны. Ты, кстати, в этом уверен?

– Совершенно! – искренне сказал я. – Сам посуди: вчера мне снилось, что за мной гоняется генерал Бубута, причем во сне он был моим родным братом и мы повздорили из-за наследства. В конце концов я спрятался от него в «Джубатыкском фонтане»^[9], но вместо того чтобы спокойно отсидеться, затеял ссору с хозяином, стал кричать, что его паршивой забегаловке нет места в таком прекрасном городе, как Ехо, метнул Смертный шар, причем не кончиками пальцев, как обычно, а просто из кармана вытащил пригоршню слипшихся леденцов и Смертных шаров, вперемешку, и – бац! – спалил этот притон. Проснулся с чувством выполненного гражданского долга, между прочим. Если уж эта чушь не пустой сон, то... Ты чего так на меня смотришь?

– Для начала успокойся, пожалуйста.

Шурф говорил тихо и ласково, как санитар из Приюта Безумных. Я сразу почувствовал себя умирающим и было запаниковал. Потом устыдился, вдохнул, выдохнул и – не то чтобы действительно успокоился, но по крайней мере, усидел на стуле, в обморок не грохнулся, не вскочил и не убежал прочь, хрипло выкрикивая древние заклинания.

– А теперь, – так же мягко продолжил мой друг и мучитель, – скажи

мне, пожалуйста, ты сегодня не читал утренний выпуск «Королевского голоса»?

– Нет, не читал, – ласково, в тон ему, отвечал я. – Кроме того, сегодня я не читал «Суету Ехо», все восемь томов Энциклопедии Мира, полное собрание сочинений поэтов эпохи Халы Махуна Мохнатого, «Маятник вечности», свод философских комментариев к Кодексу Хрембера, и это, поверь мне, далеко не полный список. Я могу составить для тебя перечень всех газет и книг, которые не удосужился прочесть сегодня. Но на работу уйдет несколько тысяч лет. Это ничего?

– Я тронут твоим великодушным предложением, – совершенно серьезно сказал Шурф. – Но такой список мне не нужен, так что не трудись. А про «Королевский голос» я спрашивал вот почему... – Он взял с соседнего стола забытую кем-то газету, открыл ее на предпоследней странице и протянул мне.

Одна из заметок в разделе «Досадные происшествия» сообщала, что сегодня на рассвете трактир «Джубатыкский фонтан» сгорел дотла. К счастью, посетителей в столь ранний час там не было, а хозяин пересчитывал выручку, закрывшись в погребе, так что никто не пострадал. Журналист, в отличие от меня, относился к заведению с глубокой симпатией; по крайней мере, заметка его почти целиком состояла из горестных причитаний и страстных призывов найти и покарать гнусных поджигателей.

– Совпадение? – неуверенно предположил я. – Или это мне вещий сон приснился? А что, мое сердце учуяло всенародную беду и...

– Не знаю, почему тебе так нравится прикидываться беспечным болваном, – задумчиво сказал Шурф. – Неужели ты действительно полагаешь, что это удачно выбранная маска? Дело хозяйское, но при мне можешь не стараться. Я-то знаю, что ты не таков.

Если бы перед этим я не был вынужден проделать несколько дыхательных упражнений, я бы, несомненно, взвыл. А так – просто вздохнул. С тем, что сэр Джуффин Халли видит меня насквозь и знает как облупленного, я худо-бедно смирился. А теперь и этот туда же!

– Ладно, – признал я. – Весьма вероятно, что совпадения тут ни при чем, и это был вовсе не пустой сон. Жаль... Погоди, но выходит, у жителей Ехо могут начаться серьезные неприятности? Я же каждый день сплю, хотя бы пару часов. А обычно больше. И снится мне, как я уже тебе говорил, черт знает что. Просто черт знает что!

Шурф не стал расспрашивать меня, кто такой черт и почему он должен быть в курсе моих дел. Хвала Магистрам, за годы нашего знакомства я уже

успел дать ему подробные разъяснения по целому ряду жизненно важных вопросов вроде этого. Шурф законспектировал мои лекции в специальную тетрадку и, надо думать, вызубрил наизусть. Поэтому сейчас он не обратил никакого внимания на чуждое словечко, а лишь одобрительно заметил:

– Я же говорил, что на самом деле ты очень неплохо соображаешь.

– И что мне теперь делать? – жалобно спросил я. – Не спать? Или как?

– К сожалению, я не являюсь достаточно компетентным специалистом в этой области, – безмятежно отвечал мой друг. – Единственное, что я могу тебе посоветовать, – немедленно расскажи все сэру Джуффину... Но это вовсе не значит, что ты должен отказаться от десерта, – добавил он, когда я стал выбираться из-за стола. – Промедление в четверть часа в таком деле мало что изменит, поверь мне.

– Да ну, какие там десерты... С таким-то камнем на сердце? Нет уж, пойду к шефу прямо сейчас. Пусть сажает меня в Холоми, откусывает мне голову и лишает недельного жалованья. Чем скорее он меня покарает, тем лучше.

– Нет, это все-таки поразительно, что ты до сих пор жив, – флегматично заметил Шурф, разрезая горячий пирог. – Все чудеса Эпохи Орденов меркнут в сравнении с этим фактом.

Впрочем, в его голосе явственно звучало сочувствие.

Сэр Джуффин Халли встретил меня такой ехидной ухмылкой, что я сразу понял: объяснять ничего не придется. Шеф уже в курсе. Ничего удивительного, он вечно все обо мне знает, причем явно из куда более надежных источников, чем утренние и вечерние газеты. Сидел небось, ждал, когда до меня дойдет и дойдет ли вообще.

– Грозен ты, однако, – Джуффин внимательно оглядел меня с головы до ног и укоризненно покачал головой. – Что меня действительно поражает, так это нечеловеческие масштабы твоего деяния. «Джубатыкский фонтан» – вот уж воистину цитадель мирового зла! Обсчитали тебя там, что ли? Или на ногу кто наступил?

Я вздохнул.

– Никто мне никуда не наступал. Я и был там всего один раз, пару лет назад, да и то по делу. Мы с Кофой там кого-то ловили, уже и не припомню, кого именно... [\[10\]](#)

– Всего один раз, пару лет назад? И гляди-ка, такая неукротимая ярость! Злопамятен ты, как я погляжу.

– Есть такое дело, – флегматично согласился я. – Не понравилась мне тамошняя публика. И фонтан джубатыкской пьяни из пола бьет – запашок

тот еще, я едва на ногах устоял... Вы, чем издеваться, объяснили бы, что со мной происходит. Однажды что-то в таком роде уже было, помните? Мне приснилось, что я перебил всех пьянчужек-эльфов из Шимурэдского леса, а потом оказалось, что они на самом деле мертвы. Но тогда вы сказали мне, что действовал, строго говоря, не я, а заключенный во мне меч Мёнина^[11], поэтому вместо того, чтобы терзаться угрызениями совести, я могу просто пойти пообедать. Ладно, хорошо. Но теперь-то никакого меча нет, а...

– Вот-вот, – подхватил Джуффин. – «Джубатыкский фонтан» ты самолично спалил, будь спокоен. Да уж, воистину бессмертный подвиг!

Я молчал – что тут скажешь? Небось рано или поздно шефу надоест надо мной измываться и он все-таки объяснит, что происходит и как мне теперь жить. Потому что сейчас я как никогда нуждался в хороших инструкциях. И кому, как не Джуффину, это понимать.

– Что ж, по крайней мере, теперь у тебя есть уникальная возможность проникнуться духом Эпохи Орденов, – шеф действительно уgomонился и заговорил более-менее серьезно. – Слишком много могущества и никакой самодисциплины – это можно было сказать практически о любом из действующих лиц того времени. Тебя можно поздравить: за какие-то несчастные несколько лет ты зашел в тот самый тупик, в который все эти почтенные мужи шли на протяжении столетий. Блестящий результат. Вопрос – как долго ты теперь будешь оттуда выбираться?

– Если вам действительно кажется, будто я хоть что-то понимаю, имейте в виду, это иллюзия, – мрачно сказал я.

– А тут и понимать особо нечего, – пожал плечами Джуффин. – Недавно я дал тебе совет: учись справляться с собой самостоятельно, как делал прежде. И ты, как ни странно, более-менее преуспел в этом непростом деле. Останься ты таким, каким был, скажем, четыре года назад, сейчас мы с тобой беседовали бы о чем-нибудь более занимательном. Но, увы, время не стоит на месте. Ты потратил его с пользой и стал чрезвычайно грозным колдуном. На мой вкус, даже слишком. Не пытайся возражать, я же не комплименты тебе на светском приеме говорю, а просто констатирую прискорбный, в сущности, факт. Вышло так, что постоянное проживание в Сердце Мира, удачно выбранная профессия и некоторые особо интересные приключения сделали тебя чрезвычайно могущественным существом. То есть ты *можешь* практически все и при этом почти ничего не *умеешь*, даже такой ерунде, как контроль над собственными сновидениями, пока не обучился. Впрочем, и не мог: это даже для тебя не одного дня и не одного года дело, хотя, казалось бы, сущие пустяки... У тебя есть сила, которой ты не способен правильно

распорядиться, и при этом – жизненный опыт мальчишки, горячая голова, буйное воображение и великое множество детских страхов в придачу. Точно таким же был твой приятель Лойсо Пондохва в начале своей карьеры. Будешь смеяться, но в ту пору – как раз перед тем, как основал Орден Водяной Вороны, – он тоже завел обычай, не вставая с кровати, разрушать все, что оскорбляет его взор. Нарочно он это вытворял или, как ты, сдуру – это дело темное, правды теперь не узнать. Хвала Магистрам, Лойсо, вопреки всему, что о нем рассказывают, был не таким уж раздражительным, иначе от Ехо камня на камне не осталось бы... Ты становишься похож на него все больше и больше, просто сердце радуется. Как сентиментальный старик я чрезвычайно рад иметь под боком такое трогательное напоминание о старинном недруге. Но как начальник Тайного Сыска я вынужден признать: все это немного некстати. Мягко говоря.

– То есть я теперь такой крутой, что сам с собой не могу справиться? – уныло переспросил я. – И чем крепче я буду держать себя в руках наяву, тем больше бед натворю во сне?

– Ты все очень правильно понимаешь, – обрадовался шеф. – Хорошо все же, что ты такой сообразительный. А то и вовсе рехнуться с тобой можно было бы.

– Ничего себе расклад... А ведь я эти грешные дыхательные упражнения чуть ли не с утра до ночи делал! И все, значит, без толку.

– Ну не то чтобы совсем без толку. Ты молодец. Ты правда большой молодец, Макс. Беда в том, что сэр Шурф ни капельки не преувеличивал, когда говорил тебе, что занятия принесут настоящий результат не раньше чем через пару дюжин лет. Научиться брать себя в руки и поступать сообразно обстоятельствам можно довольно быстро, особенно при твоих-то способностях. Что ты, собственно, и сделал. Но чтобы изменить свою природу, нужны годы. Десятки лет. Ты беспокоен и раздражителен; хуже того, ты полон страха и уже успел понять, что самое простое и доступное средство от него – гнев. Это не трагедия, когда речь идет о простом обывателе, все люди в той или иной степени таковы. Но при твоём нынешнем могуществе это настоящая катастрофа.

– И что мы будем со мной делать? – спросил я. – В Холоми сажать, так, что ли?

– Я не уверен, что это выход. Если бы ты был нормальным злодеем, злоупотребляющим Очевидной магией, тогда конечно. А так... Даже я не берусь предположить, во что выльются для нас дурацкие сны, которые ты будешь видеть на тюремной койке. Так что не будет тебе приятного отпуска и казенных харчей, мой бедный сэр Макс.

Нельзя сказать, что я очень огорчился. Но прикинулся разочарованным, чтобы порадовать шефа.

– Ладно, – решил Джуффин. – Не будем паниковать раньше времени. Может быть, это случилось с тобой в первый и последний раз в жизни. Есть такой шанс. Попробуем обойтись полумерами.

– Это как? – насторожился я.

– Постарайся спать как можно меньше, – объяснил он.

– Сдохну я от таких ваших полумер, вот что.

– Ничего, выживешь как-нибудь. Пей побольше бальзама Кахара, а спать ложись, только когда это зелье вовсе перестанет действовать. Возможно, от усталости и нервного истощения твои сновидения утратят разрушительную силу. Возможно, нет. Но проверить мою гипотезу можно только на практике.

– От усталости и нервного истощения я сам утрачу силу. И разрушительную, и созидательную, вообще какую угодно.

– Но это все же лучше, чем ссылка на неопределенный срок куда-нибудь подальше от столицы и Сердца Мира заодно, согласишься, – меланхолично заметил Джуффин.

От такого поворота дела я на некоторое время утратил дар речи. А когда снова обрел, так и не нашелся что сказать.

– Ты пойми, сэр Макс, я не ради собственного удовольствия над тобой издеваюсь, – мягко сказал шеф. – Просто ситуация действительно очень серьезная. Хуже некуда ситуация, по правде говоря. Одно утешение: в Королевском замке тебе, вроде бы, понравилось, так что Его Величеству опасность не грозит.

– Надеюсь, что нет, – вздохнул я. – Правда, мне очень не понравилась дворцовая камра. Передайте Королю, пусть они там приглядывают за кухней. А то мало ли...

– Вот видишь! – совершенно серьезно подхватил Джуффин. – Даже тут ты не можешь дать мне никаких гарантий. И это очень скверно, Макс. Обстоятельства сложились так, что я обязан охранять столицу Соединенного Королевства от всех возможных бед. А ты теперь – потенциальный источник этих самых бед. И что прикажешь с тобой делать? Не убивать же, действительно... Ладно, давай так: для начала ты постарайся выполнить мои инструкции насчет сна, поглядим, к чему это приведет. Если не поможет, будем думать дальше. Что-нибудь придумаем, головы у нас с тобой светлые. Так что не отчаивайся раньше времени. И заодно вообрази, как много досуга у тебя теперь будет. Нет худа без добра.

У меня по поводу худа и так называемого добра имелись свои

соображения, но я не стал их высказывать. Вместо этого задал вопрос, от самой формулировки которого у меня в глазах темнело.

– А куда вы меня отправите, если бессонница не поможет? Домой?

– Домой? Что ты имеешь в виду? – удивился Джуффин. – А, ту причудливую реальность, которой ты когда-то принадлежал? Не дури, никто не заставит тебя туда возвращаться. Хвала Магистрам, во Вселенной столько разных обитаемых Миров! Есть где разгуляться.

Не могу сказать, что он меня действительно утешил. Но хоть так.

– Погоди-ка, – шеф остановил меня на пороге. – Еще кое-что. Думаю, ты должен возместить хозяину «Джубатыкского фонтана» причиненный ущерб. Формально ты, конечно, не обязан этого делать. Никто не докажет, что трактир сгорел именно по твоей вине. Но мы-то знаем...

– Мы-то знаем, – эхом повторил я. – Ладно, вы правы. Моего недельного жалованья хватит, как думаете?

– На твое недельное жалованье можно открыть полдюжины новых паскудных забегаловок вроде этой, – утешил меня Джуффин. – И имей в виду, тебе следует сделать анонимное пожертвование. Нам с тобой ни к чему лишние слухи, верно?

– Верно, – с облегчением согласился я.

Меньше всего на свете мне хотелось объясняться с хозяином загубленного притона, да еще и благодарности его выслушивать. Ну хоть от этой беды избавился.

Когда я брел по коридору Управления Полного Порядка, мне казалось, моя жизнь теперь превратится в ад. Я буду все время хотеть спать и при этом постоянно помнить, что всякое прикосновение головы к подушке может стать роковым и закончиться ссылкой. Бессонница и страх – дивное сочетание. Зная себя, я подозревал, что все это сведет меня с ума в кратчайшие сроки.

Но оказалось, что я здорово недооценил собственное легкомыслие. Вечером того же дня мы с Меламори захлеб планировали путешествие в амобилере по окраинам Соединенного Королевства (я подозревал, что сейчас шефа будет очень легко раскрутить на внеочередной отпуск, и оказался совершенно прав). После ночи, проведенной на службе, я хлебнул бальзама Кахара и отправился с визитами, благо число друзей-приятелей, забывших уже, как я выгляжу, было к тому моменту хорошо если не трехзначным. Весь день я бешеной собакой носился по городу, не забывая время от времени прикладываться к бутылочке с чудодейственным тонизирующим зельем, вечером принимал самое что ни на есть активное

участие в аресте бывшего младшего Магистра Ордена Стола на Пустоши, в полночь провожал домой леди Меламори, да так увлекся этими грешными проводами, что на службу вернулся чуть ли не на рассвете и мирно задремал в собственном кресле, часа на два. Неудивительно, что обошлось без сновидений – после такого карнавала сон мой был похож на глубокий, приятный обморок, и это было лучше, чем ничего. Много лучше.

В таком ритме я прожил еще полдюжины дней, потом мы с леди Меламори все-таки реализовали часть своих безумных планов, то есть как следует прокатились по окраинам Соединенного Королевства, оглашая окрестности азартными воплями и до полусмерти пугая провинциалов своей лихой ездой. В городах, ради осмотра которых была, теоретически, затеяна поездка, мы, ясное дело, почти не задерживались, и размеры гостиничных бассейнов интересовали нас куда больше, чем памятники архитектуры.

Неудивительно, что из отпуска я вернулся в столицу почти таким же счастливым придурком, каким был в первые годы своего тутошнего бытия. Бессонница в сочетании с чудодейственным бальзамом Кахара, как ни странно, пошла мне на пользу, и в глубине души я уже был совершенно уверен, что снова выкрутился, как всегда.

Не тут-то было.

На третий, что ли, день после нашего возвращения я позволил себе задремать в кресле во время ночного дежурства – собственно говоря, только так я теперь и спал, наивно полагая удобную постель своего рода полигоном для разминки опасных сновидений. Почему-то мне казалось, что навещать меня, пока я дрыхну сидя, да еще и в кресле самого сэра Джуффина Халли, они не рискнут.

На сей раз, вместо того чтобы ненадолго провалиться в сладкую тьму, я встал (то есть мне приснилось, что встал), вышел из кабинета и отправился бродить по Управлению Полного Порядка, которое как-то незаметно превратилось в здание крытого рынка, ярко освещенное зелеными и лиловыми фонарями. Какое-то время я плутал среди рыбных и галантерейных рядов, а потом вдруг увидел у одного из прилавков капитана Фуфлоса, дальнего родственника и заместителя генерала Городской полиции Бубуты Боха. В отличие от Бубуты, шумного, грубого и невежественного, но, в общем, бравого вояки и вполне добродушного дяди, Фуфлос был настоящим, неподдельным гадом. Глуп как пробка, самодоволен до одури, совершенно непригоден к полицейской службе и при этом мелочен и злобен, из тех, кого хлебом не корми, дай испортить

жизнь хотя бы дюжине человек в сутки, иначе день, считай, зря прошел. Как он не вылетел со службы – ума не приложу; надо думать, Бубута тратил массу усилий, чтобы прикрыть непутевого родственника. Словом, если и был в Ехо человек, которого я действительно терпеть не мог, так это капитан Фуфлос.

В моем сне (который я сдуру полагал самой что ни на есть достоверной реальностью) капитан Фуфлос вел себя в полном соответствии с моими представлениями о его повадках. Стоял подбоченившись, распекал юную рыжеволосую торговку за отсутствие не то форменного передника, не то карточки с номером места. Грозил ей трехлетним заключением в каторжной тюрьме Нунде. Испуганная девочка размазывала по щекам слезы, зеркальный карп на прилавке превращался то в упитанного котенка, то в разноцветную трость циркача, а то и вовсе рассыпался букетами полевых цветов – тоже, надо думать, с перепугу.

Ярость переполнила меня до краев и начала капать на пол. В этом сне она выглядела как густая темная буро-зеленая жидкость, сочившаяся из-под ногтей. Я твердо знал, что умру, если не дам себе волю – немедленно! Поэтому я не стал ругать и стыдить капитана Фуфлоса, как уже не раз делал наяву, а просто подошел, схватил его за ногу, поднял, дивясь и радуясь собственной физической силе, и со всей дури приложил беднягу светлым ликом о грязный прилавок. И проснулся – счастливый, с бьющимся сердцем и мокрой, липкой от пота спиной.

Счастье мое, впрочем, было недолгим. Миг спустя я понял, что спал и видел сон – событие само по себе мягко говоря, нежелательное. Кроме того, в этом сне я, весьма вероятно, убил человека. Ну на худой конец, покалечил. И сделал это с превеликим наслаждением. То есть не отказался бы повторить – даже сейчас, пуча глаза от ужаса и предвкушая грядущий разговор с Джуффином, – нет, не отказался бы, желательно несколько раз. Тем более все равно теперь пропадать.

Что мне предстоит именно пропадать, я не сомневался. И, дабы не затягивать агонию, послал зов шефу и рассказал ему все, что помнил.

Ответ Джуффина поразил меня в самое сердце.

«Если ты действительно уколошил Фуфлоса, я готов прятать тебя от правосудия в собственном подвале. Еще и награду за спасение Соединенного Королевства выхлопочу, пожалуй. Но сперва надо проверить, случилось ли с ним хоть что-нибудь наяву. В любом случае не падай духом, сэр Макс. И не сходи с ума. Побереги свою горячую голову. Неприятностей много, а ты один. Я скоро буду».

Такой отеческой заботы я от господина Почтеннейшего Начальника,

признаться, не ожидал. Но вместо того чтобы воспрянуть духом, заподозрил, что дела мои по-настоящему плохи. Настолько, что ругать и пугать меня уже не имеет смысла. Только и остается, что погладить по голове и убить. Ну или хоть в ссылку отправить. Запереть в каком-нибудь необитаемом Море, вроде того, где мой приятель Лойсо Пондохва срок мотал, пока я не помог ему смыться^[12]. Словом, воистину капут мне. Приехали.

Джуффин, спасибо ему, не стал меня томить. Воспользовался Темным Путем и появился на пороге минут через десять. На амобилере он бы с Левого Берега час добирался, знаю я этот маршрут и излюбленную скорость передвижения шефа тоже знаю – чуть-чуть быстрее, чем пешком. Наградил меня сочувственным взглядом, от чего мне окончательно стало дурно, и растормошил нахохлившегося буривуха.

– Куруш, Макс отсюда исчезал? – требовательно спросил Джуффин.

– Он не исчезал. Все время сидел в кресле. Молчал. Наверное, спал. Мне было скучно, и орехи быстро закончились, – проворчала наша мудрая, но капризная птица.

– Насчет орехов – это мы сейчас исправим, – утешил его Джуффин, поспешно обшаривая ящики своего письменного стола. – Где же они? Были же вчера вечером... Макс, неужели ты слопал?

– Не слопал, а скормил по назначению, – вяло огрызнулся я. – Можно подумать, вы Куруша не знаете. Он из меня эти грешные орехи в первые же полчаса вынул. А потом еще за пирожными отправил. Все как всегда.

– Ладно, тогда придется распотрошить неприкосновенный запас. – И шеф принялся вскрывать свой сейф.

Предполагается, что в этом защищенном всеми возможными и невозможными заклятиями шкафу хранятся самые страшные тайны и самые секретные документы Соединенного Королевства. Такое, конечно, тоже случается время от времени, но обычно сейф сэра Джуффина Халли служит запасным хранилищем лакомств для Куруша. На черный день, так сказать, вернее, на черный предрассветный час, когда трактиры уже закрыты, а лавки еще не открыты и купить орехи решительно негде.

– Так что там с Фуфлосом? – не выдержал я. – Мертв?

– Не совсем, – печально сказал шеф. – Ты здорово подкачал, мальчик. Плохо сделал свою работу. У ложа Фуфлоса сейчас орудуют знахари. Сломанную ногу они ему к утру починят, не вопрос. И с лицом разберутся, снова будет красавчик – хоть куда. А вот сотрясение мозга, который у него внезапно обнаружился, и, самое главное, испуг надолго выведут капитана из строя. Это ж надо – мирно спать в своей постели и вдруг проснуться от

страшного удара, полуживым калекой... Может, он теперь сам в отставку подаст, от греха подальше? Тогда труды твои не пропадут напрасно, и на орден за особые заслуги перед Соединенным Королевством все-таки можешь рассчитывать.

– Чему вы так радуетесь? – не выдержал я. – Мне приснилось, что я покалечил Фуфлоса, и настоящий, живой капитан Фуфлос действительно покалечен, нога и голова, все правильно, за ногу я его схватил, а головой о прилавок припечатал. А вы веселитесь, как будто...

– Предлагаешь мне вернуться домой и удавиться с горя? – поинтересовался Джуффин. – Так я не стану, ты уж извини. И тебе не советую. То есть дело хозяйское, но я надеюсь, ты все-таки прислушаешься к моему мнению. А знаешь, что мне нравится в этой истории?

– Грядущая отставка бедняги Фуфлоса? – мрачно спросил я. – Мне это тоже нравится. Но не настолько, чтобы я забыл о собственных интересах.

Шеф досадливо отмахнулся.

– Мне нравится, что ты никуда отсюда не исчезал, вот что, – объяснил он. – То есть это было не настоящее магическое сновидение, как я опасался, а просто твой темперамент вышел из-под контроля. Надо думать, с «Джубатыкским фонтаном» было ровно так же. То есть ты спал и видел обычный дурацкий пустой сон, но поскольку в тебе предостаточно и могущества, и злости, пустой сон возымел неприятные последствия наяву. Твоя ярость разрушила ткань реальности – теоретически, для этого тебе даже спать не обязательно. Если бы, скажем, Фуфлос как следует разозлил тебя наяву, он вполне мог бы упасть замертво от одного твоего гнева. Думаю, это не произошло только потому, что ты всегда можешь как следует отругать беднягу и он тебе слова поперек не скажет. А что ж, когда могущественный человек бранит своего врага, он нередко спасает тому жизнь, ты не знал? Ну вот, теперь знаешь.

– Счастье, что больше никто не раздражает меня до такой степени, – вздохнул я. – Ну, почти никто.

– То-то и оно, что почти, – ухмыльнулся Джуффин. – Ладно. Все это, конечно, тоже скверно, но гораздо менее опасно, чем настоящее магическое сновидение, по крайней мере для тебя самого. Ну и шанс исправить положение наметился. Плохонький, но шанс.

– Правда? – обрадовался я. – Хотите сказать, это лечится?

– Теоретически – да. На практике – поглядим, как дело пойдет, – неопределенно ответил Джуффин.

Он как-то умудрялся дружески улыбаться и хмуриться одновременно.

– Благодаря дыхательным упражнениям и прочим трудам ты научился

сдерживать свой гнев и действовать, невзирая на страх, – наконец сказал он. – Стал таким же легким в общении, как в старые добрые времена. К сожалению, теперь этого недостаточно. Тебе надо научиться вовсе не испытывать эти чувства, или хотя бы их игнорировать. Держать дистанцию между собой и собой – понимаешь, о чем я? Вижу, что не очень. С годами это умение пришло бы к тебе само. Но как добиться подобного результата в кратчайший срок – вот вопрос.

Я молча ждал продолжения. Но уже приободрился. Был почти уверен, что чудесное избавление – вот оно, совсем рядом. Быть такого не может, что сэр Джуффин Халли не в силах справиться с сущей ерундой. Сейчас он еще немного поморочит мне голову в воспитательных целях, а потом – хлоп! – и заколдует. Или наоборот, расколдует – это как поглядеть.

– Самый простой и разумный вариант – отправить тебя куда-нибудь путешествовать, – задумчиво сказал Джуффин. – Даже не обязательно в другой Мир, а просто подальше от столицы. Я почти уверен, что этого будет достаточно. На пару дюжин лет всего-то, пока не повзрослеешь по-настоящему. Кстати, на твоём месте я бы ухватился за такую возможность и уже побежал бы паковать дорожную сумку. Но ты почему-то никуда не бежишь, а, напротив, всем своим видом изображаешь скорбь и смятение. Не понимаю я тебя.

– Пара дюжин лет – это же вечность, – мрачно сказал я. – Такое у меня восприятие времени. Никому не понравится почти пожизненная ссылка. Вот на полгода я бы с радостью умотал куда угодно. Ну ладно, даже на год. Но это, как я понимаю, делу не поможет?

– Не знаю, – пожал плечами шеф. – Не думаю, честно говоря. Ты, конечно, шустрый, но все-таки не настолько.

– Я родился в Мире, где пара дюжин лет – огромный срок, – напомнил я. – Примерно треть жизни. Я, конечно, уже знаю, что тут все не так, но только теоретически. Понимаете?

– Пожалуй.

Джуффин помолчал, подумал и наконец, как мне показалось, неохотно сказал:

– В общем, есть еще одна возможность. Но я не уверен, что ты сумеешь ею воспользоваться.

Я воспрянул духом и наострил уши. Еще одна возможность – это же прекрасно! Уезжать из Ехо мне совсем не хотелось, даже насчет полугода я соврал, чтобы не разочаровывать шефа.

Он начал издалека.

– Помочь человеку обрести власть над собой не так просто, как ты,

наверное, думаешь. Небось сидишь сейчас, недоумеваешь: почему этот злодей Джуффин душу из меня тянет, вместо того чтобы щелкнуть по носу и сделать мудрым, спокойным и уравновешенным? Так?

– Ну, в общем, да, – смущенно признался я. – Только я не думал, что вы меня именно по носу щелкнете. Какой-то более пафосный ритуал представляется... А так все верно. Неужели вы правда не умеете?

– Не умею, – признался шеф. – То есть исправить тебе настроение на пару часов или дней – проще простого. Но заставить тебя радикально измениться, не превратив при этом в покорного моей воле болвана, – нет, и не проси. Я знаю только одного колдуна, которому это под силу. О нем, собственно, и речь.

– Сэр Маба? – обрадовался я.

Я уже привык, что в тех редких случаях, когда Джуффин чего-то не знает или не умеет, мы с ним обычно отправляемся на поклон к его старинному приятелю Мабе Калоху, бывшему Великому Магистру Ордена Часов Попятного Времени, и все незамедлительно улаживается, причем как бы само собой: Маба очень любит делать вид, будто уже давно ни во что не вмешивается.

Но шеф покачал головой.

– Нет, не Маба. Станет он с тобой возиться, как же... А и стал бы – что толку? Максимум, что он сможет сделать в этой ситуации, так это выстроить для тебя мост во времени, отправить в прошлое, лет этак на триста назад, чтобы ты получил возможность набраться ума-разума и в таком виде снова наняться ко мне на службу, если, конечно, доживешь до этого прекрасного дня. Но мне кажется, такая перспектива устраивает тебя еще меньше, чем продолжительное путешествие по окраинам этого Мира, от которого ты только что наотрез отказался.

Я так и не понял, шутит Джуффин или говорит правду, но на всякий случай содрогнулся.

– Человека, о котором я говорю, зовут Магистр Хабба Хэн. Думаю, Магистром называют его просто так, из вежливости. Он не состоял ни в одном из известных мне магических Орденов – разве что совсем уж в глубокой древности. Но тогда, по-моему, и Орденов никаких не было... Ладно, все это пустяки. Важно, что Хабба Хэн по-прежнему жив, здоров, регулярно навещается в Ехо и является моим добрым приятелем. Впрочем, последнее обстоятельство не имеет для тебя никакого значения. Если уж ты исхитришься найти Хаббу, он тебе поможет. А нет – ничего не попишешь, наша старая дружба тут ничего не изменит.

– А его трудно найти? – спросил я. – Как дом Мабы Калоха?

– Что ты. Отыскать дом Мабы – пара пустяков. Маба эксцентричен, что да, то да, но гостеприимен и любопытен, поэтому с ним не бывает особых проблем. Ну, в крайнем случае, проплутаешь пару лишних часов по Левобережью, тоже мне горе. Хабба Хэн – совсем другое дело.

– Ох! – жалобно сказал я.

– Именно что «ох», – подтвердил Джуффин, наливая мне камры. – Я же сказал тебе с самого начала: я не уверен, что ты сможешь воспользоваться этой возможностью. Одна надежда на твою удачу...

– Да и та – глупое чувство, – язвительно подхватил я. – В смысле, надежда. Хотя моя удача тоже, конечно, та еще дура. Вся в меня.

– Вот-вот, – согласился шеф и принялся набивать трубку.

Пауза у него вышла не то чтобы такая уж долгая, но мне вполне хватило. Еще немного, и я бы на коленях стал умолять его: «Дальше, дальше!»

– Хабба Хэн, – наконец заговорил Джуффин, – очень древнее и очень могущественное существо. Язык не поворачивается назвать его человеком, хотя с виду, конечно, он вполне обычный человек. Что для тебя сейчас особенно важно – взгляд Хаббы Хэна обладает целительной силой. Стоит ему посмотреть в глаза собеседнику, и тот мгновенно исцеляется от главной своей напасти. Безумец придет в себя, трус станет храбрецом, утративший Искру немедленно обретет ее снова, еще и внуков своих переживет. Поскольку у тебя сейчас нет никаких серьезных проблем, кроме исключительной неуравновешенности на фоне колоссального могущества, можешь быть спокоен: после встречи с Хаббой Хэном твои сны и мысли перестанут быть опасными для окружающих. Возможно даже, ты перестанешь быть опасен сам для себя, хоть и нелегко мне вообразить такую идиллию.

– А он избавит меня именно от беспокойства? Или все-таки от могущества? – поинтересовался я. – От него, конечно, сплошные хлопоты, но не хотелось бы потерять работу.

– Могущество – не напасть, что бы ты об этом сейчас ни думал, – строго сказал шеф. – Следовательно, взгляд Хаббы Хэна тебя от него не избавит. Не выпендривайся, сэр Макс, не сбивай меня с толку. Моя задача и без того почти невыполнима. Объяснить тебе, как найти Хаббу Хэна, да так, чтобы ты понял, – тот еще труд. Давно я не чувствовал себя таким беспомощным.

– А вы самыми простыми словами растолкуйте, по слогам, как распоследнему идиоту, – вздохнул я.

– Именно это я и собираюсь сделать, – заверил меня Джуффин. –

Значит, так, слушай внимательно. Где живет Хабба Хэн – дело темное. Подозреваю, что дом его если и существует, то находится не здесь, то есть не в этом Море. Или даже не сейчас, что, в общем, не меняет дела. Просто имей в виду, что его домашний адрес – тайна за дюжиной печатей, даже для меня. Однако доподлинно известно, что Хабба Хэн каждый день гуляет по Старому Городу. Он очень любит эту часть Ехо и практически никогда ее не покидает. Ходит по улицам, подолгу сидит в трактирах. Спрашивать меня, какие трактиры он предпочитает, бесполезно, потому что у Хаббы Хэна нет предпочтений. Заходит куда придется, когда чувствует, что пришло время перекусить. Интерьер, цены и даже репутация поваров не слишком его волнуют. Никакой логики в его перемещениях по городу тоже нет. Хабба просто гуляет; встретить его можно в любое время суток, так что и тут не будет тебе подсказки.

– Какой замечательный образ жизни, однако, – ехидно вставил я.

Просто не смог удержаться.

– Да, древние существа умеют устраивать свои дела, в отличие от нас с тобой, – невозмутимо подтвердил шеф. – Все это была прелюдия, чтобы ты не питал надежд, будто Хаббу Хэна можно отыскать обычным способом. Тут тебе наш сэр Кофа не помощник. Он, к слову сказать, даже не знает о существовании Хаббы Хэна. Ему такая информация без надобности, только настроение испортит: как же, оказывается, некоторые завсегда и столичных трактиров не под его контролем! Поэтому я помалкиваю, и ты, пожалуйста, бери с меня пример.

– Ладно, – кивнул я. – Не буду расспрашивать Кофу, если так.

– Поверь, в этом деле Кофа тебе действительно без надобности. И я тоже. Либо ты встретишь Хаббу Хэна, либо нет, это касается только вас двоих, и никто не в силах тут что-либо изменить.

– И как я должен браться за поиски? Просто бродить по Старому Городу? И все?

– Совершенно верно. Но одними прогулками ты ничего не добьешься. Чтобы встретить Хаббу, тебе понадобится вся твоя удача и вся сила духа, если уж на то пошло. Правила таковы: невозможно встретить Хаббу Хэна, если ты не знаешь о его существовании, потому что Магистр Хабба Хэн не станет тратить время своей жизни на несведущих незнакомцев. Невозможно встретить Хаббу Хэна, если ты знаешь о его существовании, но не желаешь его видеть, поскольку это свидание не нужно никому. И наконец, невозможно встретить Хаббу Хэна, если ты знаешь о его существовании и хочешь его найти, потому что Хабба предпочитает не иметь дел с людьми, которые подчиняются собственным желаниям.

– Ничего себе расклад, – хмыкнул я. – Умеете вы над людьми издеваться! Я-то, болван, слушал внимательно, запоминал...

– Болван, да. Но не потому, что слушал и запоминал, а потому, что решил, будто я шучу, – сурово отрезал Джуффин. – Я не издеваюсь, а просто объясняю тебе настоящее положение вещей. И заметь, это не я их так положил, честное слово.

Я невольно улыбнулся, шеф удовлетворенно хмыкнул, заботливо подлил мне камры и продолжил:

– Из всего вышесказанного напрашивается один вывод. Мне было бы приятно, если бы ты сделал его самостоятельно, но ладно уж, помогу. Что-то я милосерден сегодня не на шутку, совсем допек ты меня... Так вот, чтобы встретить Магистра Хаббу Хэна, надо знать о его существовании, твердо решить, что эта встреча тебе очень нужна, но при этом – не хотеть его встретить. То есть ты должен искать его, осознавая необходимость встречи, но не испытывая ни малейшего желания найти. Я понятно выражаюсь?

– Выражаетесь-то вы вполне понятно, – вздохнул я. – А вот осуществить вашу инструкцию на деле я вряд ли смогу. С причудами ваш приятель, ничего не скажешь. А просто послать ему зов и договориться о встрече, конечно же, нельзя по каким-нибудь мистическим соображениям...

– Нельзя, – подтвердил Джуффин. – Хотя я не назвал бы соображения именно мистическими. Хабба Хэн давным-давно отказался от Безмолвной речи, поскольку ему надоело трепаться со всеми, кто знает о его существовании и, соответственно, может послать зов. Так что никакой мистики.

– Да уж...

Я чувствовал себя очень несчастным и почему-то больным, как будто от разговоров про Магистра Хаббу Хэна у меня началось похмелье. Хроническая бессонница неплохо сочетается с приподнятым настроением, но с отчаянием ее лучше не смешивать, адский выходит коктейль. И тут меня осенило.

– Слушайте, так я же у нас Вершитель!

От полноты чувств я практически орал. Но Джуффина это совершенно не впечатлило.

– И что с того? – снисходительно спросил он.

– Так мои желания должны исполняться, вы же сами мне тысячу раз говорили, и не только вы... Значит, что? Значит, если уж я хочу встретить этого вашего приятеля Хаббу Хэна, то и встречу. Ага?

– Ага. Рано или поздно, так или иначе, – ухмыльнулся шеф. –

Например, триста лет спустя, на краю Великой Красной Пустыни Хмиро. Хабба Хэн проедет мимо на величественном куфаге, а ты будешь озадаченно глядеть ему вслед. Как тебе такая перспектива?

– Вам лишь бы издеваться, – вздохнул я.

– Я не издеваюсь, а милосердно избавляю тебя от иллюзий. Забудь о своем хваленном могуществе. Хаббу Хэна этим не проймешь. С ним, говорят, даже Король Мёнин о встрече сговориться не сумел. А что ж, очень даже может быть.

– Ладно. Скажите хотя бы, как я его узнаю? – устало спросил я. – Ну, если вдруг все-таки... На кого он похож?

– Если ты встретишь Хаббу Хэна, ты его ни с кем не перепутаешь, – заверил меня шеф. – В первое мгновение тебе покажется, что у него огненное лицо. Потом все встанет на место, и ты увидишь перед собой ничем не примечательного господина неопределенной наружности. Все остальные приметы тебе и знать-то незачем, а то будешь на каждого второго прохожего кидаться...

Я окончательно ошалел от таких подробностей.

– Огненное лицо – это как? Костер горит под тюрбаном?

– Не совсем. Человеческое лицо, черты которого вполне можно различить, но при этом – словно бы сотканное из пламени. Да ты не переживай, не ошибешься. Хабба один такой.

– Ну и дела, – озадаченно вздохнул я.

Мы немного помолчали. Я переваривал информацию, а шеф явно наслаждался моим замешательством. Его можно было понять: удивляться-то я пока не разучился, но давненько не глазел на него распахнув рот, чего не было, того не было.

– Словом, так, – заключил Джуффин. – Ищи Хаббу Хэна. От всех остальных обязанностей я тебя пока освобождаю, не до того сейчас. Не найдешь, придется уехать. Ничего страшного, будешь путешествовать в свое удовольствие, время от времени сможешь навещать нас, несчастных домоседов. Справишься с собой – добро пожаловать обратно. Но лучше бы ты нашел Хаббу. Не хочется мне пару дюжин лет куковать без заместителя.

– Мне тоже не хочется, чтобы вы без него куковали. Вернее, без меня, – хмуро сказал я. – Как-то некстати все это. Как в детстве, когда играешь во дворе, а тебя вдруг зовут обедать. И сколько не объясняй, что мы, дескать, только разыгрались, сейчас самое интересное начнется, а ничего не попишешь, обстоятельства неумолимы, надо уходить...

– В детстве, – проворчал Джуффин. – Можно подумать, оно у тебя закончилось... Ладно уж, ступай, горе мое. И для начала, так и быть, как

следует выписать. У меня такое ощущение, что в настоящий момент тебя бесит только один человек. А я с этой напастью, будь спокоен, справлюсь.

– Два человека, – уточнил я. – Но ваш приятель Хабба Хэн, надо думать, тоже легко справится.

– Увидеть его во сне ничуть не проще, чем встретить наяву, – успокоил меня Джуффин. – Так что дрыхни спокойно, сэр Великий Магистр Ордена Зловещей Угрозы. Мы с Хаббой Хэном тебя не боимся.

Чего я не мог понять, так это с какой стати шеф так веселится. Но у меня не было сил разбираться в тонкостях психологии господина Почтеннейшего Начальника. Поэтому я дисциплинированно пошел спать и дрых, надо сказать, почти сутки кряду, причем не столько от усталости, сколько от нежелания возвращаться к жизни, которая внезапно стала трудным и весьма запутанным процессом. Что хорошо – никого я во сне не убил, даже ни единой завалящей хибары не сжег, Джуффин как в воду глядел.

Проснуться, однако, пришлось. Совершил я сей неразумный поступок после полуночи, но задолго до рассвета. Не то слишком поздно, не то чересчур рано – поди разбери. На краю постели спала леди Меламори, одетая и обутая. Лицо ее даже во сне казалось усталым и донельзя удивленным, из чего я сделал вывод, что она провела вечер в бесплодных попытках меня разбудить. Возможно, даже колдовала как-то, но не преуспела в похвальных своих начинаниях и, утомившись, свалилась рядом. Это, к слову сказать, было обидно. Но, в общем, не смертельно. Ее-то разбудить – пара пустяков, хоть и жестокий это поступок. Немного поразмыслив, я отложил зверства до рассвета, покинул спальню и отправился искать еду.

Еда обнаружилась там, где ей и положено было обретаться – на кухне. Я так и не решил, является моя трапеза ужином или все-таки завтраком, но умял все за милую душу. А потом вернулся в гостиную, налил себе камры, закурил и принялся грустить. Давно такой ерундой не занимался, но талант, как говорится, не пропьешь, все у меня превосходно получилось. К сожалению.

Сидел в гостиной собственного дворца сытый, отдохнувший болван с удавшейся практически по всем параметрам жизнью и грустил так, что половицы стонали. Очень продуктивное времяпрепровождение, кто бы спорил.

В тот момент я, конечно же, искренне полагал, что вся эта лафа скоро закончится. То есть буквально вот-вот, на днях. Хаббу Хэна я, понятно, не

найду. Где это видано – искать человека и не хотеть его найти?! Теоретически я еще как-то мог себе представить, что такое бывает, но неплохо знал собственные возможности. Я просто устроен. Чего хочу, того уж хочу. А чего не хочу, того и делать не стану. Тем более искать. Значит – что? Значит – все, можно паковать дорожные сумки, хоть сейчас. Чего тянуть? Впрочем, нет, из всех сил откладывать неприятности на неопределенное будущее – это, можно сказать, дело всей моей жизни. Самое любимое.

Но, зная Джуффина, я прекрасно понимал, что отсрочка будет не слишком долгой. Хорошо, если дюжину дней продержусь на ежедневных отчетах о неудачных поисках и фальшивом энтузиазме. А потом он сам меня в порт проводит или в корзину летающего пузыря затолкает. Еще и пирожков на дорожку соберет – и привет. Плакала моя распрекрасная жизнь.

Затяжное кругосветное путешествие дело неплохое, конечно, – для тех, кому не слишком весело дома. А мне в Ехо было так хорошо, как нигде и никогда прежде. Даже в самые трудные и нелепые дни можно просто выйти из дома, пройтись по узким улочкам Старого Города, любуясь разноцветной мозаикой мостовых под ногами, прислушиваясь к голосам и звукам флейт, принюхиваясь к запахам речной воды, меда и дыма, присесть на скамью, заказать кружку камры в трактире, лбом прижаться к холодной каменной стене – и, гляди-ка, можно жить дальше. Воздух Ехо – наилучшая пилюля от всех моих хворей, сладчайшее лекарство от бед. Как будто приворотным зельем опоил меня этот город, честное слово!

Зацепившись за идею приворотного зелья, мысли мои приняли совсем иное направление. Я вспомнил, как леди Теххи, с которой мы в ту пору были едва знакомы, подлила мне в питье это самое приворотное зелье, а оно почему-то подействовало на меня как яд^[13]. С тех пор я знаю, каково быть мертвым, а в груди моей бьются целых два сердца. Одно – мое собственное, разбитое и каким-то чудом склеенное вновь, в самый последний момент, когда никто и не надеялся, а второе сэр Джуффин Халли отнял у моей собственной Тени, поскольку справедливо полагал, что без этой мышцы я не смогу продолжить существование. Трансплантация органов называется, и смех и грех... Хотел бы я знать, как она выглядит, моя бессердечная Тень, и как ей там теперь живется, ну да ладно, небось успеем еще познакомиться, какие наши годы.

Размышляя о безопасном для уроженцев этого Мира и ядовитом для меня приворотном зелье, я, разумеется, не мог не вспомнить суп Отдохновения. Понятная ассоциация. Считается, что суп Отдохновения –

безобиднейшая штука, наши горожане его мало что сами ведрами жрут, дабы насладиться приятной расслабленностью членов и ума, но и детям дают. Не каждый день, конечно, только по праздникам, а все-таки. А для меня и, как впоследствии выяснилось, всех моих земляков суп Отдохновения – тяжелейший наркотик. Так плохо, как после порции этой дряни, мне никогда в жизни не было. Сперва, конечно, кайфовал, как дорвавшийся до героина подросток, потешал случайных свидетелей выпученными очами да безумными выходками, зато потом два дня пластом валялся, невзирая на знахарские познания опекавшего меня в ту пору Джуффина. То есть физические страдания благодаря его чарам быстро закончились, но открывать глаза я не желал, и думать ни о чем не мог, и ничего не хотел. Вообще ничего, даже пить, спать и в туалет. Как еще вдохи и выдохи делать себя заставлял, уму непостижимо...

На этом месте меня осенило. По крайней мере, я был склонен счесть посетившую меня безумную идею именно озарением. Рассуждал я примерно так: плохо мне было после супа Отдохновения, это да. Но, теоретически, двигаться-то я мог? Если бы, скажем, дом горел и пришлось спасаться бегством? А что ж, встал бы как миленький, хоть и без особого энтузиазма. Надо – значит надо, некоторые элементарные вещи я даже в том состоянии прекрасно осознавал.

Вдохновленный воспоминаниями, я вскочил и принялся метаться по гостиной, благо ее размеры позволяли развернуться. Хоть велосипед из Щели между Мирами добывай для путешествий по собственному дому.

«Если съесть не целую тарелку супа Отдохновения, как в тот раз, а, скажем, одну ложку, ну, или две – наверное, мне будет не так уж плохо, – думал я. – На ногах небось устою, и ладно. А что, быстренько довести себя до состояния, когда вообще ничего не хочется, и отправиться на поиски этого безумного Магистра Хаббы Хэна. Будет трудно, но оно того стоит. Суп Отдохновения – мой единственный шанс!»

За несколько лет службы в Тайном Сыске я, можно сказать, обрел веру в себя. Убедился на практике, что большинство моих безумных идей, как правило, оказываются очень удачными. Что плохо – постепенно я начал считать гениальными все свои идеи, без исключения. Так часто бывает с людьми, узнавшими себе цену с некоторым опозданием. Поэтому сейчас я ни на секунду не усомнился, что нашел единственно возможный выход. Если уж я в здравом уме не способен искать этого грешного Магистра Хаббу, не испытывая при этом ни малейшего желания его найти, значит, надо довести себя до ручки, и все будет в полном порядке.

Что ж, надо – значит надо.

Неприятный выход из положения настолько лучше, чем вовсе никакого выхода, что я незамедлительно впал в почти эйфорическое состояние, без всякого супа. Летал по дому как на крыльях, едва дождался утра, разбудил Меламори, напоил ее бальзамом Кахара, чтобы не глядела с отвращением на нас с солнцем, расцеловал, накормил завтраком и вывалил на нее все свои новости сразу. Начал с капитана Фуффлоса, продолжил легендой про Хаббу Хэна, завершил торжественным обещанием нынче же нажраться супа Отдохновения и показать всем, где раки зимуют.

Места зимовки раков не слишком ее заинтересовали, зато все остальное – весьма и весьма.

– Если теперь тебе придется уезжать на край света, это, конечно, будет очень романтично, – наконец сказала она. – На мой вкус, даже слишком. Перебор. Впрочем, могу составить тебе компанию, если пригласишь. Тебе, как бывшему царю, по рангу положен личный телохранитель, а я до сих пор худо-бедно справлялась с этой миссией.

– Ты со мной поедешь? Хорошо, если так.

Я действительно обрадовался, поскольку не был так уж уверен, что Меламори готова сорваться с места и бродяжничать хрен знает сколько лет в компании со мной и моим тяжелым характером. Тем не менее возможность оставить все как есть привлекала меня гораздо больше.

– Надеюсь, я все-таки найду этого Хаббу Хэна, сказал я. – Неохота вот так все бросать и куда-то срываться, хотя с тобой – это, конечно, гораздо лучше, чем одному. Но все равно.

– А ты уверен, что Магистр Хабба Хэн действительно существует? – спросила Меламори. – Никогда о нем не слышала, а у нас дома любили перемывать кости всем мало-мальски известным колдунам, нынешним и древним. Мои родственники всегда были в курсе этих дел, ты же знаешь. Джуффин тебя не разыграл, часом? Он может.

– Не сомневаюсь. Но... Нет, не думаю. Не тот случай, пожалуй.

– Тебе виднее, – вздохнула она. – Тогда действительно попробуй его найти. Мне тоже не слишком нравятся эти твои сны. А вдруг я захочу с тобой поссориться? И что ж тогда, ты и меня, как Фуффлоса, башкой об пол?

– О прилавок, – педантично поправил я. – Я его о прилавок приложил. Но тебе это вряд ли грозит. Если ты со мной поссоришься, я буду грустить, а не злиться.

– Это тебе так кажется, – усмехнулась она. – Видел бы ты себя со стороны в некоторые особо прекрасные моменты. Ясно же, что взглядом убить можешь, если вдруг приспичит. Чудовище – оно чудовище и есть, прав был сэр Мелифаро. Если бы не арварохская закалка, я бы уже пару раз

сама на край света сбежала. А так ничего, держусь как-то.

Я улыбнулся, но улыбка вышла вымученная. Есть о чем призадуматься! Я-то, болван, думал, будто не в меру мягок и покладист. А оно вон как выходит. Страшен мой лик при тихой погоде, и в бурю, надо думать, тоже ничего хорошего. Такие вот дела.

Меламори, впрочем, поняла, что перегнула палку, и предприняла несколько попыток исправить мое настроение, одна другой удачней. Я даже подумал, что надо бы почаще давать ей возможность меня огорчать. Хорошее дело.

– Ты только смотри, осторожно там с этим супом Отдохновения, – строго сказала Меламори, когда ей пришло время отправляться в Дом у Моста. – Земляк твой от него почти умер, помнишь?^[14] И умер бы, пожалуй, если бы ты сам его не прирезал до срока.

– Так он несколько тарелок этой дряни слопал, а я – максимум пару ложек, – пообещал я. – Не самоубийца все-таки. И знаешь, на всякий случай держись от меня подальше сегодня вечером. А то, чего доброго, преисполнишься отвращения, и как я потом буду жить?

– Ну как это – подальше?! А если тебе станет плохо? А ты один – и как тогда?

– Мне станет плохо, это точно, – согласился я. – Для того, собственно, все и делается. Но лучше тебе этого не видеть. Все равно ведь не сможешь. Тем более я не дома валяться собираюсь, а Хаббу Хэна искать. Так что все будет в порядке, просто не сегодня, а, скажем, завтра. В крайнем случае, послезавтра. Словом, очень скоро.

Она с сомнением покачала головой, но возражать не стала. И хорошо. Отговорить меня от этой авантюры в тот момент было проще простого. До меня как раз окончательно дошло, во что я намерен вляпаться. Но иного выхода не было. По крайней мере, я его не видел.

Поэтому я проводил Меламори на службу и принялся собираться. Маршрут мой был предельно ясен: трактир «Старая колючка». Если уж вознамерился отравиться, яд должен быть приготовлен хорошим специалистом. А владелец «Старой колючки» Чемпаркароке, уроженец благословенного острова Муримах, – лучший столичный варщик супа Отдохновения. Иных блюд он, кажется, вовсе не готовит. И правильно, зачем распыляться?

Думаю, еще никто никогда не переступал порог «Старой колючки» с таким выражением лица. Я плотно сжимал губы, мужественно играл желваками и героически щурился. Был, словом, готов к подвигу. Не всякая

жертва так на алтарь восходит, как я к барной стойке шел.

По счастью, Чемпаркароке тот еще тип. Его, как я понимаю, ничем не проймешь. Поздоровался приветливо, уставился на меня с неподдельным интересом. Уж он-то был в курсе, что я сторонюсь его заведения не ради экономии. Думаю, он мой первый и последний неофициальный визит на всю жизнь запомнил. И теперь, разумеется, решил, что я явился по делу.

В отличие от большинства столичных трактирщиков Чемпаркароке относится к Тайному Сыску без опасения, зато с откровенным любопытством, если не вовсе с энтузиазмом. И всегда готов помочь, а еще лучше – активно поучаствовать во всяком нашем деле, чтобы было потом о чем рассказать клиентам, пока закипает суп. Но такое несказанное счастье выпадет бедняге крайне редко, все-таки «Старая колючка», в отличие от опиумных курилен моей родины, очень приличное семейное заведение.

– Хороший день, Чемпаркароке, – сказал я. – У меня к вам, знаете ли, дело. Почти личное.

Хозяин «Старой колючки» возликовал и весь обратился в слух.

– Помните, что со мной творилось несколько лет назад, когда я отведал вашего супа? – спросил я. И не дожидаясь ответа, скорбно продолжил: – Обстоятельства сложились так, что мне придется повторить этот печальный опыт.

Тут даже Чемпаркароке проняло. Уж на что невозмутим, но, слушая меня, рот распахнул, как врата осажденного города, сдавшегося на милость победителя.

– Ладно. Надо так надо, – наконец сказал он, не вдаваясь в лишние расспросы. – Но вам же небось опять плохо станет?

– Небось, – мрачно согласился я. – Собственно, именно это мне и требуется. Но я хочу попробовать обойтись малой кровью. Так что принесите-ка мне одну... или ладно, две ложки супа. Понятно, я заплачу как за целую порцию. Но от тарелки я, пожалуй, на месте окочурюсь, так что – ну ее от греха.

– Ясно, – просиял Чемпаркароке. И, немного подумав, предложил: – Может быть, в отдельный кабинет пройдете? А то вдруг опять, как в прошлый раз, развеселитесь, так лучше, чтобы никто вас не видел, верно?

– Верно! – обрадовался я. – Не знал, что у вас есть отдельные кабинеты.

– Тайные убежища для постоянных посетителей, – подмигнул мне Чемпаркароке. – Некоторые люди любят отдыхать на глазах у всех, а некоторые, напротив, предпочитают уединение. Идемте.

Он привел меня в небольшую по местным меркам комнату с низким,

обтянутым цветастой тканью потолком, усадил на лиловые подушки и отправился на кухню варить свое зелье. А я принялся ждать. Чувствовал себя великим героем и будущим пациентом дантиста-маньяка одновременно. Если бы не дыхательные упражнения, которые я уже привык делать во всех стрессовых ситуациях, так небось сбежал бы с позором, а потом – с позором же! – вернулся бы четверть часа спустя, одумавшись по дороге, и так дюжину раз кряду. Трусливый ум и богатое воображение плохо уживаются с храбрым сердцем, это я уже давно понял.

Чемпаркароке наконец вернулся. Принес крошечную детскую миску, разрисованную пасущимися на лугу котятками и яркими цветами. На дне миски плескалась густая ароматная янтарно-желтая жидкость. Лучший в столице супчик Отдохновения, будь он неладен.

Я заранее щедро расплатился с заботливым хозяином, вздохнул, возвел глаза к потолку, только что не перекрестился, да и то лишь потому, что не вспомнил, в какую сторону это делается, и одним глотком опорожнил миску. Собственно, там и глотать было особо нечего, Чемпаркароке поосторожничал и выдал мне максимум полторы ложки супа. Никак не две.

– Посидите тут, пока не подействует, – посоветовал он. – А там сами решайте. Имейте в виду, возвращаться в обеденный зал необязательно, выйти отсюда можно через черный ход. И, да. Вы, наверное, не знаете, но главный Королевский знахарь сэр Абилат Парас – мой старый приятель и постоянный клиент. В случае чего я его мигом вызову.

– Надеюсь, все же обойдется без знахарей, – проворчал я. – Ладно, я пока тут посижу, покурю. А там видно будет.

Чемпаркароке кивнул и скрылся за дверью. Я остался один и с замирающим сердцем принялся ждать «прихода».

Через полчаса мое сердце устало замирать, да я и сам несколько утомился прислушиваться к собственным ощущениям. По всему выходило, что на сей раз суп Отдохновения вообще никак на меня не подействовал. Я-то рассчитывал, что маленькая доза приведет к ослабленному эффекту, а она не сработала вовсе. Даже моя мнительность оказалась бессильна перед этим обстоятельством.

Проклиная все на свете, я отправился к Чемпаркароке за добавкой.

Выслушав меня, трактирщик подивился (до сих пор ему не доводилось проверять на живых людях действие особо малых доз своего зелья) и без лишних разговоров выдал мне еще полнаперстка супа. Ну ладно, не полнаперстка, а три столовых ложки. Но точно не больше.

Я сграбастал порцию и отправился обратно в кабинет – ждать, бояться и надеяться. На что благополучно угрохал еще час своей единственной и

неповторимой жизни. Тщательно спланированный подвиг понемногу превращался в дешевую комедию. Это было чертовски обидно, и я с ужасом подумал, что у «Старой колючки» есть все шансы сгореть нынче же ночью. Или когда я там доберусь до постели.

Когда я пришел за очередной добавкой, Чемпаркароке мягко, но настойчиво посоветовал мне не валять дурака и съесть хотя бы половину детской порции – если уж мне действительно приспичило пострадать. Поразмыслив, я решил, что в таком деле лучше и правда довериться специалисту. Потому что перспектива провести в этом трактире ближайшие несколько лет, раз в полчаса принимая по столовой ложке супа Отдохновения, показалась мне не слишком привлекательной. Кругосветное путешествие в сто раз интересней, если уж выбирать.

Вооружившись очередной миской с луговыми котятками и ложкой, я вернулся в кабинет. Не давая себе времени на сомнения, мигом умял адское зелье, жадно, как перед казнью, закурил, повалился на лиловые подушки и принялся ждать.

Примерно с этого момента мне нелегко восстановить хронологию событий. Хорошо помню внезапно охватившее меня колоссальное облегчение. Вдруг стало ясно, что суп Отдохновения – полная ерунда, на мой колдовской организм эта дрянь больше не действует, хоть лоханями ее жри. Одновременно мне открылось еще великое множество простых и прекрасных истин. В частности, я понял, что легендарный неуловимый Магистр Хабба Хэн – вздорный дурак, мне он и даром не нужен. Что такого может сделать какой-то никому не известный древний дед, чего я и сам бы не мог? Это еще поглядим, кто из нас кого исцелит! Пожалуй, скорее я его вылечу от аутизма. А что, зафигачу в лоб Смертным шаром, и сэр Хабба Хэн сразу поймет, как нехорошо прятаться от людей, которые ищут с ним встречи. Будет сам бегать по городу, останавливать прохожих, говорить просительно: «Я – Хабба Хэн, чем могу вам помочь?» Вот так-то лучше!

Потом я подумал, что сэр Джуффин Халли здорово перегнул палку, угрожая мне ссылкой. Ясно же, что он ничего не сможет со мной поделать. Куда ему. Пусть лучше мелких уголовников ловит и будет счастлив, что на старости лет при деле. А со мной ему лучше не ссориться. Надо бы ему при случае это объяснить, а то возомнил о себе невесть что. Впрочем, обижать его, пожалуй, не следует. Все же бывший учитель. Такого прекрасного меня воспитал, великий человек! Надо, что ли, как-то его порадовать. Подарок сделать или, к примеру, станцевать для него твист на рабочем столе. То-то удивится!

Примерно на этом месте я почувствовал прилив бодрости и вскочил на ноги. Оставаться в притоне Чемпаркароке было совершенно бессмысленно. Меня ждали великие дела. Я смутно представлял, какие именно, но не сомневался, что великие. Поэтому требовалось поспешить.

Танцующей походкой, репетируя грядущее выступление перед Джуффином, я прошел по коридору и, вместо того чтобы воспользоваться запасным выходом, вломился в общий зал. Посетителей в этот сравнительно ранний час было немного, но мне показалось, что здесь собралось полгорода. Я ни на миг не сомневался, что все эти достойные люди пришли сюда специально для того, чтобы увидеть меня. Наверняка, они надеялись на мою помощь, рассчитывали на немедленное исцеление от всех хворей, телесных и душевных. Потому что Магистр Хабба Хэн, дырку над ним в небе, неуловим, а я – вот он, преисполненный могущества и милосердия.

Дальше вспоминать не столько трудно, сколько стыдно. До сих пор стыдно, несмотря на то что все это я проделывал не только в измененном состоянии сознания, но и, строго говоря, в той жизни, которая давным-давно благополучно закончилась.

Поэтому буду краток. Я не плясал на столах и песен не пел, зато ораторствовал, утешал, поучал и, страшно сказать, исцелял наложением рук всех, кто под эти самые руки подворачивался.

Посетители «Старой колючки», как я понимаю, получили море удовольствия. По счастью, они меня не узнали. Когда годами ходишь по городу в Мантии Смерти, потом обнаруживается, что тебе уже не нужно менять внешность, достаточно просто переодеться. Ну и потом, они явно не могли вообразить, что «грозный сэр Макс» может среди бела дня оказаться в таком месте и в столь плачевном состоянии. Думали, дурачок приезжий чудит, радовались бесплатному развлечению, подыгрывали мне по мере сил, добрые люди.

Чемпаркароке, как я теперь понимаю, не разделял энтузиазма своих клиентов. Но не стал со мной связываться. Решил, видимо, что если я не буяню, людей не обижаю, посуду не бью, то и ладно.

Вскоре стены «Старой колючки» стали мне тесны. Страждущие как-то очень быстро закончились, и я рванул на улицу в полной уверенности, что все население столицы нуждается в немедленном исцелении и на меня одна надежда. Потому что всемогущий Магистр Хабба Хэн, мать его, абсолютно неуловим. Сволочь такая.

Некоторые прохожие благоразумно спасались от меня бегством, иные же с удовольствием потешались, выслушивая мои поучения, и даже лбы

для благословений подставляли, забавы ради. Я был зверски серьезен и необычайно милосерден; скольких праздных зевак я «исцелил» и заодно вразумил – вспомнить страшно. Надо отдать должное миролюбию столичных жителей: меня даже не побили.

Ближе к вечеру вдохновение мое начало иссякать. Надвигалось похмелье, хорошо знакомое мне по прошлому приключению, истинный кошмар, ради которого я, собственно, все и затеял. Но извлечь из него хоть какую-то пользу я так и не сумел.

Первая свинцовая волна тоски, тошноты и боли накрыла меня с головой столь внезапно, что я охнул, уселся на тротуар, да там и остался. Опустил голову на колени, спрятал лицо, ждал, когда мне будет позволено умереть. Что дело идет именно к тому, я не сомневался ни на миг. И, честно говоря, не имел ни малейших возражений. Думал только об одном: поскорее бы. Сколько можно-то?

В таком состоянии меня и нашел сэр Шурф Лонли-Локли. Я до сих пор благодарен судьбе, что ему не посчастливилось обнаружить меня часом раньше, на пике вдохновения. Такой позор я бы вряд ли перенес.

Но обошлось. К моменту нашей встречи я был тих и малоподвижен, а уличные зеваки давным-давно поняли, что представление закончилось, и разошлись.

Несмотря на плачевное состояние, я заметил, оценил и на всю жизнь запомнил выражение неподдельного изумления на обычно невозмутимом лице своего друга. Потом его физиономия исчезла, и вместе с нею исчез весь мир – наконец-то. Правда, увы, ненадолго.

Сэр Шурф попросту уменьшил меня, спрятал в пригоршню и унес домой, как поступил бы со старым шкафом или любым другим тяжелым предметом, который необходимо переместить на изрядное расстояние. В Мохнatom Доме он аккуратно вытряхнул меня на постель и укоризненно сказал:

– Когда ты в следующий раз захочешь меня удивить, пожалуйста, выбирай менее опасные для здоровья способы. Договорились?

Я кивнул, потому что говорить у меня не было сил, и постарался отвернуться к стене. Хотя лучше бы, конечно, вовсе исчезнуть, но на это рассчитывать особо не приходилось. Я уже вполне пришел в себя, вспомнил, что со мной происходит, и более-менее представлял, что мне предстоит. Теперь-то, задним числом, я оценил весь идиотизм своей затеи. В таком состоянии уборную в незнакомом доме искать не станешь, не то что какого-то там Магистра Хаббу Хэна, будь он неладен.

Но пока неладен был я сам. Меня тошнило, в глазах было не то чтобы

темно, но как-то мутно, каждая клеточка тела осознала себя как отдельную мыслящую монаду, и теперь сводный хор этих самых монад настойчиво твердил о тщете органической жизни, а я почему-то был обязан их слушать.

– Нет, так не пойдет.

Сэр Шурф легко, одной левой вернул меня в прежнее положение. Я был потрясен такой жестокостью, но протестовать не было сил.

– Лучше тебе не отворачиваться, – пояснил он. – И не молчать. Так будет только хуже, хотя тебе, конечно, сейчас кажется, что хуже просто некуда.

Я тупо разглядывал его руки и лениво думал: какая жалость, что он снял свои смертоносные перчатки. Сейчас они могли бы здорово облегчить мою участь.

– Поэтому рассказывай, – велел сэр Шурф. – Зачем ты ел суп Отдохновения? Ты же его однажды пробовал и заранее знал, к чему это приведет. Даже если бы ты был склонен к самоубийству, смею заметить, это не лучший способ. Мучительный и ненадежный. Но ты, насколько я успел тебя изучить, очень любишь жизнь. Так что с тобой произошло? Объясни. Тебе сейчас очень полезно поговорить, а мне действительно интересно.

Я предпринял последнюю неуклюжую попытку уклониться от беседы. Натянул на голову одеяло, еще и руками сверху прикрыл бедную свою башку. Нечего и говорить, что Лонли-Локли легко устранил это препятствие.

– Если я говорю, что сейчас тебе не следует молчать, поверь мне, это не каприз, а совет знахаря, – терпеливо объяснил он. – Кстати, лежать пластом тоже не лучший вариант. Давай-ка помогу тебе сесть. Я немного обучался целительскому искусству, когда состоял в Ордене Дырявой Чаши. Поверь, моих скромных познаний достаточно, чтобы помочь тебе прийти в себя не через три дня, а, скажем, к завтрашнему утру. Но для этого нужно слушаться. Потом можешь снова поступать по своему разумению, хотя не сказал бы, что это идет тебе на пользу.

В общем, я крепко влип. Переспорить сэра Шурфа Лонли-Локли – непростая задача, тут даже мое врожденное ослиное упрямство не работает. Правда, он не слишком часто вмешивается в мои дела, за что ему большое человеческое спасибо. Но если уж этот тип поставил перед собой благородную цель свить из меня пару-тройку веревок, будьте покойны, совет, еще и узлом завяжет, чтобы мало не показалось.

Поэтому мне пришлось не только кое-как усесться, опираясь на подушки, но и рот открыть. Во рту, как оказалось, обитали звуки, поначалу

не слишком членораздельные, но мой друг и мучитель был чертовски терпелив и настойчив. Поэтому пришлось эти самые члены как-то разделить.

– Я нажрался супа, чтобы найти Магистра Хаббу Хэна, – наконец выговорил я. И умолк в надежде, что теперь меня оставят в покое.

Не тут-то было. Сэр Шурф озадаченно покачал головой:

– Ничего не понимаю. Объясни по-человечески. кто такой Хабба Хэн, зачем он тебе понадобился и при чем тут суп Отдохновения?

Я окончательно уразумел, что мучения никогда не закончатся, смирился с этой мыслью и принялся рассказывать все с самого начала. Поскольку объяснения мои были сбивчивыми и путаными, пришлось повторить рассказ раз пять. За окном тем временем стемнело, а я с изумлением обнаружил, что дела мои, конечно, все еще плохи, но уже не так далеко безнадежны, как пару часов назад. Тошнота, по крайней мере, почти прошла. И тело ныло уже не с таким энтузиазмом. Появились шансы, что когда-нибудь ему это надоест.

– Это какая-то изумительная глупость, – резюмировал мой друг. – Из ряда вон выходящая. Тем не менее безумием от тебя не пахнет, что само по себе неплохо, но исключает самое простое и разумное объяснение ситуации. Если бы я знал тебя немного хуже, я бы решил, что ты меня обманываешь. Или что тебя околдовали. Но нет, пожалуй, ты действительно ел суп Отдохновения совершенно добровольно, в полной уверенности, будто это поможет делу. Поразительно. Не знаю, что и сказать.

– Конечно глупость, – вяло подтвердил я. – Но других идей у меня не было.

– А зачем какие-то идеи? – строго спросил Шурф. – Насколько я понял, ты ведь даже не пробовал найти этого загадочного Хаббу Хэна, так? Я имею в виду, просто ходить по городу и искать, как с самого начала советовал тебе сэр Джуффин.

– Не пробовал, – печально подтвердил я.

– Но почему?

– Так ведь заранее ясно, что ничего не выйдет. Искать и не хотеть найти – я так не умею. Вот ты, думаю, смог бы. Но я – не ты, к сожалению. Как будто сам не понимаешь, некоторые вещи попросту невозможны. И у каждого свой индивидуальный набор этих самых некоторых вещей.

– Я понимаю одно: нет ничего невозможного, – отрезал он. – Ни для меня, ни для тебя, вообще ни для кого. Трудно многое, да что там, почти все в жизни трудно. Но «невозможно» – это бессмысленное слово. Опасная,

ложная идея. Зря ты в нее так вцепился.

Я вздохнул. В любом случае сил на спор у меня не было, да и смысла я в том не видел. Невозможное не перестанет быть невозможным оттого, что я прекращу называть его этим словом, – так мне тогда казалось.

– Скоро сюда придет сэр Джуффин, – сказал Шурф. – Он только что прислал мне зов. Не сомневаюсь, его знахарских познаний с лихвой хватит, чтобы завершить то, что я начал. А я поеду домой. Но прежде хочу попросить тебя об одном одолжении.

Я уж насколько был плох, а встрепенулся. Сэр Шурф Лонли-Локли, мягко говоря, не каждый день обращается к окружающим с просьбами. То есть практически никогда. Зачем ему чьи-то одолжения? Такой, в случае чего, сам возьмет все что причитается – если еще сообразоволил снизойти.

– Когда ты чего-то не понимаешь или не знаешь, как поступить, ты обращаешься за советом к сэру Джуффину, – сказал Шурф. – И это, конечно, правильно. Но я очень прошу, когда тебе в очередной раз покажется, будто ты все очень хорошо понимаешь и совершенно точно знаешь, что следует делать, не поленись обсудить свои достижения со мной. Например, сегодня утром пять минут беседы могли бы сэкономить тебе как минимум сутки времени; о здоровье и прочих вещах уже не говорю.

– Ладно, – неохотно согласился я, – Но учти, это будет довольно утомительно. В последнее время мне почти все время кажется, будто я лучше всех знаю, что мне следует делать.

– Это заметно, – сухо согласился мой друг. – Ничего, я как-нибудь справлюсь. Все лучше, чем каждый вечер рыскать по городу в поисках твоего почти бездыханного тела.

– Так, выходит, ты меня искал? Не случайно мимо шел? Что, кто-то из прохожих меня узнал и побежал в Дом у Моста за подмогой?

– Узнал ли тебя кто-то из прохожих – это вопрос к сэру Кофе. Думаю, сейчас он как раз собирает сплетни о твоих выходках. Но в Дом у Моста никаких жалоб не поступало, так что можешь считать, я действительно случайно шел мимо. В любом случае это к делу не относится.

– Но... – начал было я.

– Не относится, – мягко повторил он. – И пожалуйста, не забывай о дыхательных упражнениях. Сейчас они нужнее, чем любое лекарство. Хорошей ночи.

С этими словами сэр Шурф стремительно удалился, уступив место Джуффину. В отличие от моего спасителя, шеф выглядел чрезвычайно довольным, как будто моя выходка оказалась лучшим подарком ко Дню

Середины года.

– Что хорошо, – с порога начал он, – зная сэра Шурфа, я ни на миг не сомневаюсь, что ты свое уже получил сполна. Так что я могу не трудиться тебя ругать, правильно?

Я промышчал нечто невразумительное. Дескать, так и быть, можно не трудиться. Тем более я все равно не оценю.

– Идея насчет супа Отдохновения, конечно, совершенно идиотская, – говорил Джуффин, одновременно выстукивая костяшками пальцев по моему темечку какой-то причудливый марш. – Но остроумная, ничего не скажешь. Я бы ни за что до такого не додумался. Я имею в виду, не додумался бы, что ты додумаешься. Не ожидал, честное слово! А ведь, казалось бы, все должен предвидеть.

Мне от его манипуляций слегка полегчало. Так что появилась возможность окончательно осознать, что я натворил, и тихонько заскулить от стыда.

Джуффин сделал вид, будто его это не касается.

– Знаешь, что самое восхитительное? – спросил он. – Кофа рассказывает...

На этом месте я практически взвыл в голос, но шеф как ни в чем не бывало продолжил:

– Так вот, Кофа рассказывает, что в трактирах уже вовсю судачат о безумце, который носился по городу, пугал прохожих проповедями о пользе путешествий между Мирами и исцелял желающих от всех напастей... Да успокойся ты, никто тебя, кажется, не узнал. А если и узнал, то благоразумно помалкивает. Во всяком случае, твое имя в сегодняшних городских новостях пока не фигурирует.

– Правда, что ли? – изумился я.

– Правда, правда. Вспомни, сколько раз я тебя обманывал, и признай, я никогда не делал этого ради утешения. И сейчас не стал бы. Ты лучше слушай меня внимательно, не пожалеешь.

За предложением внимательно слушать последовала драматическая пауза, секунды на три. Думаю, шеф намеревался растянуть ее на целых полминуты, да вовремя понял, что сейчас меня этим не проймешь. Я уже расслабился, чего доброго, еще и уснуть могу в процессе интригующего молчания. И принялся рассказывать дальше.

– Так вот, некоторые городские сплетники утверждают, будто счастливчики, подвернувшиеся под руку неизвестному дурачку, каким-то чудом избавились от самых разных проблем. Один близорукий бедняк, который никак не мог накопить денег на визит к хорошему знахарю, теперь

чешуйки на крыльях бабочки сосчитать может. А один горемычный пьянчужка от твоего чудесного прикосновения вмиг протрезвел. И все бы ничего, только теперь бедняга остается трезвым, сколько бы ни выпил. До сих пор небось сидит в восстановленном на твои денежки «Джубатыкском фонтане», пытается распроститься с ясностью рассудка – безуспешно. Уж этот тебя теперь клянет последними словами, не сомневайся! Зато некая уродливая дама будет благодарить неизвестного дурачка до смертного часа. Говорят, бедняжка похорошела, да так, что чуть ума не лишилась, в зеркало поглядев. Но теперь пришла в себя и совершенно счастлива, бегают по знакомым, красоту свою показывает. И еще много интересных происшествий случилось в Ехо, пока ты тут пластом валялся. Как тебе такие новости?

– Ну хоть не зашиб никого, и то хлеб, – буркнул я. – Но вообще все это как-то слишком. А они не привирают, часом, эти ваши городские сплетники?

– Наверняка привирают, и еще как, – согласился Джуффин. – Людям свойственно преувеличивать, как сказал бы наш Куруш. Но этих троих Кофа видел собственными глазами. Причем специально зашел в «Джубатыкский фонтан» на пьяницу поглядеть, не поленился. Ну и все остальные сведения проверяет сейчас по мере сил. Я его лично попросил. Думаю, в конце концов Кофа доберется до Чемпаркароке и поймет, в чем было дело. Я ему рассказывать не стал, так интереснее.

– Но как у меня вышло? – недоверчиво спросил я. – Я же все-таки не этот ваш Хабба Хэн. Или?.. Джуффин, не молчите, пожалуйста! Я – не он?

– С какой стати ты должен быть Хаббой Хэном? – искренне изумился шеф. – Конечно ты не он. Ишь, размыштался.

– Но почему я действовал на людей точь-в-точь, как вы мне описали?

– Ну как – почему? Ты очень впечатлительный. И очень могущественный и неуклюжий, как я тебе уже тысячу раз говорил. Размышления о неординарных способностях моего приятеля тебя вдохновили, суп из «Старой колючки» окончательно отключил тормоза и развязал руки. Горожанам повезло, что накануне я рассказал тебе именно про Хаббу Хэна. Если бы мы подробно беседовали, скажем, о юности Лойсо Пондохвы или обсуждали некоторые детали моей биографии, всем пришлось бы очень плохо. А так – пронесло. Даже какая-то польза вышла. Пьянчужку жалко, но, надеюсь, он как-нибудь привыкнет к трезвой жизни и найдет чем заняться. А за женщину и близорукого господина я искренне рад.

– Может, я все-таки просто сошел с ума? – с надеждой спросил я. –

Мало ли, что запаха безумия нет... А вдруг этот знаменитый Королевский знахарь, сэр Абилат Парас, о котором я столько слышал, соберет для меня букет каких-нибудь Кристаллов Смирения, и все?

– Конечно, ты просто сошел с ума, – совершенно серьезно подтвердил шеф. – Мы с тобой это уже не раз обсуждали. Твое могущество вышло из-под контроля. Ты сейчас гораздо сильнее самого себя – типичное безумие юного мага, нормальный этап становления. Но Абилата мы беспокоить не будем. Есть только два знахаря, к которым имеет смысл обращаться. Одного, как я тебе уже говорил, зовут Хабба Хэн.

– А второй? – с надеждой спросил я.

– Время, – усмехнулся Джуффин. – Но от услуг этого знахаря ты недавно отказался наотрез.

Я застонал и стиснул руками голову, которая раскалывалась не то от похмелья, не то от очередного разочарования. Шеф укоризненно покачал головой и поднялся.

– Ладно, не буду тянуть из тебя жилы. Пойду посмотрю на что-нибудь более привлекательное, чем твое полумертвое тело. А ты попробуй поспать. Надеюсь, в таком состоянии ты ничего не натворишь.

– Джуффин! – позвал я, когда шеф уже развернулся, чтобы уходить.

Он обернулся, уставился на меня сочувственно и насмешливо.

– Чего тебе, горе мое?

– А этот ваш Магистр Хабба Хэн – он точно существует? – жалобно спросил я. – Вы меня не разыграли? А то о нем вообще никто не знает, даже Шурф, который умных книжек прочитал в два раза больше, чем успели написать за всю историю человечества.

– Ну, положим, о самом интересном из книжек не узнаешь, – мягко сказал Джуффин. – Сэр Шурф тоже когда-нибудь это наконец поймет. Во всяком случае, я очень рассчитываю на такой исход... А что касается Хаббы, я его не выдумал, не беспокойся. Но существует ли он для тебя лично – это вопрос, на который у меня пока нет ответа. Сам разберешься. И кстати, языком все-таки поменьше болтай. Хабба Хэн никогда не стремился к популярности. Уважь старика.

Я молча кивнул, поскольку рычать не было сил, а стонать мне уже изрядно поднадоело. Но только поэтому.

Надеюсь, никто из присутствующих не станет требовать, чтобы я подробно рассказал, как провел ночь и большую часть следующего дня. Повествование вышло бы поучительное, но интересное разве что для начинающего знахаря. И жалостливое, как свадебная песня портового

нищего, а я недолюбливаю этот жанр. Важно, что ближе к вечеру я оклемался настолько, что мне удалось пинками поднять себя с постели и выгнать на улицу – в надежде, что остатки похмельной слабости и паскудного настроения помогут мне остаться совершенно равнодушным к возможной встрече с Магистром Хаббой Хэном. Во всяком случае, думая о нем, я действительно не испытывал ни малейшего энтузиазма. Единственное, чего мне по-настоящему хотелось, так это вернуться домой и забраться под одеяло.

Это желание меня, собственно, и подвело. Магистр Хабба Хэн и все его чудеса были мне в тот вечер вполне безразличны, зато я отлично понимал, что, встретив его, смогу с чистой совестью вернуться домой. Совсем простенькая ловушка, но мне понадобилось часа три, чтобы наконец почувствовать себя одураченным болваном. Ясно было, что никакого Хаббу Хэна я в таком настроении не найду. С тем же успехом можно было с самого начала искать его в собственной спальне, под всеми одеялами поочередно.

Но поскольку к этому времени я уже довольно далеко зашел – не в переносном, а в самом что ни на есть прямом смысле, я решил сперва перевести дух и обрушил свое полуживое тело на табурет трактира «Синяя звезда», мимо которого как раз проходил. Прежде я сюда ни разу не заглядывал, поэтому вовсе не был уверен, что получу здесь пристойную камру, но к тому моменту я был готов довольствоваться чем угодно, при условии, что мне дадут полчаса спокойно посидеть.

Камра, вопреки ожиданиям, оказалась вкусной, а табурет – удобным, зато спокойно посидеть не получилось. Боковым зрением я почти сразу заметил немолодую даму в зеленом тюрбане и нарядном узорчатом лоохи, которая читала свежий выпуск «Суеты Ехо» в дальнем углу обеденного зала. На меня незнакомка не обращала решительного никакого внимания; более того, она зашла в «Синюю звезду» не после меня, а раньше. Когда я стоял на пороге, прикидывая, стоит ли здесь задерживаться, дама уже устраивалась за своим столиком, шуршала газетой.

Но это лишь превратило мои смутные подозрения в уверенность.

Я отставил в сторону кружку, поднялся, пересек обеденный зал, уселся напротив нарядной леди, подпер кулаком подбородок, вздохнул:

– Не стоит тратить на меня время. Честное слово, сегодня я буду вести себя прилично. И завтра тоже. Дальше – как пойдет, но два спокойных дня я вам гарантирую.

– Как ты все-таки меня узнаёшь? – проворчал сэр Кофа Йох, откладывая в сторону газету. – Оплошал я, конечно. Надо было не облик

менять, а в укумбийский плащ кутаться.

– Ну и толку? В плаще я бы вас, конечно, не заметил и не смог бы подойти, поговорить. Но ваше присутствие все равно чувствуется... Вы действительно зря беспокоитесь. В «Старую колючку» я больше не хожу. Как жив вчера остался, сам не понимаю.

– С чего ты взял, что я беспокоюсь? – удивился Кофа. – Мне просто любопытно. В частности, с какой стати ты вообще налопался супа Отдохновения? Ты ведь уже пробовал однажды и зарекся, раз и навсегда. На твоём месте кто угодно зарекся бы.

Я хотел было все ему объяснить, но вспомнил, что Джуффин просил побережечь Кофу от информации про неуловимого Магистра Хаббу Хэна. Прикусил язык и неопределенно пожал плечами:

– Стал бы я добровольно над собой издеваться, как же! Джуффин велел. Зачем-то ему это было нужно. Может, он как раз и хотел узнать, на что я способен в таком состоянии? По крайней мере, вчера вечером он выглядел очень довольным.

– Похоже на него, – проворчал Кофа. – Очень похоже... Что ж, ладно. Займусь другими делами, если так.

Я решил воспользоваться случаем и задал Кофе один из немногих вопросов, которые меня сейчас действительно волновали.

– А в городе уже знают, что это я был, а не таинственный «заезжий дурачок»?

Услышать правдивый ответ я, чего греха таить, боялся, но решил, что лучше уж не тянуть. Правда не перестанет быть правдой только оттого, что я не желаю ее знать. К сожалению, конечно.

Пожилая леди вложила в свою ухмылку все запасы Кофиного ехидства.

– Кому положено, все знают, конечно.

Повисла тяжелая пауза. Я, впрочем, прекрасно понимал, что Кофа просто обязан немедленно расквитаться со мной за то, что я так легко его опознал. Оно и правильно, это гораздо практичней, чем еще несколько дней вспоминать свой досадный провал и планировать грядущее отмщение. Поэтому я изобразил на лице адскую смесь смятения и смирения, доставил ему удовольствие. И был вознагражден. Мастер Слышащий заулыбался еще шире, удовлетворенно кивнул и наконец продолжил:

– Твое счастье, что знать такие вещи почти никому не положено. Можешь быть спокоен, Чемпаркароке нем, как холодный пирог. Парень и без того не слишком болтлив, а тут еще Джуффин сам с ним поговорил, объяснил, что твоя выходка – чуть ли не самая страшная государственная

тайна со времен смерти старого Короля. А мне пришлось самолично проинструктировать и выпустить в город команду отлично обученных сплетников. К сегодняшнему утру все желающие уже знали имя дурачка-чудотворца. Тебе небось тоже интересно?

Я кивнул.

– Можешь считать, что чудил вовсе не ты, а некий Хохлатта Чан, молодой лесничий с Муримаха, впервые в жизни приехавший в столицу. Парень перебрал впечатлений и джубатынской пьяни, купил на Сумеречном рынке пару контрабандных Кристаллов Радости, а потом еще и тройную порцию супа Отдохновения наварнул – от такой смеси немудрено умом повредиться. Однако все к лучшему: его выдающимися способностями заинтересовались в Ордене Семилистника, поэтому теперь парня лет тридцать никто не увидит, пока он там в послушниках киснуть будет. Сентиментальная история с хорошим концом, именно то, что требуется нашим горожанам.

– Ну и хвала Магистрам, – с неописуемым облегчением вздохнул я. – Вы гений, Кофа.

– Вечно ты всяким пустякам удивляешься, мальчик, – улыбнулась пожилая леди. – А настоящие чудеса для тебя в порядке вещей. То есть тот факт, что ты в полубессознательном состоянии нечаянно осчастливил несколько дюжин человек, тебя вовсе не трогает – при условии, что не будет сплетен, я правильно понимаю?

– Ну, в общем, да, – честно признал я.

– Ладно уж, если тебе нужен дельный совет, то вот он: ступай домой и постарайся отдохнуть. На тебе не то что лица, на тебе уже даже рожи нет. Одна физиономия осталась. Вытянутая и унылая, глядеть больно.

Дурак бы я был, если бы не послушался старого, мудрого человека.

На следующее утро я чувствовал себя много лучше. И настроение у меня было просто превосходное. А как же, проспал всю ночь как убитый, снов не видел и, соответственно, никого не уколошил, слава мне!

Я счел это добрым знаком и, окрыленный надеждой, полетел к Джуффину. Без предупреждения ворвался в его кабинет, чтобы у шефа не было ни единого шанса отсрочить столь важную для меня беседу. Заранее улыбался до ушей и размахивал руками, предвкушая грядущие переговоры и общее ликование в финале.

– Что с тобой? – заботливо спросил Джуффин. – Снова супчику наварнул? И теперь целых полчаса будешь веселым и беззаботным?

– Да ну вас к Темным Магистрам! – меня аж передернуло. – Ужасы

какие рассказываете... Просто у меня хорошие новости. Спал всю ночь, как нормальный человек, никого не обижал, ни единого притона не разрушил. Может быть, все уже само утряслось? От супа Отдохновения или просто так? Все прошло и можно жить дальше?

– Жить дальше можно в любом случае, – улыбнулся Джуффин. – Тем более что здоровье у тебя крепкое, а смертная казнь в Соединенном Королевстве уже давным-давно запрещена. Но на этом, боюсь, хорошие новости заканчиваются, мой бедный сэр Макс.

– Но почему? – взвился я. – Говорю же...

– Да слышу я, что ты говоришь, – вздохнул шеф. – Предлагаю честный обмен: я выделю тебе кружку камры и четверть часа времени, которого сегодня, по правде сказать, ни на что не хватает. А ты за это постарайся слушать меня очень внимательно. И, если такое возможно, верить каждому моему слову. Чтобы мне не пришлось повторять одно и то же еще дюжину дней кряду. И без того жизнь моя сейчас не сахар.

– А что так? – угрюмо спросил я.

Как всякому человеку, с головой погруженному в собственные проблемы, мне казалось, что все остальные не имеют морального права сетовать на жизнь. Вот мне – да, действительно трудно. А они – так, с жиру бесятся. Счастья своего не понимают и не ценят.

– Тебя тут все-таки здорово не хватает, – Джуффин обезоруживающе улыбнулся. – Во-первых, куда более хлопотно, чем я привык. Во-вторых, не так весело, как обычно. Ну и, в-третьих, некому допивать мою остывшую камру, – добавил он, протягивая мне кружку, содержимое которой, вопреки сказанному, было горячим и свежим.

Я, впрочем, и без того уже растаял. Открыто признать тот факт, что без меня гораздо хуже, чем со мной, – самый простой способ заполучить связку ключей от моего сердца. Возможно, и вовсе единственный. Такой подход мне и сейчас, как ни стыдно признаться, близок, а уж в те времена я даже не понимал, что надо бы как-то иначе.

– Тогда рассказывайте, почему мои хорошие новости вас не впечатлили? – потребовал я, принимая кружку. – Я-то, дурак, обрадовался... Думаете, я случайно не натворил никаких бед? И это ничего не значит?

– Разумеется, не случайно, – Джуффин ослепительно улыбнулся. – Но это действительно ничего не значит. Ты ничего не натворил этой ночью, и еще пара-тройка спокойных ночей нам, пожалуй, гарантирована. Но вовсе не потому, что ты наконец обрел контроль над своим могуществом. Просто ты изрядно ослаб, вот и все. А это быстро пройдет, насколько я успел тебя изучить.

Я угрюмо уставился в окно. Крыть было нечем, я и сам понимал, что шеф абсолютно прав. Скажу больше, я понимал это с самого начала, просто старательно игнорировал единственное разумное объяснение. Оно мешало мне быть счастливым.

– Милосердие слабого человека ничего не стоит, – Джуффин говорил строго, но глядел на меня с явным сочувствием. – То есть это правильная стратегия поведения, конечно. Если уж слаб, будь хотя бы безвреден, а еще лучше – спокоен и добр. И выжить так больше шансов, и силу накопить. Но никакой победой над собой тут и не пахнет. Обуздывать надо бурю, а не жалкий сквозняк. Ясно тебе, горе мое?

Я молча кивнул.

– Эй, Макс, кто научил тебя сдаваться раньше времени? – весело спросил шеф. – Неужто покойный Нуффин позаботился? Прежде за тобой такого не водилось, я точно помню.

Я пожал плечами.

– Прежде проблемы всегда были снаружи. А теперь, получается, внутри. То есть я сам, со всеми своими распрекрасными потрохами и есть моя главная проблема. Какой кусок себя отрезать и выбросить на свалку – так, выходит, стоит вопрос. А что ж, разрушаю все, что под руку попадется, именно я, а не какой-нибудь посторонний злодей. И найти этого вашего Хаббу Хэна хочу – и, следовательно, не могу – тоже я. Более неподходящего человека для его поисков, боюсь, вы бы и выдумать не смогли.

Джуффин все взвесил и кивнул, соглашаясь. Дескать, да, ты прав, действительно не смог бы выдумать.

– Совершенно непонятно, с какого конца за это дело браться, – мрачно резюмировал я. – А браться надо. Причем срочно, а не когда-нибудь через два года. И никаких вариантов, кроме как биться головой об эту стенку, пока они обе не разлетятся на мелкие кусочки, я не вижу.

– Просто тебе придется сделать так, чтобы стенка рухнула, а твоя башка уцелела, – подмигнул мне Джуффин. – Что же тут непонятного?

– Все.

Я был честен как никогда, но это меня не спасло. Шеф выразительно поглядел на висящие в углу часы и сказал:

– Ничего, разберешься.

Я, конечно, мог сделать вид, будто не понимаю, что пришло время выметаться из его кабинета. Но не стал растягивать это сомнительное удовольствие, а встал и пошел к выходу. Обрубленные крылья, на которых я сюда влетел, теперь волочились за мной по полу. Хорош бы я был, если

бы грохнулся, споткнувшись о собственное невидимое крыло...

– Попробуй взять себя измором, – сказал мне вслед Джуффин. – Ищи Хаббу Хэна, пока сам себе не надоешь с этими поисками. И потом еще какое-то время. А когда поймешь, что больше и шагу сделать не можешь, скажи себе, что это только начало, и принимайся искать снова. На худой конец, тебе просто так надоест шляться по городу, что ты обрадуешься возможности отсюда уехать.

Утешил, нечего сказать.

В Зале Общей Работы меня уже ждал сэр Мелифаро, прекрасный, как дешевая погремушка, – в оранжевом лоохи, голубой скабе, лиловом тюрбане и малиновых сапожках. Я уж на что был не в духе, а улыбку не сдержал. Мелифаро, понятно, истолковал мою радость по-своему.

– Ликуешь, чудовище? Догадываюсь почему. Вы с шефом договорились, что теперь ты будешь получать жалованье за то, что не ходишь на службу, верно? И правильно, на его месте я бы тоже платил тебе, сколько попросишь, лишь бы под ногами не крутился.

– Какой ты проницательный, с ума сойти можно, – ухмыльнулся я. – Все так и есть, на службу я теперь не ходок. Будешь за двоих отдуваться, днем и ночью, пока я выполняю ответственное задание.

– Могу себе представить это задание, – проворчал мой друг. – По трактирам шляться с утра до ночи, а в конце года положить на стол шефа рапорт со списком лучших столичных кабаков.

– Опять угадал, – флегматично согласился я. – Только мне даже рапорт писать не придется. Джуффин разрешил устно отчитаться, прикинь.

Какое-то время Мелифаро внимательно меня разглядывал. Потом неуверенно спросил:

– Погоди, ты что, не шутишь?

– Почти нет. Если серьезно, от меня даже устного отчета не потребуют. А все остальное – чистая правда.

– Кошмар! – восхитился Мелифаро. – То есть пока мы, как куманские рабы, будем тут исполнять твои обязанности...

– Я буду шляться по трактирам, совершенно верно. А все потому, что я – злодей каких мало, людоед, супостат, карьерист и еще предатель сотрапезников. Это закон природы, дружище: хорошим людям тяжело живется, а у нас, негодяев, не жизнь, а просто праздник какой-то. Непрерывный карнавал.

Улыбка окончательно покинула лицо бедняги Мелифаро.

– Что-то случилось, Макс? – спросил он. – Я имею в виду, что-то

серьезное?

– Боюсь, это самое «серьезное» мне еще только предстоит, – вздохнул я. – Впрочем, поживем – увидим. Составишь мне компанию за обедом?

– При одном условии. Если научишь меня, как стать супостатом и предателем сотрапезников, – проворчал Мелифаро. – Мне тоже хочется легкой и красивой жизни.

– Для начала, – важно сказал я, – тебе придется заплатить за обед. Мы, злодеи, не даем добрым людям бесплатных уроков.

На том и порешили.

Стараниями сэра Мелифаро и нового повара мадам Жижинды настроение мое, изрядно испорченное утренней беседой с Джуффином и последовавшим за ней марш-броском через Старый Город, после обеда худо-бедно выправилось, так что я мужественно продолжил бессмысленные поиски Магистра Хаббы Хэна. Исключительно по милости сэра Шурфа Лонли-Локли вечером я не бросился в Хурон с ближайшего моста, а просто постоял там рядом с ним, уставившись на воду, сделал несколько глубоких вдохов и выдохов да и отправился дальше – спасибо леди Меламори за то, что мне было куда идти на ночь глядя. Я имею в виду, кроме этих грешных трактиров.

То есть эти трое натурально спасли мне жизнь. А на следующий день я уже худо-бедно свыкся со своей новой участью. Я вообще довольно быстро ко всему привыкаю, а бесконечные прогулки по Старому Городу, честно говоря, не худшее, что может случиться с человеком. Скорее наоборот. Я, можно сказать, вошел во вкус.

Одно плохо: я по-прежнему очень хотел встретить Хаббу Хэна. Никак не мог отделаться от мысли что это – самое главное дело, недостижимая цель практически мечта всей жизни. Требовательно вглядывался в лица прохожих и трактирных сидельцев. Всякий раз разочаровывался, не обнаружив под их тюрбанами ни единой огненной искры. С каждой неудачей желание мое лишь крепло. Я уже только об этом и мечтал, представлял себе: вот я захожу, скажем, в «Мед Кумона», такой весь из себя спокойный и равнодушный, а там в дальнем углу сидит неприметный господин в сером лоохи, и никто, кроме меня, не видит, как пылает его огненный лик. Или нет, даже не так. Еще круче. Я выхожу из дома на улицу, в кои-то веки решив никого не искать, а просто по-человечески позавтракать, и тут мне навстречу... О-о-о!

Тем горше было каждое новое разочарование. Мой личный рекорд составлял тысячу разочарований в сутки, и я не собирался на этом

останавливаться.

Друзья мои вели себя в эти дни как настоящие ангелы, но предпочитали держаться от меня на безопасном расстоянии. Всем вдруг стало совершенно ясно, что я – то самое лихо, которое лучше не будить. То ли Джуффин проинструктировал, то ли сами догадались. Леди Меламори, впрочем, доставало мужества ночевать под моим кровом. Сказывалась, надо думать, хваленая арварохская закалка. По вечерам мы валялись на ковре в гостиной, листали очередной том Энциклопедии Мира Манга Мелифаро, составляли маршрут предстоящего путешествия и старательно делали вид, что нам нравится такой вариант развития событий. Впрочем, допускаю, что она-то как раз искренне радовалась поводу надолго улизнуть из Ехо, а вот я точно притворялся. И боюсь, не слишком талантливо.

Словом, на шестой день поисков я был настолько далек от своей невятной цели, насколько это вообще возможно. И, увы, сам это прекрасно осознавал. Но упорно практиковался в искусстве пешей ходьбы – в надежде, что инструкция Джуффина «взять себя измором» все-таки не скверная шутка, а непонятная мне, зато действенная метода.

Чтобы хоть как-то развлечься, я начал шляться по притонам. В смысле – перестал наконец надменно воротить нос от дешевых забегаловок, великое множество которых внезапно обнаружил на границе между бедными кварталами Старого Города и роскошными особняками Нового. Так сложилось, что эту часть Ехо я прежде не знал вовсе, а место оказалось прелюбопытное.

Когда-то, задолго до начала Смутных Времен, здесь уже начинался пригород. Резиденции второстепенных Орденов перемежались скромными жилищами обслуживающего персонала и просторными домами богатых фермеров. После окончания Войны за Кодекс столица внезапно стала самым спокойным и безопасным городом Соединенного Королевства, и ее население тут же возросло чуть ли не вдвое за счет многочисленных провинциалов, рванувших сюда – кто делать карьеру, а кто за дармовой Королевской кормежкой. Тогда на Правом Берегу спешно начали строить роскошный и чрезвычайно удобный для жизни Новый Город. С тех пор в столице, можно сказать, два вполне равноправных деловых центра, а между ними – не трущобы, конечно, но весьма своеобразное пространство: древние дворцы, живописные руины Орденских резиденций, приземистые деревенские дома и запущенные сады. Розовый куст, преспокойно цветущий посреди мостовой, здесь обычное дело, равно как и дешевый трактир, расположившийся в замке эпохи династии вурдалаков Клакков.

Впрочем, некоторые трактиры ютились на первых этажах жилых домов, иные же занимали опустевшие фермы. Последние мне нравились больше всех, поскольку пить скверную камру, сидя на садовой скамейке под цветущей липой, в трех шагах от уличной жаровни, на которой булькает котел с дежурным супом для компании старичков-завсегдатаев, – совершенно особое удовольствие, этаким скромный пикник для небогатого мизантропа, каким я был очень, очень давно. И не в этом Мире. И хорошо, что так.

Хаббу Хэна в этих садах я, Впрочем, так и не обрел. И в сырых каменных подвалах бывших Орденских резиденций, где рыбу, пойманную в Хуроне за полчаса до обеда, жарят в очаге, сложенном пять тысячелетий назад, его тоже не было. Зато в одном из таких подвалов я встретил старинного знакомого и, честно говоря, обрадовался. Не то принял случайную встречу за добрый знак, не то просто устал от своих одиноких скитаний по границе Старого Города.

Старинный знакомец носил тонкие арварохские сапоги из серебристой кожи гигантского паука и как минимум полдюжины ветхих разноцветных лоохи разной длины, напялив их одно на другое, да так, чтобы ни одно не укрылось от глаз стороннего наблюдателя. Пальцы его были унижены драгоценными перстнями, надетыми прямо поверх рваных нитяных перчаток. Тюрбаны он презирал, поэтому его голову венчала копна белоснежных волос, небрежно перехваченных мятой тряпицей, концы которой скрепляла гигантская брошь в форме дракона. На мой вкус, место этой безделушки было в Королевской сокровищнице. Глазами дракона неведомый ювелир сделал кроваво-красные рубины; точно такого же цвета были глаза самого Кобы, старшины столичных нищих. Только сияли они куда ярче, чем драгоценности.

– В последнее время тебя, сэр Макс, можно встретить в самых неожиданных местах, – приветствовал меня Коба. – Чудные дела творятся в Ехо, да?

– Да нет, не сказал бы, что такие уж чудные, – я немного смешался и, чтобы сменить тему, предложил: – Присаживайся. Угощу тебя обедом, если захочешь. А не захочешь, дело хозяйское.

– Отказываться от дармового обеда мне никак нельзя, – строго сказал нищий. – За такое пренебрежение выгодой нашего брата в старые времена могли запросто из цеха выкинуть. Теперь уж не то, но я предпочитаю хранить твердость и не изменять принципам.

– А если предложат дюжину дармовых обедов кряду? – рассеянно спросил я. – Так и лопнуть недолго.

– В некоторых случаях можно попросить, чтобы тебе дали стоимость еды деньгами, – охотно объяснил Коба. – А можно просто очень медленно есть, растянув трапезу на несколько часов – да хоть на пару дней, если брюхом слаб. Словом, следует действовать по обстоятельствам, как во всяком другом деле.

Я все больше радовался, что его встретил. Красноглазый старшина портовых нищих всегда представлялся мне одной из самых загадочных фигур в столице. Профессия на первый взгляд малопочтенная, что и говорить. Однако это не помешало Кобе стать одним из главных участников Королевского заговора против покойного Магистра Нуфлина^[15]. Заговор, конечно, был тот еще; на мой взгляд, он куда больше походил на азартную детскую игру, чем на серьезную попытку переворота. Но все-таки.

Итак, с Его Величеством Гуригом Восьмым старшина нищих был на короткой ноге, тому я сам свидетель. Мой шеф относился к Кобе с большим интересом и явной симпатией, а сэр Шурф Лонли-Локли, которому не раз доводилось иметь дело с Кобой, одобрительно отзывался о его уме и организаторских способностях. В моих глазах это были крутые рекомендации. Кроме того, краем уха я слышал, что Коба принадлежит к каким-то загадочным муракокам^[16] – не то религиозная секта, не то тайное общество, не то просто разновидность судьбы, поди разбери. Добиться от него мало-мальски внятных разъяснений мне так и не удалось; единственное, что я уяснил, – все муракоки убеждены, что проживают несколько жизней в разных Мирах одновременно. И даже вроде бы не просто фантазируют, а осознанно присутствуют во всех этих реальностях, по крайней мере иногда. Черт знает что, короче говоря. Но очень любопытно.

В общем, я решил, что болтовня с Кобой поможет мне хоть немного отвлечься от поисков неуловимого Магистра Хаббы Хэна, при одной мысли о котором мне делалось дурно. Натурально, голова кружилась, и в глазах темнело – вот ведь до чего себя довел.

– А это ничего, если я буду задавать тебе всякие дурацкие вопросы, Коба? – спросил я, когда нам принесли Дымный суп из речной рыбы и луговых трав. – Потому что если ты не хочешь ничего рассказывать, я пойму. Мне же не для дела, а...

– Да что я, не понимаю? – пожал плечами Коба. – Конечно тебе интересно. Ты же, если я не ошибаюсь, совсем недавно в столице живешь? Лет пять, да? И прибыл сюда явно не из графства Вук, что бы там ни рассказывал, уж я-то чую человека из дальних мест. Из таких дальних, что

и расспрашивать не к чему, если хочешь спать спокойно.

– Ну, можно подумать, так все страшно, – укоризненно сказал я.

– Именно, – вполне равнодушно подтвердил Коба. – Да будет тебе известно, для муракока нет ничего страшнее путешествия между Мирами. Оно сулит таким как я только безумие, так что лучше вовсе не размышлять на эту тему. А ты давай, спрашивай, если не передумал. О себе я поговорить люблю, да что-то в последнее время мало охотников слушать. Люди быстро стареют, и им начинает казаться, будто в Мире не осталось ничего, заслуживающего внимания. Дурни.

– Еще какие! – согласился я.

Мы немного помолчали, отдавая должное рыбному супу. Подозреваю, его варили вовсе без применения Очевидной магии: искушенного повара в такой дешевый трактир на службу не заманишь. Мои избалованные коллеги, пожалуй, и попробовать сей шедевр пейзажной кухни не стали бы, да и Коба высокомерно поджимал губы после каждой ложки. А мне понравилось: уха – она и есть уха, с дымком и кореньями. Отличная штука.

– Я вот что хочу про тебя понять, – наконец сказал я. – Мне всегда казалось, что это, мягко говоря, не самая завидная судьба – быть нищим, пусть даже самым главным нищим в городе. И горожане наши думают точно так же – ну я же вижу, как они к тебе и твоим ребятам относятся. Что касается твоих подопечных, ты уж не обижайся, поделом. Тот еще народ, по большей части.

– Еще бы! – охотно согласился Коба.

– Ну вот, – вздохнул я. – А тебя-то как занесло в такую... Нет, не в компанию даже – в такую судьбу? Я же вижу, что ты за человек. В моей гостиной рядом с Его Величеством ты куда уместнее смотрелся, чем под мостом.

– Ну, положим, под мостом я никогда не стою, – пожал плечами Коба. – И людям своим не велю там стоять. Плохое место для того, кто хочет получить подавание. Но вопрос твой понятен. Ты – не первый, кто его задает. Твой начальник, Кеттариец, в свое время чего мне только не предлагал. От Королевской пенсии за особые заслуги до места в своей конторе... Что, удивил я тебя? А вот так-то, сэр Макс, могли бы мы с тобой коллегами быть!

И он от души расхохотался, радуясь моей растерянности.

– Ну приврал я, приврал, – отсмеявшись, признался Коба. – Но совсем немного. В Тайный Сыск он меня зазывал не на постоянную службу, а так, для особых поручений. Но тут уж пришлось мне его огорчить, хоть и сдружились мы в Смутные Времена. Нельзя мне судьбу менять, даже если

захотел бы. А я не хочу. По сердцу она мне и по силам. Моя судьба, как-никак. Не с чужого плеча.

Я только головой качал. Ну и дела!

– Нищие нужны для равновесия, – объяснил Коба. – Не для равновесия Мира, конечно, без нас он не рухнет. Но для равновесия городской жизни – еще как нужны. Всякому городу положена своя доля горя и нужды, вот мы за всех и расхлебываем. Если в один прекрасный день я прогоню своих красавцев из столицы и уйду на покой, никого вместо себя не оставив, наши беды будут поделены между остальными горожанами и все тут же разладится. Например, упадет курс короны, рухнет Гребень Ехо, разорится пара-тройка самых влиятельных семей, полиция сдуру прикроет Сумеречный рынок, а какой-нибудь купец из Ташера заразит полгорода рыбьей лихорадкой, от которой одно спасение – голову под водой во время приступа держать. И это будут только цветочки, уж поверь мне на слово.

– Верю.

Я был удивлен, почти шокирован. Никогда прежде не рассматривал ситуацию с этой точки зрения! Но ответ на свой вопрос я так и не получил, поэтому задал его снова:

– И все-таки, почему именно ты?

– Ну я же говорю, судьба такая, – пожал плечами Коба. – Можно подумать, ты не знаешь, что такое судьба и как она берет в оборот человека. С другой стороны я вполне доволен. Сам посуди, я богат, как Королевский казначей, а обедаю за твой счет. Чем плохо?

Я невольно улыбнулся. Тоже мне счастье, конечно. За мой счет пообедать – большого ума не надо. И между прочим, куча народу этим беззастенчиво пользуется.

– И потом, – флегматично добавил Коба, – неужели ты думаешь, что держать в узде моих подопечных – такая уж простая задача? Поверь мне, мало кому это по плечу. Спроси своего начальника, он в свое время многому у меня научился. Не магии, конечно, тут мне рядом с ним ловить нечего, как и всем остальным. А вот про людей он от меня кое-что новенькое узнал. Чего они хотят, что любят и чего боятся. И как повернуть это на пользу делу. Я уж не говорю о том, что нищенство – великое искусство, не хуже этой вашей магии. Думаешь, все просто – стой на улице, напустив на себя жалостный вид, жди подаяния? Нет, сэр Макс, так ты ничего не дождешься. Ну, пару медных горстей к вечеру получишь, если очень повезет. Но никак не больше. Чтобы быть удачливым в нашем деле, надо очень хорошо понимать людей. С каждым говорить на понятном ему языке взглядов и жестов. И ничего не хотеть от людей, кроме их денег. Да,

и самое главное – денег тоже не хотеть. Просить, вымогать, требовать, всеми силами добиваться, но не хотеть. Понимаешь, о чем я толкую?

– Коба, – прочувствованно сказал я, – больше всего на свете я сейчас хотел бы понять, о чем ты толчешь. Ты представить себе не можешь, насколько это для меня важно!

– Интересные дела, – старшина нищих поглядел на меня с искренним интересом. – А зачем тебе? Жалованье у тебя, насколько мне известно, неплохое. Одно из самых высоких в Соединенном Королевстве. Вполне можешь позволить себе не хотеть денег. Ты же небось и потратить их толком не успеваешь.

– Не в деньгах дело, – отмахнулся я. – Мне бы сам принцип уяснить: как можно хотеть и одновременно не хотеть? И получать это самое, которое хочешь. Вернее, не хочешь, но все равно получаешь, потому что оно тебе нужно. Ты же об этом толкуешь?

– Ага, – кивнул Коба. И задумался.

Думал он долго. Так долго, что я успел сжевать половину черствого сырного пирога, который был далеко не так хорош, как давешний суп. Пожалуй, следовало бы вернуть его на кухню и заказать что-нибудь другое, но мне было не до того.

– Нет, не смогу объяснить, – наконец сказал Коба. – Тут не говорить надо и не слушать, а делать, пока не получится.

Я разочарованно кивнул и уставился в тарелку.

– Но если тебе очень надо, могу показать, – неожиданно продолжил он. – Может, и поймешь, кто тебя знает?

– Показать? – изумился я. – В смысле? Ты будешь просить подаяние, а я – смотреть?

– Нет. Ты сам будешь просить подаяние и смотреть, что из этого выйдет. А я пригляжу, чтобы у тебя не было неприятностей. Как тебе такое предложение?

Предложение, что и говорить, было то еще. Сказать, что оно меня обескуражило, – не сказать ничего. С другой стороны, мне всегда нравилось решать свои проблемы экстравагантным способом. Одну осеннюю депрессию я, помнится, вылечил ни много ни мало спешным переездом в иной Мир и с тех пор окончательно уверовал в целительный эффект всех без исключения безумных затей. Хотя сейчас, задним числом, понимаю, что избирательность в таком деле не помешала бы. Как и во всяком другом.

– То есть ты научишь меня побираться? – все еще не веря своим ушам, переспросил я. – Слушай, а это мысль! Вдруг и правда пойму, как это

работает: нуждаться, но не хотеть. И тут же получать на блюдечке.

– Чего-чего, а блюдечек не обещаю, – сурово отрезал Коба. – А поучить – что ж не поучить хорошего человека полезному ремеслу? Тем более тебе, как я понимаю, не скуки ради, а для дела, так?

– Ох, Коба, – вздохнул я. – Еще как для дела! Для дела всей моей жизни практически.

– Я так и подумал, – равнодушно отвечал он. – Теперь так. Плата за обучение сто корон. Буду я возиться с учеником день или дюжину лет, значения не имеет. Мои люди отдадут деньги потом, из своих заработков, но тебе, как я понимаю, вполне по силам заплатить вперед.

Я кивнул.

– И долго я тебя учить не стану, тут уж без обид, – добавил Коба. – Потратить день-другой на человека, который не собирается вступать в мой цех, я могу а на большее не рассчитывать. К тому же все тонкости нашего ремесла тебе, как я понял, ни к чему. Только основной принцип усвоить.

Я с жаром закивал. В глубине души я надеялся что хватит и пары часов. До сих пор я с рекордной скоростью осваивал самые мудреные колдовские фокусы; Джуффин не раз говорил, что я учусь всему слишком быстро и это, дескать, его тревожит. Разумеется, мне было приятно думать, что так будет всегда и во всем.

– Тогда приходи ко мне домой нынче ночью, – решил Коба. – До полуночи я занят, а потом – добро пожаловать. Найдешь мой дом?

– Думаю, да. Мне Кофа однажды его показывал. Если пойму, что заблудился в Портовом Квартале, пошлю тебе зов.

– Хорошо. Значит, после полуночи. И деньги не забудь. Ровно сто корон, больше ни единой горсти с собой не бери, это важно, – напутствовал он меня, поднимаясь из-за стола и аккуратно расправляя складки своих лохмотьев.

Про себя я решил, что, даже если из обучения ничего не получится, сто корон – не такая уж высокая плата за возможность попасть в жилище таинственного старшины нищих. Слухи о Кобином доме ходили самые странные, при этом из счастливиц, самолично побывавших у него в гостях, я был знаком только с Джуффином, а шеф не любитель разглашать подробности частной жизни своих приятелей.

Да и давно дело было, в Смутные Времена. Коба с тех пор двести раз мог сменить жилье.

Напоследок Коба навис надо мной, дохнул не перегаром и табаком, как я ожидал, даже не давешним рыбным супом, а тяжким, густым медовым ароматом, словно только что из улья вылез, и шепнул в самое ухо, так тихо,

что я едва разобрал:

– Я правильно понимаю, что ты хотел бы сохранить свое обучение в секрете?

Я молча кивнул. Секретность нашего предприятия казалась мне делом настолько естественным, что я даже не позаботился оговорить это условие заранее. Но Коба сам обо всем подумал.

– Тогда услуга за услугу, – так же тихо сказал он. – Ты тоже никому ни звука. Кеттариец небось сам догадается рано или поздно, ну и вурдалаки с ним, он, хвала Магистрам, молчать умеет. И ты помалкивай. Я все-таки цеховой устав ради тебя нарушить собираюсь. Мне, конечно, слова никто поперек не скажет, но за спиной шептаться будут. А я этого не люблю. Ясно?

– Ну да, – тоже шепотом ответил я. – А как иначе?

– С тобой, как я погляжу, легко договориться, – похвалил меня Коба.

– С тобой, вроде, тоже, – усмехнулся я.

Он серьезно кивнул и отвесил мне неглубокий поклон:

– Спасибо за еду, добрый человек.

На том и расстались.

Просьба Кобы держать язык за зубами доставила мне только одно неудобство. Я не смог выполнить давешнюю просьбу сэра Шурфа Лонли-Локли, который настойчиво рекомендовал мне советоваться с ним в тех случаях, когда мне кажется, будто я понимаю, что происходит, и твердо знаю, как следует поступить. Ситуация была как раз подходящая, но обманывать Кобу мне не хотелось.

Поэтому я не стал беспокоить Шурфа Безмолвной речью, а ссыпал в протянутые ладони трактирщика пригоршню мелких монеток и отправился домой. Огненный лик Хаббы Хэна несколько раз мерещился мне по дороге, но я уже окончательно перестал себе доверять, а потому разочарование мое было не столь острым, как в прежние дни. «Ничего-ничего, – думал я, – вот выучусь всему нынче ночью, и этот грешный Магистр у меня в кармане. Никуда не денется».

Меламори, конечно, сразу поняла, что я затеваю некое несказанное безобразие. Но с ней было просто договориться. Я честно признался, что небольшой секрет действительно имеет место, но не мой, а чужой, и Меламори тут же прекратила меня тормозить. Когда за час до полуночи я принялся понемногу собираться, она ограничилась ехидным вопросом:

«Будешь ловить своего Хаббу Хэна как ночную рыбу, с факелом?» – а потом с удовольствием созерцала мое неподдельное смущение.

Смутился я еще примерно полчаса, заодно оделся и пересчитал

деньги, а потом все-таки вышел из дома, сел в амобилер и поехал в направлении Речного Порта. Бросил свой горемычный транспорт неподалеку от Портового Квартала, дальше пошел пешком, в надежде, что зрительная память и чувство направления меня не подведут. Они и не подвели, по крайней мере, блуждал я куда меньше, чем опасался. Сделав всего один лишний круг, обнаружил знакомую свалку негодных рыбацких лодок и водных амобилеров, обошел ее слева и нырнул в неприметный переулок, в конце которого ютилась лачуга Кобы, одно из самых крошечных и ветхих строений даже по меркам здешних трущоб. Входная дверь болталась на одной петле, а плоская крыша щерилась наспех приколоченными гнилыми досками, щели между которыми не оставляли стороннему наблюдателю иллюзий, будто это жилище способно уберечь своего хозяина от дождя.

Я нерешительно затормозил на пороге и на всякий случай послал зов Кобе.

«Я пришел. Можно заходить?»

«Ну попробуй, – отозвался тот. – А вдруг сумеешь?»

Я не понял, что тут можно не суметь, но решил, что это просто особенности речи моего будущего наставника. Любимое выражение, шутка, понятная только ему, – ну мало ли? А потому, не раздумывая, отодвинул в сторону дверь и вошел в дом.

Внутри оказалось темно и абсолютно пусто. Ни мебели, ни даже какого-нибудь хлама. Только голые стены и земляной пол. Самого Кобы тут тоже не было, и я начал подозревать, что стал жертвой розыгрыша. Или, чего доброго, все-таки перепутал его хибару с похожей развалюхой. А что ж, свернул не в тот переулок, всякое бывает. Теперь придется снова слать ему зов, объясняться, расспрашивать. Терпеть этого не могу, честно говоря... А что делать?

Я уже развернулся, чтобы выйти на улицу, когда заметил, что темнота в одном из углов помещения, рядом с покосившейся входной дверью, качественно отличается от темноты в остальных углах. То есть везде было просто темно, как и положено ночью в пустом, неосвещенном доме. Для зорких угуландских глаз это не проблема: все, что требуется, запросто можно разглядеть. А вот в том грешном углу оказалось не просто темно, а черным-черно. Темнота была не обычным отсутствием света, а вполне самостоятельным явлением, чуть ли не материальным предметом. Казалось, ее можно потрогать.

Я и потрогал, не удержался. Подошел поближе и сунул руку в чернильную кляксу тьмы. Интересно же!

Возможно, когда-нибудь любопытство меня погубит. Но до сих пор оно, честно говоря, не приносило мне ничего, кроме пользы. Вот и тогда в хижине Кобы все сложилось как нельзя лучше. Провалившись во тьму, которая оказалась теплой и щекотной, как дыхание спящего, моя рука наткнулась на дверную ручку и, недолго думая, принялась ее крутить.

Случайная, в общем, затея увенчалась успехом. Ручка вдруг поддалась, невидимая дверь распахнулась, и я зажмурился от яркого света оранжевых грибных светильников.

– Ты давай, проходи, – сказал откуда-то издалека Коба. – Нечего на пороге стоять. Свет с улицы вполне могут увидеть, а сплетни мне ни к чему.

Я сделал несколько шагов вперед, наобум. Дверь, хвала Магистрам, захлопнулась сама собой, у меня бы, пожалуй, не хватило ума об этом позаботиться. Кое-как привыкнув к освещению, я обалдел окончательно. То есть сам факт наличия в этой лачуге некоей тайной комнаты меня не удивил, я даже отругал себя, что не догадался о ней с самого начала. Ясно же, что Коба не так прост, чтобы выставить свое жилище на всеобщее обозрение. Если бы моему взору открылась уютная спальня, кровать под драгоценным балдахином и дюжина сундуков с добром, я бы и бровью не повел. Чего я не чаял, так это оказаться в огромном, роскошно обставленном холле, в дальнем конце которого виднелась лестница, ведущая на второй этаж. Пол прихожей был выложен новеньким паркетом явно заморской работы, а стены обиты расписными тканями. Ноги мои утопали в длинном шелковистом ворсе кеттарийского ковра, небрежно брошенного у порога. Хозяин дома встречал меня на полпути между дверью и лестницей, и расстояние между нами было никак не меньше дюжины метров.

– Хороший вечер, сэр Макс, – сказал он, ослепительно улыбаясь. – Ну, как тебе моя хижина?

– Да, ничего себе домишко, – восхищенно вздохнул я. – А этажей сколько? Два?

– Ну что ты. Три. Я люблю простор. Но на третий этаж я тебя не пущу, там моя спальня. А гостиная для деловых разговоров как раз на втором. Пошли.

Я кивнул и отправился за ним наверх. По дороге я успел заметить, что и на первом этаже комнат и коридоров более чем достаточно. Апартаменты Кобы вполне могли претендовать на звание дворца. Небольшого такого пригородного дворца, отлично приспособленного для повседневных нужд скромного, но не обделенного вкусом монарха, вроде нашего Гурига.

Гостиная Кобы была отделана столь изысканно и роскошно, что мне на миг показалось, будто я вернулся в зачарованный город Черхавлу^[17], который не то чтобы построен, но, скажем так, мерещится некоторым избранным путникам в самом сердце Великой Красной Пустыни Хмиро. Тамошние интерьеры, помнится, поразили меня сочетанием роскоши и почти аскетической сдержанности – никаких громоздких украшений, никаких ярких цветовых пятен, вообще ни единой лишней детали. Я начал подумывать, что жилище предводителя попрошаек – такое же наваждение, как Черхавла, если не вовсе дипломатическое представительство уандукского города-призрака в столице Соединенного Королевства. А что ж, от Кобы, похоже, всего можно ожидать.

Но я старался сохранять полнейшую невозмутимость, не так во имя собственной репутации, сколько ради своих коллег. Чтобы не шептались потом портовые нищие, будто Тайного сыщика из колеи выбить – пара пустяков.

– Деньги давай, – флегматично напомнил Коба, указывая на одно из кресел. – И садись пока. Можешь курить, если хочешь, а угощать тебя не буду. Нельзя мне быть гостеприимным хозяином. Это против правил.

Забрал мои короны, тщательно пересчитал, небрежно сдвинул груды монет на край белой каменной столешницы. Задумчиво оглядел меня с ног до головы.

– Лицо у тебя неприметное, – наконец сказал он. – Ничего так маскировка. Смотреть приятно, а запомнить трудно. Я сам в трактире тебя сегодня долго разглядывал, прежде чем узнал. Да и то не был уверен, пока ты не заговорил с хозяином. Говор у тебя интересный, я такого нигде больше не слышал. Но пока ты молчишь, узнать тебя непросто. Это магия?

– Что-то вроде. Но не моя. По крайней мере, от меня тут ничего не зависит. Прежде так не было, а потом вдруг стало. Старые друзья меня, конечно, сразу узнают, а остальным действительно бывает нелегко. Сам не понимаю, как это работает.

Объяснять, что мое лицо стало зыбким, неопределенным, ускользающим из чужой памяти после нескольких чрезвычайно поучительных путешествий между Мирами, сейчас было некогда и не с руки^[18]. Да и зачем ему?

Коба действительно совершенно не заинтересовался подробностями.

– Это очень хорошо, – сказал он. – Можно было бы вообще не маскироваться, да возраст у тебя неподходящий. Слишком ты молод для нищего. И пожалуй, мальчишку из тебя сделать будет проще, чем старика.

А что ж, оно и неплохо. Детишек среди моих людей давненько не было, не те сейчас времена, чтобы сирота не знал, куда деться... Ты нынче вечером брился?

– Ага.

– Вот и я смотрю, подбородок гладкий. Это хорошо, не придется тебе свою бритву одалживать.

Коба встал, ушел куда-то в другой конец гостиной, где возвышался буфет, похожий на небольшую, но боеспособную крепость. Погремел ключами и склянками, вернулся, на ходу извлекая пробку из бутылки желтого стекла. Налил бесцветную жидкость в стакан – немного, примерно на два пальца. Протянул мне.

– Пей, – повелительно сказал он. – Радости в том мало, на вкус – страшная дрянь. Но не вздумай подавиться, это зелье из моих старых запасов, теперь таких не варят. И вторую порцию я на тебя переводить не стану. Выплюнешь – плакали твои денежки.

Коба скорчил уморительную гримасу и вдруг заговорщически мне подмигнул, словно бы давал понять, что все происходящее – не всерьез. Играем мы так. А что я правил пока не понимаю, так это обычное дело, по ходу как-нибудь сориентируюсь.

Я принял стакан, с отвращением принялся к его содержимому, которое пахло серой и грушами, этакий адский «Дюшес», зажал нос и без лишних расспросов проглотил – быстро, чтобы как можно скорей покончить с неприятной процедурой.

На самом деле все оказалось не так уж и страшно – с точки зрения человека, которого однажды в детстве попытались напоить рыбьим жиром. Ну горько, ну солоно, ну приторно-сладко и при этом привкус тухлого яйца в горле остается – подумаешь, тоже мне несчастье.

Употребив пакость, я подумал, что будь на месте Кобы Джуффин, я бы извел шефа бесчисленными вопросами: а что это? а зачем? а как оно действует? а точно без этого нельзя обойтись? и что теперь со мной будет? и когда оно закончится? А у чужого, малознакомого человека принял из рук отраву, проглотил безропотно, ни единого слова не сказав. Хотя, казалось бы, кому должно быть больше веры? То-то же. Удивительно все-таки устроен человек!

Но теперь, когда уже было поздно что-либо менять, я все-таки спросил с подчеркнутой небрежностью:

– А что это за пойло такое?

– Увидишь, – ухмыльнулся Коба. – Вот обнаружишь скоро, что одежда стала тебе великовата, и сам все поймешь.

У всякого человека есть свой предел возможностей. Моя деланная невозмутимость не пережила такого удара под дых.

– Я что же, гномом стану? – взвыл я, тараща глаза от невыразимого ужаса.

Список эпитетов, которыми я в тот миг наградил про себя предводителя нищих и собственную доверчивость, мог бы стать неплохим материалом для энциклопедии отборной брани, истинно вам говорю.

– Никаким не гномом, – спокойно ответил Коба. – Не выдумывай. Просто для мальчишки ты сейчас крупноват, согласишься, и это надо как-то исправить... Да не гляди ты так на меня, сэр Макс! Где ты видел микстуру, которая действует дольше чем несколько дней? А моя – хорошо если сутки будет держать тебя в нужной форме. Но боюсь, завтра на закате тебе уже понадобится новая порция – если захочешь продолжить обучение, конечно. И если я не стану возражать.

– А-а-а, – с облегчением вздохнул я. – Сутки – это ладно, переживу.

– Все-таки ты еще очень молодой, – ухмыльнулся Коба. – Так изводишься по пустякам... Какая разница, какого ты роста, – по большому-то счету?

– В моей жизни пока довольно много мелких счетов, – огрызнулся я.

– То-то и оно.

Мы помолчали. Коба, кажется, искренне наслаждался ситуацией, а я с трепетом прислушивался к своим ощущениям. Ощущений, честно говоря, не было вовсе. Ну, то есть ничего необычного. Так что через пять минут мне стало скучно.

– Что-то я не уменьшаюсь. Не действует на меня твое зелье, – проворчал я.

– А ты встань, – посоветовал Коба.

Я встал и обалдел: полы моего лоохи подметали ковер, скаба болталась на мне как на вешалке.

– Садись пока, – велел мой опекун. – Еще не все. Я скажу, когда процесс закончится. И принесу тебе другую одежду.

Я послушно опустился в кресло. Некоторое время с интересом разглядывал собственные руки: неужели и они уменьшились? Вроде не похоже, но...

– Да не дергайся ты, – ухмыльнулся Коба. – Я же не в младенца тебя превращаю. Станешь мальчишкой-подростком, головы на две ниже, чем сейчас. И еще более тощим – ну, к этому тебе не привыкать. Все будет путем. Когда я тебя обманывал?

Я был вынужден признать, что никогда. Правда, виделись мы до

сегодняшнего дня, мягко говоря, нечасто. Раз десять, если считать случайные встречи на улице. И дел общих не имели. Так что у Кобы просто не было технической возможности меня обмануть. Но этот факт я решил не обсуждать вслух. Все равно теперь уже ничего не изменишь, раньше надо было думать. Или не надо? А что ж, действительно, пусть все идет как идет. Терять мне, если разобраться, нечего.

На этом этапе размышлений я наконец-то успокоился. Лучше поздно, чем никогда, конечно.

– Ты лучше пока сочини, что проходим рассказывать будешь, – предложил Коба. – А я послушаю.

– Я думал, ты мне подскажешь, – растерялся я.

– Подскажу, конечно, если понадобится. Но сперва все-таки послушаю. Интересно, как ты будешь выкручиваться.

– Ладно.

Я постарался собрать в кучу скудные сведения о Мире, где поселился всего несколько лет назад. Конечно, восьмитомная Энциклопедия Мира – моя настольная книга, но это вовсе не значит, что я успел ее изучить. Некоторые занятые люди довольно редко добираются до собственных столов, да и то лишь для того, чтобы сладко заснуть, уткнувшись усталой мордой в пустую тарелку. И я из их числа.

Но все-таки болтовня – мое сильное место. Я скверный выдумщик, зато хороший рассказчик. Стоит открыть рот, а история сама как-нибудь расскажется. Мне и сочинять особо не придется. Всегда так было.

– Что ж, – начал я. – Ясно, что я – сирота. И родом не из этих мест. Я имею в виду, вообще не с Хонхоны. Тут у нас, насколько мне известно, о детях кто-нибудь да заботится. Где-то правительство, где-то община, но пропасть не дадут. А если так, значит, я с Уандука. Из Куманского Халифата. Или даже нет, из Шиншийского. О нем вообще никто ничего не знает, не придерешься.

– Ну и как тебя занесло в Ехо? – строго спросил Коба. – У Шиншийского Халифата даже выхода к морю нет.

– Ну так ясное дело, меня похитили тамошние работорговцы, – нашелся я. – Их на Уандуке полным-полно, верно? Собирались продать в Куманский Халифат, там же официально разрешено иметь рабов-чужеземцев, хотя они, по-моему, и своими согражданами приторговывают за милую душу, поди потом кому-нибудь докажи... Но я сбежал. Как-то перехитрил работорговцев, например усыпил их семейным заклинанием, которому меня дед перед смертью успел научить, и дал деру. Там как раз есть невольничий рынок недалеко от Капутты, два дня пешего пути,

насколько я помню. Ясное дело, я туда пробрался, пошел в порт, спрятался в трюме какого-то купеческого корабля, предварительно выяснив, что он идет в Ехо. Очень уж мне хотелось переехать туда, где людьми не торгуют, ну я и решил, что Соединенное Королевство – самое что ни на есть подходящее для меня место... Ты что так на меня смотришь, Коба? Плохая история? Что-то не так?

– Да нет, история-то хорошая. Просто отличная история, сэр Макс. Но мне сейчас вот что интересно: ты от кого обо мне узнал? В вашем Большом Архиве информации про мое детство нет, я сам Кеттарийца попросил махнуть на меня рукой, забыть, не вносить в архивы, и он твердо обещал. Выходит, обманул? Или кто-то другой?..

Я совсем ошалел.

– Коба, клянусь, я только что выдумал эту историю от начала до конца! Нигде никогда не слышал ничего похожего, в том числе в нашем Большом Архиве. Я понятия не имел, что ты с Уандука. Думал, ты здешний. Впрочем, я о тебе вообще ничего не знаю. Пару раз расспрашивал Джуффина, но он отмалчивался. Так что имей в виду, он свое слово держит.

– Ясно, – спокойно кивнул Коба. – Что ж, думаю, ты говоришь правду. Про дедово заклинание я вообще никогда никому не рассказывал, такие козыри лучше прятать в рукаве, пока для дела не понадобятся. Выходит, ты меня прочитал, сэр Макс. В здешних местах мало кто это умеет, а у нас на Уандуке обычное дело – людей как книги читать. Так это и бывает: смотришь на человека и рассказываешь первое, что в голову придет, а потом выясняется, что говорил о его жизни. Поэтому когда мы травим байки просто так, для развлечения, принято, чтобы рассказчик сидел спиной к слушателям или хотя бы под ноги себе глядел, так чужие тайны не выболтаешь... Тебя куманский Халиф научил людей читать? Я слышал, ты к нему ездил и вы ладили.

– Было дело, ездил. И, можно сказать, ладили. Но ничему он меня не учил. Я правда нечаянно, Коба. Обычное дело: я вечно всякие дурацкие чудеса сдуру творю, особенно в последнее время. Не сердись. Я никому не расскажу про твою жизнь.

– Это будет величайшая услуга, какую только один человек может оказать другому, – серьезно сказал Коба. – Конечно, история моего детства – не ахти какая страшная тайна. Я имею в виду, она не опасна для моей репутации и моих дел, даже наоборот. Просто чем больше людей знает о тебе правду, тем труднее жить. Судьба быстро изнашивается, особенно если все эти люди крутятся где-то рядом и время от времени тебя видят. Если окажешься вовремя на другом конце Мира, еще ладно, а вот если

останешься в городе, где о тебе все знают правду, – вообще беда, хоть убивай всех подряд, чтобы самому выжить. А что ж, нет людей – нет проблем... Сейчас ты меня не понимаешь, но когда-нибудь вспомнишь наш разговор и поймешь. И кстати, гляди, чтобы не было поздно. А то будешь потом бегать сам от себя, в чужие судьбы кутаться, по чужим жизням прятаться... Ладно, на эту тему мы с тобой лет через сто поговорим. Пока – бессмысленно.

Я озадаченно покачал головой. Рассуждения Кобы действительно казались мне невнятным романтическим бредом, но к тому времени я уже успел твердо усвоить, что моя неспособность понять собеседника обычно свидетельствует всего лишь о моей собственной интеллектуальной немочи, а вовсе не о плачевном состоянии его ума и душевного здоровья.

– А что я теперь знаю – это ничего? – на всякий случай уточнил я. – От этого судьба не изнашивается? А то я могу попробовать забыть. Есть же, наверное, какие-нибудь специальные зелья?

– Да нет, знай себе на здоровье, – отмахнулся Коба. – Ничего мне не сделается. Плохо, когда счет на сотни идет, а так-то все в порядке.

– Мне очень понравилась твоя история, – помолчав, сказал я. – Но для себя-то мне, наверное, надо выдумать другую биографию?

– Просто поменяй Шиншийский Халифат на Куманский. А вместо работорговцев пусть будут людоеды Энго, – решил Коба. – Ваша семья жила на границе с Великой Красной Пустыней, и дикари напали на ваш дом, так действительно иногда бывает. Родители погибли, ты сбежал. Так перепугался, что решил уехать с Уандука, тем более что никакой родни у тебя там не осталось и ничего хорошего не светило. Это будет славная история, жалостливая и правдоподобная. Все же не в Смутные Времена живем, не так уж много сейчас шансов у мальчишки загреметь в нищие, и этот – один из них.

– Ладно, – кивнул я, – как скажешь. Энго так Энго.

– Вот и договорились.

Коба встал, вышел из гостиной и через несколько минут вернулся с охапкой пестрого тряпья.

– Куманские штаны, ташерская куртка без рукавов, лоохи с капюшоном, как шимарские горцы носят, – сказал он. – Хорошее сочетание, только так ты и можешь быть одет – в чужие обноски. Что будет велико, обрезай, не стесняйся. Чем хуже, тем лучше.

К тому времени я уже практически утонул в собственной одежде. Даже раздеваться не пришлось – выскользнул из нее, как змея из старой кожи, и тут же нырнул в тонкие, почти прозрачные штаны из дорогой куманской

ткани; многочисленные грязные пятна не оставляли шансов установить их первоначальный цвет. Обрезать ничего не понадобилось, прежним обладателем этой одежды был, надо думать, коротышка. Зато очень толстый. С уладаса^[19] небось за всю жизнь ни разу не слез. Я кое-как закрепил всю эту роскошь, обмотав талию обрывком веревки; в результате штаны сидели на мне как японские брюки хакама, вернее, как две очень широкие пышные юбки, по одной на каждую ногу. То еще зрелище.

Ташерская куртка тоже болталась на мне как колокол, но это было не слишком заметно, поскольку сверху я напялил пресловутое шимарское лоохи. Оно оказалось более-менее чистым, зато таким рваным, словно его хозяин состоял в очень близких отношениях с дюжиной разъяренных кошек. Так что я без угрызений совести откромсал подол своим «табельным оружием» – изрядно притупившимся без дела кинжалом. Этой одежде уже ничто не могло повредить.

– Отлично, – сказал Коба. – Лучше не бывает, сэр Макс! Сам бы тебя сейчас усыновил, так жалко смотреть. Только разуйся. Не может быть у сироты таких хороших сапог. Ничего, не зима, побегаешь босиком.

– Ладно, побегаю, – согласился я. – А зеркало у тебя есть? Интересно же!

– Пошли на улицу. По дороге, внизу, и полюбуешься, в холле висят зеркала.

– А мы что, прямо сейчас пойдем просить милостыню? – изумился я. – Ночь все-таки.

– И что с того? Ночью подают куда лучше, чем днем. Люди в трактирах сидят, догуливают, настроение у них хорошее, с деньгами расстаются легко, благо и монеты, и перчатки почти у всех при себе: после полуночи редкий трактирщик согласится принимать расписки... Вот с утра и примерно до полудня действительно нечего ловить. Беспечные люди дрыхнут без задних ног, а от служак и домохозяек, бегающих по лавкам, ничего не дождешься. В это время мы и спим.

– Гляди-ка, какие тонкости, я и не знал, – проворчал я и уставился в зеркало, мимо которого мы проходили.

Едва на ногах устоял, честно говоря. Из зеркала на меня пялился лохматый мальчишка-оборванец. Если не обращать внимания на экзотическое тряпье, точная копия меня самого, только двенадцатилетнего.

– Слушай, Коба, с лицом-то мы, вроде, ничего не делали? – неуверенно спросил я. – А оно теперь тоже детское.

– Оно у тебя всегда такое, – пожал плечами Коба. – Мальчишка ты и есть, кто же еще? Просто при твоём росте и сложении это не очень

заметно. Особенно когда в Мантию Смерти закутаешься. И еще выражение лица много значит. Взрослый человек самоуверен. Ну, думает, будто понимает, где он находится и что с ним происходит. А у тебя сейчас рожа растерянная и перепуганная. Но и довольная вполне, тебе же интересно, как все обернется, верно?

– Верно, – улыбнулся я. – И босиком я уже целую вечность не ходил. А по городским улицам и вовсе никогда.

– Ну вот и этим заодно развлечешься, – ухмыльнулся Коба, подталкивая меня к выходу. – Давай, не тормози. Идти нам далеко, аж в Новый Город, а на амобилерах нищие не ездят.

– А Темным Путем? – оживился я.

– Темным Путем я не ходок, – помрачнел Коба. – Не люблю я эти ваши штучки. Так что если уж связался со мной, будь любезен, иди ногами. Договорились?

– Как скажешь, – я пожал плечами. – Удивительный ты человек, Коба. Как трехэтажный дворец в лачуге спрятать – так пожалуйста. А простые вещи...

– Ну и что? У каждого есть свои сильные и слабые стороны, – отмахнулся мой опекун. – Я не исключение. И ты тоже. Скажешь, нет?

Крыть было нечем.

Мне понадобилась всего пара минут, чтобы выяснить: я не создан для ходьбы босиком. То есть по шелковистому кеттарийскому ковру или, скажем, по мягкому речному песку – с удовольствием. А по булыжным мостовым Портового Квартала – увольте.

Но увольнять меня, увы, никто не спешил. Коба знай себе шел вперед легким, размеренным шагом. Единственное, что я мог сделать, – постараться не слишком отставать. Обидно было бы провалить всю затею в самом начале по столь пустяковой причине. Тем более в таком виде мне, пожалуй, домой лучше не возвращаться, а значит, сутки надо как-то продержаться.

– Что, трудно босиком?

Коба наконец понял, в чем состоит моя проблема. Но вернуться в дом и обуться не предложил, а лишь снисходительно пообещал:

– Ладно, пойду помедленнее, пока ты не привыкнешь.

– Пока дойдем, я ноги о камни разобью в кашу, – проворчал я.

– Конечно разобьешь – с непривычки-то. Ничего, зато вид у тебя будет совсем жалкий. Охотнее подавать будут.

– Коба, – напомнил я, – у меня нет задачи собрать побольше подаяния.

Я хотел только понять, как это бывает – хотеть денег и одновременно не хотеть...

– У тебя свои интересы, а у меня свои, – ухмыльнулся он. – Учителю достается две трети добычи ученика. Чем больше тебе подадут, тем лучше.

Поспоришь с таким, как же. Я начал всерьез беспокоиться о Кобе. Сейчас-то я как-нибудь потерплю, но где гарантии, что завтра-послезавтра мне не приснится, как я гоняю своего мучителя по раскаленным углям? Одна надежда, что принадлежность к загадочным муракокам спасет его от моего гнева.

Впрочем, четверть часа спустя я думал о грядущем возмездии не с печалью, а с наслаждением.

К счастью, моя изнеженность и неприспособленность к суровым условиям существования с лихвой компенсируются гордыней и упрямством. Чрезвычайно удачное сочетание пороков. Так было всегда, сколько себя помню, поэтому я обычно пользуюсь репутацией очень выносливого человека. И только самые близкие люди, рядом с которыми я могу позволить себе роскошь не быть гордецом, знают мне цену, бедняги.

Вот и тут я стиснул зубы и поклялся, что дойду до места не пискнув. Не дам Кобе лишний повод надо мной потешаться. И без того я его сегодня уже порадовал по самое не могу. Хватит.

Поэтому (и только поэтому) я как-то доковылял до трактира «Жирный индюк». По иронии судьбы именно отсюда мне носили завтраки в ту пору, когда я жил в Новом Городе. Коба объявил, что это место уже три дня как свободно, поскольку мой предшественник, Пестрый Кламс, умер не то от старости, не то от пьянства. Он выдал мне медальон, похожий на потертую иноземную монетку, велел показывать его всякому, кто поинтересуется, с какой стати я тут отираюсь, пожелал удачи и исчез в ближайшем переулке прежде, чем я успел перевести дух и потребовать инструкций. Пришлось посылать ему зов.

«Коба, а что делать-то?» – спросил я.

«Как – что? Деньги кланчить. Ты же сам хотел поглядеть, что из этого выйдет, вот и гляди. Ни к чему тебе мои советы. Сам разберешься. Зайду за тобой незадолго до рассвета».

Пришлось положиться на вдохновение. Как всегда.

Несколько минут я довольно бестолково топтался у порога трактира, потом сообразил, что наконец-то можно дать отдых разбитым ногам, и уселся на тротуар, под фонарем, оранжевый свет которого, по идее, должен был выгодно оттенять мою страдальческую мину. Поерзав и кое-как

устроившись, я принялся ждать свою первую жертву. Теперь, когда боль в ногах немного утихла, мне снова стало интересно, к чему приведет эта затея. Я практически подпрыгивал от нетерпения, но вокруг никого не было, а соваться в трактир я не стал. Рассудил, что если меня отсюда выкинут, дни «Жирного индюка» будут сочтены. Жалко, хороший, в сущности, трактир. По крайней мере, повар здесь всегда был отменный.

Наконец дверь распахнулась, и на крыльцо высыпала шумная компания подгулявших горожанок. Полдюжины женщин разного возраста, все очень нарядные и, кажется, милые – насколько можно судить по первому впечатлению. Я понял, что это шанс. Дебют мой должен был состояться теперь или вовсе никогда.

– Тетеньки, – жалобно пискнул я, – дайте ма-а-ахонькую монетку бедному голодному сироте!

Что тут началось, никакими словами не описать. Я явно недооценил убойную силу своего сиротского обаяния. Меня окружили плотным кольцом, ахали, сочувствовали, теребили, расспрашивали. Объясняли, что голодать в столице Соединенного Королевства не обязательно: кто угодно имеет право пообедать в любом трактире за счет Его Величества Гурига Восьмого. Я вполне искренне краснел и оправдывался: дескать, в таком виде меня никуда не пускают. Пару раз по шее надавали, так я теперь и не суюсь... Дамы на чем свет стоит крыли бессердечных сограждан и, соответственно, жалели меня. Я шмыгал носом и, путаясь в деталях, рассказывал им страшную историю про людоедов Энго, не оставивших от моих дорогих родителей даже берцовой кости на память.

Как только речь зашла о людоедах, леди понимающе переглянулись, и одна из них рванула обратно, в трактир. Вскоре она вернулась с целым подносом горячих пирожков. Поднос был принесен мне в жертву. Я не возражал, поскольку обедал очень давно, поужинать дома так и не собрался, а потом, У Кобы, и вовсе не до того было. Ну и повар в «Жирном индюке», как я уже говорил, отменный, это тоже немаловажно.

Дамы, затаив дыхание, наблюдали, как я лопаю. Мой, прямо скажем, недетский аппетит окончательно их растрогал. На поднос с пирожками дождем пролились монеты, а на меня – мудрые советы. Мне предлагали столько вариантов устроить свою судьбу, что я даже растерялся от обилия возможностей. От приюта для одаренных сирот при Королевской Высокой Школе (с чего, интересно, они взяли, будто я одаренный?) до специального списка горожан, изъявивших желание кого-нибудь усыновить. Таких добрых людей в Ехо, оказывается, гораздо больше, чем сирот, поэтому беднягам приходится ждать своего счастья годами; причем детям дают

возможность погостить в нескольких семьях, возглавляющих список очередников, и самим выбрать новых родителей. Одна копия списка, как выяснилось, хранится в Доме у Моста, у специального сотрудника Городской полиции – вот это новость! Все-таки я действительно живу как во сне и не вижу дальше собственного носа.

Понукаемый ехидством, я клятвенно обещал заботливым леди завтра же непременно отправиться не куда-нибудь, а именно в Дом у Моста, и они наконец разошлись по домам, полагая мою судьбу практически устроенной, а свою благородную миссию – исполненной. В сущности, так оно и было.

Дождавшись, пока мои благодетельницы разойдутся, я пересчитал монеты и рассовал их по карманам. Щедрость добрых горожанок превосходила мои представления о возможном: в сумме они накидали мне почти три с половиной короны. Вполне достаточно для безбедной жизни в течение дюжины дней, включая съем пристойных апартаментов в Старом Городе: все-таки корона Соединенного Королевства – очень крупная монета.

Я поздравил себя с дебютом, доел последний пирожок, спрятал поднос в ближайшие кусты, набрал в легкие побольше воздуха и с утроенным энтузиазмом взвыл: «Дайте монетку бедному сироте!» – благо из «Жирного индюка» выходила очередная теплая компания. Охотничий азарт не позволял мне расслабляться и упускать добычу.

К утру мои карманы были набиты монетами под завязку, а я успел не единожды сбиться со счета. Сколько я заработал? Ясно, что никак не меньше дюжины корон. Но вот насколько больше? Я поленился пересчитывать деньги, решил, что Коба как-нибудь сам справится. Бухгалтерия никогда не была моим сильным местом.

Кроме того, я, во-первых, объелся так, что шевелиться не хотелось, во-вторых, разжился старым, но абсолютно целым лоохи с чужого плеча, а в-третьих – и это главное! – один добрый человек не поленился зайти домой, благо его дверь соседствовала со входом в трактир, и принести мне свои старые сапоги. Страшные, как подвалы Иафаха, зато разношенные и очень мягкие, именно то, что требовалось моим разбитым ногам. Можно было больше не содрогаться, вспоминая, что придется пешком возвращаться в Портовый Квартал. Вот это действительно удача!

Одна пьяненькая старушка сгоряча захотела немедленно меня усыновить. Пятеро ее собственных взрослых детей, только что отметивших в «Жирном индюке» какой-то семейный праздник, открыто не возражали, но косились на меня с заметным опасением. Пришлось спешно придумывать, будто старшина нищих связал меня какой-то страшной

клятвой, так что теперь я от него никуда не денусь. Старушка расплакалась от жалости, а ее дети вздохнули с явным облегчением. На радостях эта семейка отдала мне все, что оставалось у них в карманах. Думаю, до сих пор вспоминают ту ночь, радуются, что дешево отделались...

Наконец ночное небо начало понемногу сереть, двери «Жирного индюка» заперли на замок, а улицы окончательно опустели. Я закутался в дареное лоохи, прислонился к фонарному столбу и задремал. Во сне я, как и предвидел с самого начала, скрежеща зубами, гонялся за Кобой – к счастью, безуспешно. Старшина нищих все время как-то умудрялся от меня улизнуть.

Впрочем, он нашел куда более действенный выход из положения. Пришел наяву и бесцеремонно прервал мой младенческий сон. Грубо потряс за плечо и сказал: «Давай-ка поднимайся».

Делать нечего, пришлось просыпаться.

– Устал? Ничего, у меня тут совсем рядом есть одна секретная нора, – утешил меня Коба. – Там и поспишь, незачем тебе через весь город босиком тащиться... Ага, да ты уже обут! И одет к тому же. Молодец, сэр Макс. Шустрый какой!

– Кроме того, я сыт и богат, – буркнул я. – И практически усыновлен, еле отбрыкался от такой удачи. Но устал зверски, действительно. Нет в жизни счастья, вечно что-нибудь да не так.

«Нора» оказалась всего в нескольких минутах ходьбы от трактира, тут Коба не соврал. Это была довольно просторная комната, расположенная в подвале какого-то нежилого помещения – не то склада, не то мастерской, я так и не понял. Чтобы туда попасть, нам с Кобой пришлось долго спускаться по узкой скрипучей лестнице с веревочными перилами.

Внутри, Впрочем, было сухо и тепло, а на полу лежали ветхие, но мягкие ковры. Больше мне, собственно, ничего и не требовалось.

Я вывернул карманы, вывалил к ногам Кобы свою добычу, а сам растянулся на ковре. Тело, измученное сперва неожиданным возвращением в детство, а после – долгим сидением на тротуаре, тут же великодушно простило мне все издевательства и тихонько запело от счастья.

Некоторое время в «норе» царила блаженная тишина, нарушаемая только перестуком монет. Наконец Коба сосчитал мою добычу и покачал головой.

– Полный провал твоей затеи, сэр Макс, как и следовало ожидать. Зато я неплохо заработал.

– Почему провал? – равнодушно удивился я. – Твои люди обычно

больше приносят?

– Напротив, гораздо меньше. Говорю же, я неплохо заработал... Но тебе не помог. И пожалуй, не смогу. Тебе не нужно учиться не хотеть денег, они тебе и так не нужны. Нынче ночью ты мог бы принести мне несколько горстей или, напротив, сотню корон – в твоей жизни от этого ничего не изменится, верно? Я тебя даже не побил бы в случае неудачи. Не говорю уже о том, что положение в иерархии нашего цеха тебе до одного места, ты в нашу жизнь не навсегда пришел, а всего-то на день. Поэтому ты оказался удачливей всех моих подопечных, вместе взятых. Ничему ты у меня не научишься, ясно?

– Ясно, – разочарованно вздохнул я. – А может, еще раз попробуем? Например, сейчас. Ты сам говорил, что утро плохое время для попрошаек. К тому же я очень хочу спать. Можешь поставить мне условие: пока я не принесу еще дюжину корон, ты мне поспать не дашь. Тогда мне будет очень трудно не хотеть денег, и может быть, я все-таки научусь... Что скажешь?

– Голова у тебя хорошо работает, – хмуро сказал Коба. – Но знаешь, сэр Макс, я уже и сам не рад, что с тобой связался. Я же чувствую, что ты на меня сердишься – еще с того момента, как мы в Новый Город шли. А если я сейчас выгоню тебя на улицу, рассердишься еще больше, хоть и сам предложил... Я, видишь ли, не готов умереть сегодня же, еще до заката. И завтра – нет, не готов. Понимаешь, о чем я толкую?

– Ты чего, Коба? – я сделал вид, будто страшно удивился. – С какой стати мне тебя убивать? Я же сам попросил помочь, и ты согласился.

– Это потому, что не подумал, – проворчал он. – Не разобрался сперва, с кем имею дело. Недооценил тебя... Конечно, ты не станешь меня убивать. Но видишь ли, сэр Макс, даже сильный человек вроде меня вполне может отбросить копыта только потому, что ты недоволен его поведением. И не делай вид, будто не понимаешь, о чем я толкую.

Еще бы я не понимал.

И тут меня осенило.

– Сволочь ты, Коба, – искренне сказал я. – Просто редкая скотина. Зачем было через весь город меня босиком гнать? Я мог бы за квартал от трактира разуться, никто бы и не заметил – скажешь, не так? Так нет же, ты решил получить удовольствие по полной программе. Когда еще доведется над могущественным человеком безнаказанно поизмываться, да еще и за его же деньги, да? Ненавижу такие штучки. И не ожидал от тебя.

Мой покровитель слушал эту пламенную речь с немым изумлением и даже не пытался ответить. Вот и молодец. Я выговорился, и меня наконец

отпустило по-настоящему. Теперь я мог спокойно ложиться спать, не опасаясь навредить Кобе.

– Все, – великодушно объявил я. – На этом вопрос можно считать закрытым. Я не хотел тебя обидеть, Коба. Напротив, я тебя спас.

– От чего, интересно, ты меня спас?

– От себя, от чего же еще? Джуффин недавно объяснил мне, что, ругая своего врага, могущественный человек портит ему настроение, но зачастую спасает жизнь. Ты мне, конечно, не враг, однако я на тебя действительно рассердился за эту прогулку. Но вежливо молчал. А теперь выговорился, и все, привет. Никаких обид, наоборот, я начинаю понимать, что сам немного перегнул палку и зря тебя оскорбил. Зато теперь ты точно не умрешь от моего гнева. И даже ногу не вывихнешь. Ясно?

– Более-менее. Но какой ты, оказывается, обидчивый, сэр Макс! Вот не подумал бы... Я же не со зла тебя заставил босиком по улицам бегать. Просто хотел помочь войти в роль. Чтобы все по-настоящему было, а не как на карнавале. Наверное, зря.

– С сапогами – точно зря, – проворчал я. – А все остальное было просто отлично, спасибо тебе. И имей в виду, я не обидчивый, я злой. Это разные вещи.

– Ты не злой, – ухмыльнулся Коба. – Просто вспыльчивый. С годами пройдет.

«Сговорились они все, что ли? – подумал я. – Одно и то же твердят, что шеф, что сэр Шурф, что этот красавец. „С годами“, видите ли, все пройдет. И почему-то считается, что это – хорошая новость. Как будто эти самые „годы“ – мелкая монета, которой у любого дурака сундуки забиты, а не мое драгоценное время. Своего бы, что ли, одолжили, если такие умные...”

– Ладно, – вдруг сказал Коба. – Я подумал и решил, что ты прав. Нельзя лишать тебя последнего шанса хоть чему-нибудь научиться. Давай, поднимайся и марш на улицу. Пока не соберешь хотя бы три короны, не возвращайся.

Надо признать, что его предложение прозвучало более чем некстати. Я как раз угрелся, успокоился и понял, что хочу только одного – спать. И никакой науки, гори она огнем. Все равно ведь ясно, что Магистра Хаббу Хэна я не найду, нечего и обольщаться. Можно паковать дорожную сумку и садиться на первый попавшийся корабль. А что ж, и упакую, и сяду, и пошли все в задницу. Но сперва я все-таки немного посплю. Прямо здесь.

Но Коба взялся за меня всерьез. Растормошил, поставил на ноги, благо при моих нынешних габаритах это было несложно, и принялся

подталкивать к лестнице.

– Ну и гад же ты! – искренне сказал я. – Вот ведь скотина!

Жизнь моего наставника была, таким образом, в очередной раз спасена. А я очутился на улице. Подумать только, всего четверть часа назад этот план казался мне не просто удачным, но гениальным...

~ Не меньше трех корон, – напутствовал меня Коба. – И тогда дрыхни сколько влезет.

Я вздохнул и поплелся в синие предрассветные сумерки. По дороге думал, что было бы логично и справедливо не с посторонними людьми в сновидениях разбираться, а поймать и как следует отколотить себя, любимого. Потому что других врагов у меня нет, неужели до сих пор не понятно?!

На сей раз удача меня оставила. То ли потому, что я очень хотел поскорее добыть для Кобы эти грешные три короны и завалиться спать, то ли потому, что нет охотников шляться по городу на рассвете, когда закрыты и трактиры, и ворота рынков, и даже двери домов в Квартале Свиданий. Те немногие прохожие, которых мне все-таки удалось встретить по пути, болтались на улице явно не от хорошей жизни, и мои сиротские вопли были им до лампочки. Один даже попытался меня пнуть, но я не в обиде: бедняга едва стоял на ногах и вряд ли понимал, откуда и зачем в его жизни возник маленький нахальный оборванец.

Пока я таким образом развлекался, солнце окончательно и бесповоротно утвердилось на небе. Кому случалось не спать сутки и больше, поймет, с каким отвращением я косился на жизнерадостное светило. Зато мне удалось разжалобить нескольких сонных домохозяек, бредущих на рынок, и одного совсем юного повесу, на чьем изможденном, но счастливом лице явственно отпечатались следы чрезвычайно удачного свидания. Однако в сумме даже короны не набралось, так что о возвращении в Кобину «нору» не могло быть и речи. А понять, что такое особенное я ощущал в те прекрасные моменты, когда руки прохожих тянулись за кошельками, я так и не сумел. Вроде бы, вовсе ничего, кроме бесконечной усталости. «Вероятно, именно это имел в виду Джуффин, когда советовал мне довести себя до ручки, – уныло думал я. – В какой-то момент устаешь настолько, что все становится до фени, действительно. Что ж, придется попробовать».

Размышления о предстоящей бессоннице роковым образом наложились на бессонницу текущую. Убойная вышла смесь. Настолько, что я махнул на все рукой, сел на тротуар, прислонился к ограде чужого сада и

задремал. Для человека, которому неоднократно удавалось выспаться, сидя в кресле во время ночного дежурства, это не так уж сложно. Хотя, на мой вкус, на улице все-таки слишком светло и холодно.

Сновидений на сей раз не было. Ни губительных для окружающих, ни пророческих, ни безобидных, вообще никаких. Я просто закрыл глаза и провалился в темноту, где какое-то время не обнаруживалось ничего и никого, даже меня, а потом вдруг появилась человеческая рука. Она легла мне на плечо и принялась трясти. Поначалу я как-то убеждал себя, что рука чужая, а потому мне нет до нее никакого дела, пусть себе трясет, а я буду спать. Но рука была настойчива и победила. Мне пришлось вынырнуть из сладкой, уютной тьмы и открыть глаза.

В первое мгновение окружающий мир показался мне отвратительным местом. Там было чересчур солнечно, шумно и хлопотно. Обычное дело для человека, которого разбудили через несколько минут после того, как удалось задремать.

А потом я как-то притерпелся – и к свету, и к уличному шуму, и даже к самой необходимости бодрствовать. Наградой мне было удивительное открытие. Меня тряс за плечо не служащий Городской полиции, и не праздный зевака, и не милосердный жилец соседнего дома, готовый предложить приют бездомному ребенку, а сэр Шурф Лонли-Локли.

Его внезапное появление в моей жизни показалось мне настолько неуместным и одновременно прекрасным, что я лишился дара речи и всех прочих даров милосердной природы заодно. Пялился на него во все глаза, как будто привидение увидел. Хотя нет, привидения мне видеть доводилось, и не раз. Следует признать, встречи с ними стали для меня куда меньшим потрясением.

– И ведь я совершенно не удивлен, – наконец сказал Шурф. – Как ты думаешь почему?

– Ты что, узнал меня? – изумленно спросил я. – Но как, дырку над тобой в небе?!

– А как, интересно, я мог тебя не узнать? Хвала Магистрам, я уже давно понял, что ты – мальчишка, который не очень умело притворяется взрослым человеком. Теперь все окончательно встало на свои места, только и всего. Ты крепко влип, я правильно понимаю?

– Да не то чтобы. Строго говоря, я совсем не влип. Так, заигрался немного, – смущенно сказал я. – Очередная дурацкая идея, которую я не успел с тобой обсудить, прости... Ничего страшного, зато я приобрел весьма полезный опыт. А что до моего вида, сегодня вечером снова буду выглядеть как обычно. По крайней мере, мне твердо обещали.

– Я бы, пожалуй, оставил как есть, – проворчал сэр Шурф. – Чтобы ни у кого не было иллюзий на твой счет... Лучше скажи сразу, мне придется уводить тебя отсюда силой? Или сам пойдешь?

– Смотря куда и зачем. Если там можно будет немного поспать или хоть глоток бальзама Кахара выпить, пойду сам.

– Рад, что у тебя сохранились хоть какие-то остатки здравого смысла, – сухо сказал он. – Тогда пошли.

– Пошли, – вздохнул я, поднимаясь с тротуара.

– Ну и вид у тебя, сэр Макс!

Мой друг, которому я теперь едва доставал до пояса, укоризненно покачал головой. Но было заметно, что от желания расхохотаться его удерживает только прочно прилипшая к лицу маска самого серьезного и невозмутимого человека во Вселенной.

– Куда пойдём-то? – смущенно спросил я.

– Ко мне домой, куда же еще? Это, если помнишь, в трех кварталах отсюда. Я как раз туда шел.

– Ну и дела! Я-то думал, ты идешь из дома. Где тебя всю ночь носило?

– Детям об этом знать не положено, – невозмутимо ответил сэр Шурф. – Лучше давай рассказывай, где носило тебя. Сейчас это несколько более насущный вопрос, ты не находишь?

– Ничего особенного, побирался возле «Жирного индюка», – буркнул я. – Сапогами вот разжился, повезло... Это не моя тайна, дружище. Меня убедительно просили молчать.

– То есть Коба просил? Можешь не отвечать, это и так понятно. Кто еще сумел бы превратить тебя в ребенка без помощи Очевидной магии? Явно уандукское зелье, я такие вещи за милую душу. Да и лохмотья понятно из чьих сундуков. Узнаваемый стиль. Но зачем ему это понадобилось?

Поскольку я упрямо молчал, Шурф с упреком добавил:

– Ты знаком со мной не первый год. Мог бы успеть понять, что мне можно доверять секреты. Свои и чужие, какие угодно. За свою жизнь я поменял множество личин, но болтуном и сплетником никогда не был.

– Прости, – сказал я. – Конечно ты не... Я и сам знаю. Но когда человек просит не говорить никому ни слова, мне проще действительно не говорить ни слова никому. Довольно и того, что все кому не лень читают мои мысли!

– Такой подход делает тебе честь, – неожиданно согласился Лонли-Локли. – Но теперь, когда я сам обо всем догадался, нет смысла утаивать подробности.

– Пожалуй. Но давай сперва хоть в дом зайдем. Глупо на улице секретничать.

– Твоя правда. Я рад, что способность здраво рассуждать тебя не покинула. Вернее, что она к тебе изредка возвращается, – проворчал сэр Шурф. – В любом случае мы уже пришли. А ты, как всегда, не заметил.

Я действительно сперва не узнал его жилище, потому что пришли мы не к парадному входу, а к садовой калитке. Проникли в дом с черного хода и по узкой, спиралью закрученной лестнице поднялись на второй этаж, в рабочий кабинет моего друга, огромный, как крытый стадион, и почти такой же пустой. Во всяком случае, для того чтобы присесть, всегда приходится выбирать между полом и подоконником: хозяйское кресло и рабочий стол следует почитать предметами священными и неприкосновенными, тут меня, в случае чего, никакие узы дружбы не спасли бы.

– В мой кабинет никто из домашних не заходит, – сказал Лонли-Локли. – Услышать, о чем здесь говорят, невозможно, даже если бы в этом доме завелись желающие подслушивать, что само по себе совершенно нелепо и недопустимо. Сейчас я принесу тебе бальзам Кахара. Надеюсь, после этого ты все-таки объяснишь мне, что с тобой случилось.

– Объясню, – вздохнул я. – Хотя ты уже и сам все понял.

– Я пока не понял главного: зачем это тебе было нужно? – отрезал Шурф и отправился за бальзамом.

Ходил он минуты две, не больше, но я все равно чуть было снова не уснул. Однако глоток тонизирующего зелья сотворил настоящее чудо. Я почувствовал себя таким свежим и бодрым, хоть заново на поиски приключений пускайся.

Но о приключениях и речи быть не могло. Я не обманывался насчет своего положения. Ясно, что я под домашним арестом. И очень сомнительно, что мой друг согласится расстаться со мной в ближайшие часы. Впрочем, я был уверен, что сэр Шурф с радостью запер бы меня здесь навсегда. Это был бы достойный вклад в его ежедневную битву с мировым хаосом в целом и человеческим разгильдяйством в частности.

– Ты голоден? – спросил он.

– Представь себе, нет. Меня всю ночь кормили как на убой. Я оказался очень удачливым попрошайкой.

– Не сомневаюсь. Тогда рассказывай, что с тобой случилось. Только будь любезен, по порядку.

Ну я и рассказал. Причем для начала подробно расписал свои скитания по Ехо в поисках неуловимого Магистра Хаббы Хэна. Или не Магистра. Но неуловимого, дырку над ним в небе! Мне казалось, что на фоне такого вступления мой сговор с Кобой покажется Шурфу не безумием, а вполне

остроумным маневром. Сам я, несмотря ни на что, по-прежнему придерживался именно такого мнения.

– Единственное, что меня по-настоящему удивляет, – сказал Лонли-Локли, дослушав мой монолог до конца, – это тот факт, что ты до сих пор жив.

– Ты мне это уже сто раз говорил, – буркнул я.

– И еще скажу. Столько раз, сколько понадобится. Ты ведешь себя как безумец, сэр Макс. Или как мальчишка, каковым, строго говоря, и являешься. Не забывай, я в курсе, что в том Мире, откуда ты родом, живут очень недолго. И взрослеют быстро, но, как я понимаю, только с виду. Сколько тебе сейчас лет? Тридцать? Чуть больше?

Я был озадачен таким поворотом.

– Честно говоря, я уже давно сбился со счета. Но точно больше тридцати. Тридцать пять, что ли?..

– Неважно, – отмахнулся он. – То есть ровно столько, на сколько ты сейчас выглядишь. Самое время забирать тебя из начальной школы и браться за подготовку к университетскому образованию.

– Лишь бы издеваться, – с упреком сказал я.

– Я не издеваюсь. Просто напоминаю тебе и, что гораздо важнее, себе некоторые факты. Пойми, Макс, для такого могущественного человека ты действительно слишком молод и неопытен. У тебя просто не было времени разобраться в себе и в жизни. Твое место скорее в школе, чем в Тайном Сыске. И совершенно неважно, как ты при этом выглядишь, состариться – не значит повзрослеть, эти вещи никак не связаны. Не знаю, чем тут можно помочь. А должен бы знать. Это моя обязанность.

– Эй, дружище, притормози! – возмутился я. – С какой стати это твоя обязанность? Не входи в роль заботливого папаши. Понимаю, что сейчас мой внешний вид у кого угодно родительские чувства может пробудить, но к вечеру это пройдет.

Лонли-Локли столь выразительно отмахнулся от моих попыток постоять за себя, что я заткнулся на полуслове. Сам виноват, забыл, с кем имею дело.

– Вышло так, что ты стал моим проводником в путешествиях между Мирами, – наконец сказал он. – Более того, однажды ты провел меня на Изнанку Темной Стороны и помог там выжить ^[20] а это и вовсе немыслимое дело, куда больше, чем один человек может сделать для другого. Я уже как-то говорил тебе, что, приняв твою помощь, одновременно возложил на себя обязанность охранять тебя в этом Мире. Это не сделка, а правило, нарушить которое я не решился бы, даже если бы очень захотел. А я, как

ты, надеюсь, понимаешь, не хочу. Но в последнее время я плохо справляюсь со своими обязанностями, И это меня тревожит. Наверное, я бываю невыносим, но поверь, мною движет вовсе не желание отравить тебе жизнь, а намерение ее сохранить. Впрочем, строгостью тебя тоже не проймешь, так что я, наверное, зря стараюсь.

Его монолог так меня растрогал, что я дара речи лишился. Ненадолго, конечно, но все-таки. А потом попытался утешить своего друга.

– Все в порядке, сэр Шурф. Как ты можешь отравить мне жизнь? Не выдумывай. И ты не зря стараешься. Но мне сейчас только этот загадочный Хабба Хэн и может помочь. А я не могу его найти, потому что очень хочу, – ну, я тебе уже рассказывал, и сегодня, и когда ты меня от супа спасал, помнишь?

Он пожал плечами, всем своим видом выражая искреннее недоумение.

– Было бы странно, если бы я забыл обстоятельства твоего дела за такой короткий срок.

– Вот ты бы Хаббу Хэна сразу нашел, не сомневаюсь, – вздохнул я. – А может, действительно поищешь? И попросишь его ко мне прийти? Скажешь, совсем сирота пропадает...

– Насколько я понял из твоих же объяснений, Хабба Хэн не станет встречаться ни с кем, кроме человека, который сумел его найти, – напомнил Шурф.

– Ну да, конечно. Не обращай внимания, дружище, это я так, несу что попало, – горько вздохнул я. – Понятно, что если ты встретишь Хаббу Хэна, это принесет пользу только тебе и никому больше. Но ты и без того вполне безупречен, так что затея не имеет смысла, не в коня корм. Обидно. Ты-то небось отлично знаешь, как это – хотеть и одновременно не хотеть... Эх, оказаться бы в твоей шкуре, хоть на пару часов!

– Ты уже не первый раз это говоришь, – сухо заметил Лонли-Локли.

– Ну да, не первый. А толку-то?

Он испытующе поглядел на меня, да так, что мне стало не по себе. Трудно сказать почему. Вроде, ничего особенного не случилось, а мороз по коже.

– Откуда ты мог узнать про Обмен Ульвиара, вот чего я действительно не понимаю, – наконец сказал Шурф.

– Про обмен – чего?! – искренне изумился я.

– Ну, заклинание Фиттеха. Или Аромат Тени. В разных источниках приводятся разные названия... Не притворяйся, сэр Макс.

– Понятия не имею, о чем ты толкуешь, – вздохнул я. – Вечно всем кажется, будто я знаю какие-то дурацкие чужие тайны. И ты туда же.

– То есть ты изъявляешь желание оказаться в моей шкуре просто так, без задней мысли? – с сомнением спросил он.

– Ну да. Для красного словца, чтобы подчеркнуть трагичность своего положения.

И тут до меня начало доходить.

– погоди-ка, Шурф. Хочешь сказать, речь идет о чем-то возможном?!

Он молча смотрел на меня. На бесстрастном лице не было ни единого следа внутренней борьбы, зато воздух в комнате звенел от напряжения, а мои лохмотья вдруг заискрились от статического электричества.

Наконец мой друг встал и вышел из кабинета. Я уж не знал, что и думать. Сидел, ждал каких-то невероятных чудес, дрожал не то от страха, не то от нетерпения. Но Шурф вернулся вовсе не с каким-нибудь зловещим магическим жезлом в деснице, даже не с древним фолиантом под мышкой, а всего-навсего с ворохом одеял в охапке. Кинул их на пол рядом со мной.

– Ты хотел спать, – напомнил он. – Вот и ложись, поспи пару часов. А я пока подумаю и приму решение.

– С чего ты взял, что я смогу уснуть?! – взвыл я. – После бальзама Кахара и твоих интригующих намеков?

– Ничего, если проблема только в этом, я ее решу. Как раз вчера думал, что неплохо бы освежить в памяти некоторые знахарские навыки, которым обучился в юности. Ты согласишься принять мою помощь?

– Неплохо бы, конечно, но...

Я хотел вежливо осведомиться, не опасно ли вспоминать давно забытые умения вот так сразу на живом человеке, не замучив предварительно дюжину морских свинок, но не успел произнести ни слова. Сэр Шурф положил ладонь на мою макушку, и я мгновенно отрубился. Практически умер. Но, к счастью, не навсегда.

Когда я проснулся, пустая комната была залита солнцем – все еще утренним, никак не послеполуденным. Но чувствовал я себя бодрым и отдохнувшим. Так, впрочем, всегда бывает, если заснуть после порции бальзама Кахара: двух-трех часов совершенно достаточно.

Одеяла не валялись на полу бесполезной грудой, а со всех сторон окружали мое тщедушное тело. Надо понимать, добрый дяденька Шурф не только насильственно усыпил, но еще и обогрел беспризорника. Вот и молодец, все бы так.

Самого Лонли-Локли в кабинете не было. Никаких записок с инструкциями он мне не оставил, поэтому пришлось послать ему зов.

«Что ж ты сироту без присмотра покинул? – спросил я, постаравшись

вложить в Безмолвную речь все запасы своего природного ехидства. – Вот сейчас прокрадусь в столовую, сопру у тебя из буфета серебряные ложки и сбегу!»

«Пожалуйста, не покидай кабинет, – попросил он. – И тем более никуда не убегай. Дождись меня. Я вернусь через четверть часа, и нам будет о чем поговорить».

И прежде чем исчезнуть из моего сознания, совершенно серьезно добавил:

«Если тебе действительно нужны мои ложки, я с удовольствием их отдам».

Я заржал в голос. Оставалось надеяться, что жена сэра Шурфа и нанятые ею для ведения хозяйства потомки равнинных гномов действительно не слышат, что происходит в этом кабинете. А то был бы им сюрприз. Но обошлось.

Хозяин кабинета явился, как и обещал, через четверть часа. Или даже раньше. Факт, что я еще не допил утренний кофе, который благополучно извлек из Щели между Мирами. Курить мое впавшее в детство тело наотрез отказывалось, зато кланчило сладкого, но раздобыть ему пирожное я так и не успел. А потом стало не до того.

– Пока ты спал, я думал, – с порога сказал Лонли-Локли. – И принял решение. Заодно договорился с сэром Джуффином о двух Днях Свободы от забот, и еще кое-какие дела успел уладить. То есть, если ты по-прежнему настаиваешь, можно попробовать.

– На чем я настаиваю? – опешил я. – Что мы будем пробовать? Пожалей сироту, объясни все по-человечески.

– Обмен Ульвиара, что же еще?

– Ага, – вздохнул я. – Ясно. Ты имей в виду, дружище, я для тебя на все готов. Если надо настаивать на этом загадочном обмене, я буду, честное слово! Душу из тебя вытрясу, жизни не дам. Ты же меня знаешь. Но для начала все-таки хотелось бы понять, о чем речь. Ты же ничего не объяснил. Пробормотал что-то невразумительное, велел мне спать и убежал хлопотать об отпуске. Все это очень здорово, но я по-прежнему не представляю, что ты имеешь в виду, когда говоришь про Обмен Ульвиара. Но подозреваю, это какая-нибудь страшная жуть.

– Да нет, не то чтобы жуть, – меланхолично возразил Шурф. – Просто очень необычное и познавательное приключение. Впрочем, я и сам знаю про Обмен Ульвиара не так уж много, поскольку подлинное знание приходит с опытом. Собственно, именно в этом и состоит искушение...

– А объяснить тупому дитю все по порядку? – жалобно попросил я. –

А то ведь заплачу. Лягу на пол, заплачу в голос, что хочешь, то и делай!

– Ну, положим, с твоими слезами я бы легко справился, – отмахнулся мой друг. – Но выдвинутое требование совершенно справедливо. Я мог бы сразу поверить, что ты никогда не слышал об Обмене Ульвиара, просто некое смутное предчувствие побуждало тебя снова и снова возвращаться к этой теме. Такое с тобой то и дело случается. А вот представить тебя в секретном архиве библиотеки Иафаха, с древним фолиантом в руках я не могу, при всем уважении как к тебе, так и к самому архиву, который, несомненно, является самым полным собранием описаний практических методик древних магов...

Я не нашел ничего лучшего, чем прервать его неспешную речь тихим, но страстным воем: «Ыау-у-у!» Как ни удивительно, моя выходка возымела действие. Шурф укоризненно покачал головой и приступил наконец к делу.

– Обмен Ульвиара, он же заклинание Фиттеха, он же Аромат Тени, подробно описан в нескольких древних рукописях, которые в течение последних столетий вряд ли обрели хоть одного внимательного читателя – кроме меня, разумеется. Я неоднократно просил Короля даровать мне доступ к секретному архиву библиотеки Семилистника и получил эту привилегию сразу после кончины... вернее, отъезда покойного Магистра Нуфлина.

– Понятное дело, – ухмыльнулся я. – Старик тебя туда ни за что не пустил бы, а нынешний временный совет Старших Магистров Гуригу слова поперек не скажет.

– Совершенно верно. В этом смысле наступившие перемены весьма благоприятны, по крайней мере для меня. И, как ты понимаешь, каждую свободную от дел минуту я теперь стараюсь проводить в этом архиве. У меня было не так много времени, но я успел обнаружить в древних текстах немало интересного. А самая удивительная тайна, которая целиком меня захватила, – это Обмен Ульвиара. Заклинание, которое позволяет двум разным людям на время поменяться Тенями. Теперь, надеюсь, ты понимаешь, почему меня так насторожило твое желание оказаться в моей шкуре. В сущности, если верить текстам, сопровождающим описание заклинания, Обмен Ульвиара, названный так по имени древнего завоевателя Хонхоны Ульвиара Безликого, дает именно такой эффект. Или почти такой.

– Ничего себе дела! – я был потрясен. – Погоди, но я так и не понял, что это значит – поменяться Тенями? Телами – это еще более-менее ясно, хоть и не верится, что такое возможно...

– Ну почему же, это как раз довольно просто, – пожал плечами сэр

Шурф. – Только практической пользы от такого обмена никакой. Разве что удовольствие. Я когда-то читал, что на Уандуке практика обмена телами была и остается обязательной частью древнего искусства любви; теоретически я вполне могу представить, какие преимущества она дает... Но об этом мы поговорим как-нибудь потом.

– Да уж, пожалуй, – растерянно согласился я. И язвительно добавил: – Детям о таких ужасах лучше вообще ничего не знать.

– Рад, что в этом вопросе мы с тобой солидарны, – совершенно серьезно сказал мой друг.

– Ладно тебе... Ты мне лучше про Тени объясни, как ими можно поменяться? И что с нами от этого сделается? Когда начинаются все эти разговоры про загадочную Тень, я, честно говоря, вообще не понимаю, о чем речь.

– Конечно ты не понимаешь. Но это совершенно не мешает биться твоему второму сердцу, которое, насколько мне известно, сэр Джуффин когда-то отнял у твоей собственной Тени.

Крыть было нечем.

– Скажу больше, я тоже не понимаю, что такое Тень, – неожиданно признался Шурф. – И знаешь, чем больше я читаю об этом предмете, тем больше убеждаюсь, что на самом деле вообще никто не понимает. Некоторые могущественные люди могут взаимодействовать с Тенями – своими или чужими. И даже извлекают из этого практическую пользу. Но понимания от этого не прибавляется. Ты ведь и сам имел дело с Тенью Короля Мёнина – а толку-то? Этот опыт помог тебе понять, что она такое?

– Ни фиги не помог, – согласился я. – Единственное, что изменилось после нашей встречи, – теперь я могу более-менее уверенно утверждать, что Тень Короля Мёнина действительно существует.

– Совершенно верно, существует, как и всякая другая Тень. Но, по большому счету, этого знания совершенно достаточно, поверь мне. Есть немало вещей, понять которые невозможно, но при этом вполне можно иметь с ними дело – если умеючи.

– Вот с этого места подробнее, пожалуйста, – проворчал я. – Умеючи, говоришь? Ладно, допустим. Но ты хоть смутное представление имеешь, как это делается и, самое главное, зачем? Что для нас с тобой изменится после обмена Тенями?

– В найденных мною рукописях говорится, что Ульвиар Безликий поменялся Тенью со своим знахарем Фиттехом; одни источники утверждают, будто знахарь был первооткрывателем этой магической техники, другие – что он просто ассистировал Королю. Но вопрос

первенства вряд ли должен нас с тобой занимать. Важно другое. Документы свидетельствуют, что после обмена Ульвиар оставался в здравом уме, прекрасно помнил, кто он такой, чем занимался, скажем, вчера и какие игры любил в детстве. Но при этом поведение Короля разительно изменилось. В частности, он обрел целительский дар да еще и страстное желание помогать ближним – верный признак знахарского Призвания. Знахарь же вел себя грубо и дерзко, можно сказать, по-королевски – при этом он помнил свое имя и должность, прекрасно сознавал, что не является Королем, но, по свидетельствам очевидцев, сей факт вызывал у него лишь досаду и желание исправить положение. За несколько часов Фиттех успел не только разругаться со своим присмирившим повелителем, но и начать переговоры с воинственными внуками Ульвиара, которых счел перспективными союзниками. А это свидетельствует, что кроме тяжелого нрава и темперамента он обрел организаторские и дипломатические способности своего Короля. Неизвестно, к чему все это могло бы привести, но вскоре действие заклинания закончилось. Ульвиар и Фиттех пришли, так сказать, в себя, помирились и, по свидетельству автора рукописи прониклись безграничным уважением друг к Другу. Король по достоинству оценил бескорыстную доброту знахаря, а тот, в свою очередь, был восхищен выдержкой своего повелителя – все же обычно Ульвиар вел себя куда более сдержанно и благородно, чем требовала его необузданная натура.

Объяснения Лонли-Локли окончательно сбили меня с толку.

– Так чем же они в итоге поменялись? – спросил я. – Характерами? Личностями? Чем?!

– Тенями, сэр Макс. В рукописях сказано, что они поменялись Тенями. В то же время, внимательно изучив отчеты свидетелей, я пришел к выводу, что результат был очень похож именно на обмен личностями. Но вместо того чтобы гадать, как называется то, чем обменялись эти достойные мужи древности, тебе сейчас следует обдумать другой вопрос. Готов ли ты оказаться в моей шкуре? Надеюсь, ты понимаешь, что получишь в свое распоряжение не только сэра Лонли-Локли, но и Безумного Рыбника^[21]. Он по-прежнему здесь, – Шурф выразительно приложил руку к груди. – Никуда не делся.

– Но вместе с ним и твой многолетний навык держать себя в узде? Как Король получил мастерство знахаря, которому не обучался ни дня?

– Думаю, что так. Строго говоря, сэр Лонли-Локли, с которым ты хорошо знаком, – и есть эта узда.

– Вот! Именно она мне и требуется. Я же видел тебя в Кеттари. Если

ты с этим справляешься, обуздать меня будет пара пустяков!

– Это тебе только кажется, – вздохнул он. – Но шанс действительно есть.

– Еще какой! Только... Слушай, а ты уверен, что у нас получится?

– Как можно быть уверенным, когда делаешь что-то впервые? Но, по моим сведениям, Обмен Ульвиара практиковали многие известные Магистры древности – значит, метод подходит кому угодно, а не только первооткрывателям, как это порой бывает. Я внимательно изучил все рецепты, инструкции, рекомендации и свидетельства очевидцев, которые нашел в архиве библиотеки Иафаха. Не думаю, что тут можно ошибиться, все предельно ясно, разночтений нет.

– Ну, если ты так говоришь, – вздохнул я. – Ладно, давай, валяй. Читай свое заклинание.

– Не спеши, – строго сказал сэр Шурф. – Во-первых, требуется большая подготовительная работа. Хорошо, если к ночи управимся. А во-вторых, я не хочу, чтобы ты принимал решение второпях. Тебя, как я понимаю, больше всего пугает сам процесс обмена. Не ошибусь ли я, не случится ли что-то непредвиденное, не станем ли мы оба пациентами Приюта Безумных, да?

Я смущенно кивнул. Конечно, он был прав.

– Так вот, это тебя заботить не должно. Обмен Ульвиара, при всей кажущейся сложности, по сути своей очень простое действие. Грубый, эффектный и радостный жест, как большинство древних практик. За всю историю не было ни единого случая, чтобы с практикующими его колдунами что-то случилось. И, честно говоря, я не думаю, что мы с тобой менее удачливы и выносливы, чем наши предшественники. Но ты, конечно, сам должен решить, довериться мне или нет. Если нет – что ж, забудем об этом разговоре до тех пор, пока сам не захочешь его возобновить. Но если уж ты скажешь «да», будь добр, подчинись собственному решению, а не как обычно...

– А обычно как? – спросил я. На всякий случай обиженным голосом. Ясно же, что он не комплименты мне говорить собрался.

– Тот сэр Макс, с которым я знаком, легко согласится: «Да, конечно я тебе доверяю», а четверть часа спустя благополучно об этом забудет и снова пустится в расспросы: «А ты точно уверен, что все получится? А если не получится, что тогда? А может, еще раз прочитаем, что написано в рукописях, а потом спросим у Джуффина? А ты не хочешь сперва проверить свое заклинание на каких-нибудь портовых нищих?»

Он так точно воспроизвел мою манеру говорить, что я не смог

сдерживать улыбку.

– Твоя правда, сэр Шурф. Именно эти вопросы я и собирался непрерывно тебе задавать, слово в слово... Ладно, попробую не вести себя, как этот твой дурацкий знакомый сэр Макс. Обещать ничего не могу, но постараюсь. Как же ты, оказывается, хорошо меня знаешь!

– Да, неплохо. И кстати, важный момент... – Шурф даже перст указующий воздел к потолку, чтобы привлечь мое внимание. – Имей в виду, если мы с тобой совершим Обмен Ульвиара, я буду знать тебя еще лучше. А ты – меня. Строго говоря, у нас вообще не останется тайн друг от друга. Мне-то все равно, а тебе это может не понравиться.

Я призадумался было, но тут же решил махнуть на все рукой.

– Да ну, ерунда какая. Знай себе на здоровье. Подозреваю, тебя мои тайны не шокируют. Заодно мне их перескажешь, объяснишь, как я на самом деле устроен. А то у меня куча вопросов, особенно в последнее время...

– ...и ни малейшей готовности слушать ответы, – подхватил он.

Все-таки внешность очень много значит. Я всегда подозревал, что пробуждаю в этом ужасном человеке дремучие отцовские инстинкты, но до сих пор он как-то держал себя в руках – ну, почти всегда. А стоило мне превратиться в малолетнего беспризорника, и Шурф как с цепи сорвался. Хотя теоретически должен бы понимать, что моя внешность – лишь видимость, в обоих случаях. У меня было огромное искушение – плюнуть на все дела и побежать показаться всем остальным коллегам, поглядеть, как они себя поведут. Но я устоял.

Сэр Шурф поднялся со стула.

– Что ж, если ты решился на обмен, я пошел.

– Куда это? – удивился я.

– На Сумеречный рынок за покупками. У меня в хозяйстве нет необходимых ингредиентов для изготовления Свечи Фиттеха.

– Возьми меня с собой, – попросил я. – А то останусь один, буду тут сидеть, думать всякие глупости и бояться. Ты же меня знаешь.

– Знаю. Но ты всерьез собрался выходить из дому в таком виде?

Судя по выражению обычно невозмутимой физиономии Лонли-Локли, мне снова удалось его удивить.

Я оглядел себя и понял, что он прав.

– Да, действительно. Вид еще тот. Жалко.

Друг мой неожиданно смягчился.

– С другой стороны, я намерен изменить облик, чтобы остаться неузнанным. Обычно для этого бывает достаточно переодеться. Но твое

присутствие могло бы стать неплохим дополнением к маскировке, благо всем в городе прекрасно известно, что детей у меня нет. Что ж, попробую подыскать для тебя что-нибудь более пристойное, чем лохмотья Кобы.

– Спасибо, дяденька! – пискнул я ему вслед.

Шурф не поленился обернуться, укоризненно покачать головой и только после этого вышел из кабинета.

В тот же момент в моем сознании раздался голос Кобы. Легок на помине.

«Сэр Макс, где тебя вурдалаки носят? – поинтересовался он. – Неужели до сих пор трех корон не заработал?»

«Представь себе, нет, – покаялся я. – И короны не набралось. Но я не виноват. Меня, можно сказать, усыновили, еще на рассвете. Причем не чужой человек, а старый друг, которому я ни в чем не могу отказать. К тому же он, в отличие от некоторых, дал мне выспаться. Словом, мое обучение накрылось медным тазом, ты уж прости».

«Ничего страшного, – успокоил меня Коба. – Я сваял дурака, когда взялся тебя учить. Мог бы сразу сообразить, что без толку. Ну хоть денег заработал... Кстати, не забудь вернуть мою одежду и забрать свою долю выручки».

«Лохмотья верну, – пообещал я. – А деньги оставь себе. Мне они и правда не нужны».

«Знаю, что не нужны. Но таков порядок, – сурово сказал Коба. – Если я оставлю себе твою долю, удача от меня отвернется, поэтому будь добр, не отказывайся. Я пришлю к тебе своего человека. Он отдаст деньги и заберет одежду».

«Только не сегодня, – взмолился я. – Мне не до того будет».

«Ничего, я подожду, – пообещал старшина нищих. И после короткой паузы спросил: – Ты на меня больше не злишься?»

«А разве я злился?» – искренне удивился я.

И почти сразу вспомнил – да, действительно, не далее как минувшей ночью. А кажется, вечность прошла и не я это вовсе был, а незнакомый, чужой человек.

«Сам видишь, я не только не злюсь, а даже не помню, с какой стати на тебя взъелся».

«То есть я не сверну шею нынче же вечером? И с моста не упаду? И от неведомой заразы не позеленею? Что ж, хорошо. Одно удовольствие иметь с тобой дело, сэр Макс. Но опасное, как почти все удовольствия».

На том мы и распрощались, довольные друг другом, насколько это вообще возможно между людьми, которых объединяет неудавшаяся затея.

Когда сэр Шурф вернулся в гостиную, я его едва узнал. И весьма вероятно, не узнал бы вовсе, если бы не теоретическое понимание, что кроме него войти сюда никто не может. И ведь, казалось бы, никаких разительных перемен и чудесных превращений в духе сэра Кофы. Просто сменил человек белоснежное лоохи на темно-красное с капюшоном, натянул тонкие алые перчатки, чтобы скрыть от любопытных взоров ногти, изрисованные защитными рунами, да усы с бородой не то наклеил, не то просто отрастил в одночасье, как это у них, могущественных колдунов, заведено. И еще слегка ссутулился, чего за ним отродясь не водилось. Вот, собственно, и все. А какой эффект!

– С ума сойти, – сказал я. – Настоящий шимарский горец, только без парадной прически. С другой стороны, кому какое дело, что там у тебя под капюшоном таится – светлая голова или косы с перьями...

– Вот именно. – И он швырнул мне желтое лоохи, расшитое черными стрелами. – Одевайся. Должно быть впору. Осталось у жены с тех времен, когда вдруг вошли в моду короткие лоохи, едва до колена.

– А все остальное? – жалобно спросил я.

– Другой одежды на твой нынешний рост в доме нет. Придется тебе закутаться как следует, чтобы только носки сапог и кончик носа было видно.

– То-то и оно, что кончик носа, – проворчал я. – Тюрбан-то у тебя найдется? Желательно черный, чтобы по цвету хоть как-то сочеталось с этим безобразием.

– А тюрбан тебе пока не положен. Дети головных уборов не носят, неужели не обращал внимания? Поэтому как следует причешись. Очень удачно, что ты давно не стригся, столичные подростки как раз предпочитают длинные волосы... И знаешь, давай-ка я принесу тебе бритву. Демонстрировать твой колючий подбородок уличной толпе и рыночным торговцам я бы не рекомендовал. Небритый ребенок – зрелище для избранных.

– Вроде тебя? – ехидно спросил я.

– Совершенно верно. Моя подготовка позволяет мне хладнокровно созерцать все что угодно. Даже твой нынешний облик.

Эк он все-таки разошелся.

– Ну что, меня уже можно выпускать на улицу? – спросил я четверть часа спустя.

– Можно, – ответил Лонли-Локли. – Вопрос – нужно ли? Ну да ладно,

пошли.

В довершение всех бед он, разумеется, не пустил меня за рычаг амобилера. Дескать, в Ехо не принято, чтобы дети городским транспортом управляли.

Это, честно говоря, нигде не принято, кто же спорит. Однако мне было обидно. Кажется, я тоже вошел в роль трудного подростка, угнетаемого строгим отцом. Оно и понятно, в такую роль войти – раз плюнуть.

Пришлось мне бездарно ютиться на заднем сиденье, пока наш амобилер медленно и торжественно полз через весь город. Дорога до Сумеречного рынка отняла у нас часа полтора, я вконец извелся. Лучше бы пешком пошли, честное слово.

Однако когда я смирился с мыслью, что поездка будет продолжаться вечно, мы все-таки остановились на Рыночной площади.

– Держи, – сказал Лонли-Локли, протягивая мне большую корзину, сплетенную из кожаных лоскутов.

– Что это? – опешил я. – Зачем?

– Когда дети сопровождают взрослых на рынок, они обычно несут покупки, – объяснил мой друг. – Я просто стараюсь следовать сложившимся традициям. Ты же не хочешь, чтобы на нас все глазели?

– Хорошо хоть, вы, взрослые, верхом на детях не ездите, – проворчал я, принимая корзину. – И палками их публично не бьете. Какая нечеловеческая удача!

Лонли-Локли с видом мученика возвел глаза к бледному полуденному небу. Его, впрочем, можно было понять. Я и сам-то от себя уже начал уставать, а стороннему человеку, конечно, куда как труднее.

Сумеречный рынок, занимающий целый квартал в самом сердце Старого Города, – одно из самых колоритных местечек в столице Соединенного Королевства. Это почти бесконечные лабиринты крытых прилавков и тесных павильонов, днем и ночью освещенные лишь тусклым оранжевым светом мелких грибов да голубым сиянием газовых шаров – отсюда, говорят, и название. Пространство такое же пестрое и шумное, как Речной Порт, но гораздо более компактное и чистое, насквозь пропахшее заморскими пряностями, свежеструганным благовонным деревом, запретными чудесами и чужими секретами. Здесь нет ни нищих, ни пьяных матросов, ни гнилых досок, ни пыльных мешков. Только деловитые продавцы да товары, попавшие сюда из корабельных трюмов, ремесленных мастерских и даже чужих сундуков: воры предпочитают торговать краденым именно здесь, на Сумеречном рынке, больно уж он велик, так что

затеряться в толпе проще простого. Сюда несут свою добычу и знатоки подземных лабиринтов, профессиональные мародеры с университетским образованием, вдумчивые расхитители сокровищ из подвалов древних дворцов и тайных складов бывших Орденских резиденций, где, говорят, хитроумных ловушек больше, чем камней в стенах, зато до сих пор можно найти в высшей степени полезные и опасные сувениры минувших эпох.

Я не раз слышал, что на Сумеречном рынке можно купить все что угодно – хоть тычинки серой орхидеи из Шиншийского Халифата, хоть скорлупу яиц арварохского хуба, хоть заплату от мехового плаща основателя Ехо Халлы Махуна Мохнатого. Нужно только прийти сюда в правильное время и обратиться с правильным вопросом к правильному человеку. Не знаю, я-то сам всегда посещал Сумеречный рынок скорее ради развлечения, чем в поисках редкостей. И покупки делал просто так, по вдохновению, а не по заранее составленному списку.

Лонли-Локли, как нетрудно догадаться, действовал совсем иначе. Во-первых, у него действительно был заготовлен длиннющий список. Во-вторых, он явно представлял, где что искать и к кому следует обращаться с вопросами. Поэтому мы не праздно слонялись по рынку, как я привык, а методично прочесывали его территорию, то и дело останавливаясь у прилавков, заваленных какими-то загадочными порошками, травами и плотно закупоренными керамическими сосудами. Некоторые товары Шурф покупал не торгуясь; иногда, напротив, настойчиво сбивал цену, хотя речь шла о каких-то несчастных горстях, – я бы на его месте, не задумываясь, полез в карман за деньгами. Так то я, известный мот и транжира, непрактичная бестолочь.

Пару часов спустя я был близок к тому, чтобы начать ныть и канючить, как и положено ребенку, измученному продолжительным шопингом. К счастью, сэр Шурф вовремя догадался купить мне отличное пирожное – невесомый комочек сладкой ореховой пыли размером почти с мою голову. Это, как ни странно, на какое-то время вполне примирило меня с реальностью, я даже корзинку эту грешную ему простил. Ну, скажем так, почти.

Меж тем мы сделали несметное множество покупок. Корзина моя наполнилась свертками, пакетами и склянками; самое поразительное, что все наши приобретения я видел впервые в жизни. Более того, никогда прежде не слышал об их существовании. Порошок Тротт, кора дерева кури, дымная глина из Лохри, сок маракумбы, смола ферниха, кислая шиншийская смесь, сушеные моллюски кримпи и еще добрая дюжина наименований, столь же загадочных, сколь и бессмысленных – с точки

зрения необразованного болвана вроде меня.

Наконец, когда я уже потерял надежду когда-нибудь выйти из душного полутемного павильона на свежий воздух, Лонли-Локли внимательно проглядел список и объявил:

– Ну вот и все. Нам повезло. Я-то опасался, что некоторые ингредиенты придется специально заказывать у знакомых поставщиков; ожидание могло бы затянуться до глубокой ночи. Но сегодня на удивление удачный день.

– Придется поверить тебе на слово, – вздохнул я. – Давно уже забыл, что это такое – удачный день. А оно вон как. Все моллюски кримпи наши, и ничего больше не нужно для счастья!

– Моллюски – это как раз пустяки, – совершенно серьезно заверил меня Шурф. – Ходовой товар. А вот по дешевке купить у незнакомого торговца стеклянный пепел из Куними – огромная удача. Я на это, конечно, надеялся, но не слишком рассчитывал.

– А теперь мы поедем домой? – жалобно спросил я. – У меня уже голова кругом идет, и снова спать хочется. Душно здесь. И запахи эти...

– Думаю, дело не в духоте и не в ароматах. Скорее всего, через несколько часов к тебе вернется прежний облик. Эти старинные уандукские зелья чем плохи – похмелье от них хуже, чем от джубатыкской пьяни, почти от всех. Поехали, действительно, пока ты на ногах держишься.

В амобилере я уже не сидел, а лежал. Думаю, Шурф был прав, все дело в этой Кобиной микстуре. По крайней мере, во рту у меня снова появился привкус серы и груш, а мышцы болели так, словно я дюжину дней не вылезал из тренажерного зала. Хотя, казалось бы, с чего?

– Что, плохо дело? – сочувственно спросил Шурф. – Ничего, потерпи. Не слишком высокая плата за неосмотрительность. И как у тебя ума хватило из чужих рук неизвестное питье принимать? Ты же не мог знать, как оно на тебя подействует. После супа Отдохновения и убившего тебя приворотного зелья мог бы быть осторожнее!

– Не мог, – огрызнулся я. – Если бы мог, то и был бы, неужели непонятно?

– Да, действительно, – согласился мой друг. И, немного помолчав, добавил: – Если станет совсем скверно, скажи. Отвезу тебя к Джуффину. Для борьбы с уандукскими зельями моих знахарских познаний, боюсь, недостаточно.

– А если просто в меру паршиво?

– Тогда как-нибудь потерпишь. Случались с тобой вещи и похуже. Скажешь, нет?

Он был совершенно прав, как всегда.

Ехать к Джуффину, хвала Магистрам, все-таки не пришлось. Мышцы болели, голова кружилась, перед глазами плясали цветные круги, а к горлу подступала тошнота – но и только. Я даже из амобилера выйти смог. И по лестнице в кабинет Шурфа кое-как поднялся. Но уж там рухнул на одеяла и лежал не двигаясь, наслаждался полным покоем. Даже от обеда отказался наотрез, лишь бы не нужно было шевелиться. Хватит уж!

Пока я валялся, Лонли-Локли сортировал покупки, сверяясь с какими-то своими записями. Кажется, остался доволен.

– Макс, а мы можем воспользоваться твоей кухней? – вдруг спросил он. – Я имею в виду кухню Мохнатого Дома. Припоминаю, ты неоднократно высказывал намерение избавиться от слуг, в том числе и от поваров. Теперь там пусто?

– К сожалению, это оказалось не так-то просто. Не забывай, в Мохнатом Доме живут Хейлах и Хелви. Хотя и отставные, а все-таки царицы народа Хенха. Им-то слуги нужны позарез. Леди Сотофа, насколько я знаю, уже научила девчонок таким чудесам, что нам с тобой и во сне не снились, однако приготовить себе завтрак эти красотки все еще не способны. Или просто не хотят..

– Это все чрезвычайно интересно, – вежливо сказал Шурф. – Но я хотел выяснить, сможем ли мы воспользоваться твоей кухней. И все.

– Нет проблем. Пошлю зов девочкам, они выставят из Мохнатого Дома поваров и всех прочих слуг. И сами отправятся гулять, если понадобится. Хотя до утра. Я редко их о чем-то прошу, вернее, вовсе никогда. Но раз в жизни можно – учитывая обстоятельства.

– Вечно ты перегибаешь палку, – вздохнул Лонли-Локли. – Не нужно юным леди бродить по улицам до утра. Вполне достаточно, если на закате для нас освободят кухню. Что будет происходить в других комнатах дома, не имеет значения – при условии, что у твоих домочадцев хватит благоразумия не нарушать наше уединение.

– Ладно, – примирительно сказал я. – Сейчас договорюсь с Хейлах. Ее благоразумия хватит на что угодно, не сомневаюсь. А потом усыпи меня, если тебе не трудно, ладно? Утром у тебя превосходно получилось. Может, проснусь уже взрослым...

– Ну, это как раз вряд ли, – осадил меня сэр Шурф. – Взрослым ты проснешься хорошо если лет через сто, да и то, по правде сказать, сомневаюсь. А вот твой рост, похоже, скоро станет прежним. И переживать такие метаморфозы действительно лучше во сне, тут ты абсолютно прав.

Проснулся я уже в сумерках. Некоторое время неподвижно лежал, пытаюсь понять, на каком я свете. Новости из недр организма мне скорее нравились, чем нет: я чувствовал себя если не хорошо, то сносно. Мышцы все еще слегка ныли, но по сравнению с давешними муками это была сущая ерунда. Зато выданные Кобой шелковые штаны теперь едва закрывали колени: я, надо понимать, снова вырос, хвала Магистрам! Я-то в глубине души опасался, что, несмотря на все Кобины обещания, останусь маленьким навсегда. Вот был бы номер! Этаким Питер Пэн из Тайного Сыска, все мятежные Магистры плачут от умиления и бегут в лавку за конфетами...

В связи с благополучным возвращением прежнего облика мне срочно требовалась нормальная человеческая одежда, но взять ее было негде, а попросить о помощи некого: сэр Шурф опять куда-то запропастился. Я, конечно, мог послать ему зов, но решил сперва спокойно выпить кофе. И съесть, что Щель между Мирами пошлет. И закурить – наконец-то! Повзрослевшее тело сразу же вспомнило все свои прежние привычки, и теперь каждая его клеточка истошно вопила, требуя кофеина и никотина – хорошо хоть, не большой и чистой любви. В этом вопросе я сейчас не смог бы ему помочь. А вот извлечь из Щели между Мирами чашку капучино и пачку сигарет – запросто. Все-таки я невероятно могущественный колдун, сам иногда поражаюсь.

Лонли-Локли вернулся через полчаса, когда я как раз лениво размышлял, что следует сделать раньше: послать ему зов или все-таки раздобыть и опустошить третью по счету чашку кофе.

– Как ты себя чувствуешь? – с порога спросил он.

– Немного хуже, чем превосходно. Но лучше, чем просто нормально, – отрапортовал я. – Еще бы роскошь эту сменить на нормальную человеческую одежду, совсем было бы распрекрасно. – И я выразительно помахал перед его носом драной полрой лоохи из Кобиных сундуков.

– Рад, что одежда – твоя единственная серьезная проблема, – ответил Лонли-Локли. – Правда, помочь тебе будет не так-то просто. Мои вещи тебе все равно велики. А одежда Хельны, напротив, мала.

– Ничего, мне бы только до Мохнатого Дома доехать. Потому что в таком виде я даже ночью и в амобилере на улице показаться не рискну. Смотри, какой я теперь модник!

И я поднялся во весь рост, чтобы дать ему возможность оценить мою несказанную красоту. Заодно убедился, что тело окончательно обрзумилось и решило больше меня не мучить. Вот и молодец, сразу бы

так.

Сэр Шурф глядел на меня во все глаза, куда только девалась его обычная невозмутимость! Впрочем, зрелище того стоило. Засаленные куманские штаны, короткие и широкие, теперь сидели на мне как пышная мини-юбка; куцая ташерская куртка больше не прикрывала пупок. Драное шимарское лоохи едва достигало колен, черно-желтый наряд жены Шурфа был ненамного длиннее и чрезвычайно эффектно дополнял мои лохмотья.

– Я прекрасен, правда? – гордо спросил я.

Лонли-Локли молча меня разглядывал. Могу его понять, я бы и сам на его месте паялся во все глаза. Когда еще такое увидишь.

– Пойду поищу тебе что-нибудь, – наконец сказал он. – Ты совершенно прав, Макс, даже ночью и в амобилере все равно не стоит.

– А кстати, где тебя опять носило? – бесцеремонно спросил я, усаживаясь за рычаг амобилера. – Пока я спал, что-то стряслось? И Джуффин попросил тебя вернуться в Дом у Моста?

– Нет, что ты. Ходил в библиотеку, еще раз перечитал всю литературу, связанную с Обменом Ульвиара. Законспектировал некоторые нюансы, которые недостаточно твердо усвоил. На обратной дороге заехал в Канцелярию Тайных Волеизъявлений, составил завещание...

– Завещание?! – в ужасе переспросил я. Почему-то шепотом.

– Ну да. А что здесь необычного? У меня есть определенные обязательства перед Хельной. Когда я предложил ей стать моей женой, я честно предупредил, что из меня вряд ли получится такой спутник жизни, рядом с которым можно спокойно состариться. Во-первых, у меня довольно опасная работа, а во-вторых, неизвестно, когда мне придется расстаться с нынешней маской по имени сэр Лонли-Локли и кто, собственно, придет ему на смену. Но я твердо обещал, что, как бы ни сложились обстоятельства, ей до конца жизни не придется испытывать нужду. Для многих поэтов это, знаешь ли, довольно важно. У них, по правде сказать, не самая прибыльная профессия – времена, когда Короли осыпали сокровищами всякого, кто способен дельно срифмовать более двух строчек, давно миновали...

– С этим-то все ясно, – отмахнулся я. – Но почему ты отправился писать завещание именно сегодня? Перечитал эти грешные рукописи и понял, что Обмен Ульвиара – более опасная затея, чем тебе казалось?

– Сам по себе обмен? Нет, не беспокойся, я по-прежнему не думаю, что этот ритуал опасен. Быть тобой – вот это действительно опасная затея. Я уже не раз говорил тебе, как меня удивляет тот факт, что ты до сих пор

жив. И радуется, конечно, но сейчас не о том речь. Просто нет никаких гарантий, что я окажусь столь же удачлив.

Я озадаченно умолк. Вот уж никогда не думал, что сэр Шурф Лонли-Локли хоть чего-нибудь опасается. И уж тем более я не мог предположить, что самой опасной вещью на свете ему представляется такой пустяк, как пребывание в моей шкуре. Подумаешь, горе! Я каждый день в ней живу, и ничего. Вроде бы.

В Мохнatom Доме было как никогда тихо и пусто. В окнах второго этажа, впрочем, горел свет. Хейлах и Хелви, как я понимаю, засели наверху, не желая нам мешать. И Друппи там же заперли, чтобы не крутился под ногами с радостным лаем. И кошек с ним за компанию. А вот куда они дели слуг – загадка. То ли просто отпустили гулять, то ли превратили во что-нибудь малогабаритное и неподвижное. Я же действительно не знаю, чему их там леди Сотофа успела научить...

Пока я оглядывался по сторонам, Лонли-Локли проследовал напрямик на кухню. Корзинку с закупленной на Сумеречном рынке чертовщиной он на сей раз нес сам, не стал меня навьючивать. Все-таки хорошо быть взрослым!

– Твоя кухня очень скверно оборудована, – с упреком заметил сэр Шурф, завершив беглый осмотр кухонной утвари. – Хуже дворцовой, честное слово!

– Надеюсь, ты понимаешь, что закупкой этого барахла занимался не я? Когда меня упросили стать царем кочевников, Его Величество любезно отправил в Мохнатый Дом каких-то специальных полезных людей, которые занимались обстановкой и доставкой всего необходимого.

– А, ну если кухней занимались королевские придворные, тогда ничего удивительного, – высокомерно сказал мой друг. – Это самое слабое место династии Гуригов. У первого из них были весьма непритязательные, можно сказать деревенские вкусы, а когда на трон взошел следующий Король, незатейливые предпочтения его предшественника уже были объявлены нерушимой традицией. И никому из наших монархов не хватило духа эту традицию изменить. Даже покойному Гуригу Седьмому было легче развязать столетнюю войну против всех, изгнать из Ехо несколько тысяч мятежных колдунов и одним махом изменить весь жизненный уклад Соединенного Королевства, чем перевоспитать собственных поваров и церемониймейстеров. Возможно, Его Величество Гуриг Восьмой когда-нибудь в будущем проявит твердость и исправит положение. Но пока он этого не сделал, доверять его придворным обустроить свое жилье –

недопустимое легкомыслие. Как же это на тебя похоже, сэр Макс!

Я невольно улыбнулся. Все-таки я обожаю иметь дело с Шурфом Лонли-Локли. Никогда не знаешь, на каком повороте его занесет. Единственное, в чем можно быть уверенным, – что удовольствие получишь по полной программе. И еще немножко сверх нормы, чтобы жизнь медом не казалась.

– Ты лучше скажи по-человечески: тебе чего-то не хватает для работы? – спросил я. – Тоже мне беда. В Ехо, хвала Магистрам, можно достать все что угодно, в любое время суток. Хочешь, pošлю зов в ближайшую лавку?

– Да нет, пожалуй, не стоит, – вздохнул Лонли-Локли. – Для работы мне понадобятся два котла, несколько кувшинов, ступка, пест и скалка. Все это у тебя, хвала Магистрам, имеется.

– Ну и чего ты тогда ворчишь? Устал уже от моей бестолковости? Прости, дружище. Зато, говорят, я смешной. И вероятно, именно в этом секрет моего убийственного обаяния, которое действует на всех, кроме тебя.

– Нет, сэр Макс, ты тут ни при чем. И разумеется, я от тебя не устал. Прости, если тебе так показалось. Дело совсем в другом. Я совершенно не ожидал, что сегодня вечером столкнусь с неразрешимой этической проблемой. А ведь мог это предвидеть.

– Чего-о-о? – изумленно проблеял я. Лонли-Локли молчал. Мне показалось, он собирается открыть мне некую чрезвычайно страшную тайну, но никак не может решить, достоин ли я стать ее хранителем.

– Видишь ли, – наконец сказал Шурф, – вот уже сорок три с половиной года я являюсь одним из восемнадцати постоянных членов закрытого Кулинарного клуба. Это тайное общество, о его существовании осведомлен очень узкий круг – сами участники, лучшие повара Соединенного Королевства и еще несколько чрезвычайно влиятельных персон, чье негласное покровительство нам совершенно необходимо.

– Но ты же не повар, – жалобно сказал я. – Ты – Тайный сыщик, Мастер Пресекающий Ненужные Жизни. Какой, к чертям собачьим, Кулинарный клуб? Ты в кои-то веки решил меня разыграть? Очень вовремя, нечего сказать!

– Разумеется, я не профессиональный повар, – важно подтвердил Шурф. – Это – основное требование к членам клуба. Нам нельзя зарабатывать кулинарным искусством на жизнь. Готовить и дегустировать можно только для собственного удовольствия. Собственно, даже дома я занимаюсь этим крайне редко: нет времени, да и условия неподходящие.

Нельзя применять Очевидную магию высоких ступеней, а без нее ни один повар не может достичь вершин. Зато заседания нашего клуба проходят в одном из тайных подвалов Ордена Семилистника, и уж там-то разрешено колдовать вволю. Хорошо известный тебе сэр Кима Блимм является почетным председателем клуба; именно он и выхлопотал для нас разрешение.

У меня голова шла кругом. Сэр Шурф, похоже, и не думал меня разыгрывать. Он был смертельно серьезен. Как никогда.

– Ладно, – вздохнул я. – Все это просто замечательно. Но я по-прежнему не понимаю, откуда взялась эта твоя якобы неразрешимая этическая проблема? Я же не прошу тебя приготовить мне ужин. И заметь, не предлагаю денег за эту услугу. Так что все в порядке.

– Устав Кулинарного клуба запрещает его членам работать на кухне, оснащенной менее чем семьюдесятью восемью соответствующими инструментами. А у тебя их всего сорок три, – печально сказал Шурф. – Я сам принимал деятельное участие в составлении минимального списка необходимых предметов. Если я соглашусь работать в таких неподобающих условиях, мне придется покинуть клуб, что, честно говоря, очень нежелательно. А скрывать от коллег этот неблагоприятный поступок будет непорядочно. В то же время мы с тобой не можем тратить драгоценное время на поиски другой кухни. Неразрешимый конфликт интересов. Не знаю, что и делать.

Мой друг был в отчаянии – насколько это вообще возможно в его случае.

– Но ты же не еду готовить собрался, – хладнокровно заметил я. – Какие проблемы?

– Не имеет значения, что я собрался готовить, – твердо сказал Лонли-Локли. – Важно, что я буду работать на этой кухне и использовать кухонные инструменты. Этого достаточно.

Тут одно хорошо. Столкнувшись с непреодолимым препятствием, я обычно незамедлительно приобретаю все качества, необходимые для того, чтобы смести это самое препятствие со своего пути и устремиться вперед, к цели, которая начинает казаться мне вожденной. Могу быть хитрым, изворотливым, безжалостным и неутомимым, – да что там, я мир способен перевернуть с ног на голову, если окажется, что это единственный способ устранить помеху, – а что ж, пусть себе летит в тартарары кверху тормашками.

Вот и теперь так вышло. До сих пор я вовсе не был уверен, что действительно хочу по уши вляпаться в этот невнятный мистический

эксперимент. Если бы предложение исходило не от Лонли-Локли, который словно бы специально создан предусмотрительной природой для витья из меня веревок, я бы, пожалуй, как-нибудь отвертелся. Ну разве что еще сэр Джуффин Халли мог бы втянуть меня в столь сомнительное предприятие, но Джуффин, ясно, особый случай, с его легкой руки я даже на тот свет отправиться однажды согласился^[22].

Это я все к тому, что только теперь, когда сэр Шурф неожиданно затормозил, я вдруг решил, что этот его Обмен Ульвиара необходим мне как воздух. Единственный способ быстренько найти неуловимого Магистра Хаббу Хэна и вернуть свою жизнь в нормальную колею. Ну и сама по себе возможность оказаться в шкуре сэра Шурфа Лонли-Локли и узнать все его тайны – кто бы мог подумать, что со мной такое однажды случится?! Уникальный шанс, другого не будет.

И я тут же нашел способ уладить дело – кто бы сомневался.

– Видишь ли, – вкрадчиво сказал я, – честность, конечно, дело хорошее. Но ты при всем желании не сможешь сообщить членам клуба о своем проступке. Это же не наши с тобой приватные развлечения, а часть работы. И ты лучше меня знаешь, что разглашение служебных секретов недопустимо.

Сэр Шурф поглядел на меня с заметным интересом.

– Я, конечно, понимаю, что тобой в данном случае движет исключительно любопытство, вернее, страсть к новым знаниям, – продолжил я. – Но это просто удачное совпадение. На самом деле ты сейчас пытаешься спасти Соединенное Королевство от серьезной опасности. То есть от меня. А меня, государственного служащего высшего ранга, соответственно, от многолетнего изгнания. Неужели ты собирался выболтать все это своим товарищам по Кулинарному клубу? Не узнаю тебя, дружище.

– Да, действительно, – с явным облегчением сказал Лонли-Локли. – Конечно ты прав. Сам не знаю, что на меня нашло. Все же это поразительно, сэр Макс! Иногда ты становишься на удивление рассудительным. Не так уж часто, но всегда вовремя, надо отдать тебе должное.

Я снисходительно пожал плечами.

– А что прикажешь делать, когда окружающие меня мудрецы вдруг выходят из строя? Давай, сэр Шурф, не тяни. Было бы неплохо совершить этот грешный обмен, пока мне действительно хочется. А то ведь через полчаса снова начну терзаться сомнениями, ты меня знаешь.

– Постарайся продержаться хотя бы часа два, – попросил Лонли-

Локли. – Для этого ритуала требуется долгий подготовительный процесс, и я не могу его ускорить. Сделать по всем правилам Свечу Фиттеха ненамного легче, чем испечь пирог Чакката, уж поверь мне на слово.

– Ладно, буду держаться, если так, – вздохнул я. – Хочешь, добуду тебе кофе из Щели между Мирами? Впрочем, кофе ты, кажется, не слишком любишь. Ну тогда чаю. По дороге в графство Хотта он тебе, насколько я помню, понравился^[23].

– Да, очень, – подтвердил Шурф. – И я бы не отказался освежить впечатления.

Так мы и проводили время. Шурф работал в поте лица – толк что-то в ступе, гремел котлами, кидал в кипящую воду невнятные куски неизвестно чего, месил и раскатывал скалкой крутое черное тесто. А я пялился на него во все глаза, нервно курил одну сигарету за другой и добывал напитки из Щели между Мирами.

Когда я наконец решил, что теперь так будет всегда – ну, подумаешь, застряли два хороших человека в довольно скучном моменте времени, как мошки в капле смолы, с кем не бывает, – Шурф наконец разогнул спину и отправился мыть руки. Я понял, что дело сделано, и чуть не умер на месте, не то на радостях, не то от страха, сам не мог разобраться.

– Пожалуйста, запри дверь, – сказал Лонли-Локли. – А потом отправь зов кому-нибудь из обитателей этого дома, к примеру леди Хейлах, и еще раз настоятельно попроси, чтобы никто не вздумал заходить на кухню, пока мы тут находимся. Я знаю, что ты уже с нею говорил, но в таком деле лучше не поспустить на предупреждения. Понятия не имею, что будет, если кто-нибудь нарушит наше уединение в ходе Обмена Ульвиара. И это тот редкий случай, когда я не готов получить ответ на вопрос опытным путем.

– Вот так? – удивился я.

– Вот так.

Я посмотрел ему в глаза, содрогнулся и пошел запирать двери и окна. Так проникся важностью своей миссии, что даже кухонные шкафы закрыл на всякий случай. Мало ли что оттуда может выскочить в самый неподходящий момент.

Стенографические записи моих кратких, но эмоциональных переговоров с леди Хейлах и Хелви (я решил не рисковать и предупредить обеих) могли бы украсить любой учебник по психиатрии. «Значит, ты поняла, что на кухню заходить нельзя ни в коем случае? Хорошо. А ты поняла, что на кухню ни в коем случае нельзя заходить не только тебе, а

вообще никому? Очень хорошо. А что ты сделаешь, если тебе покажется, что кто-то все-таки решил зайти на кухню? Ты уверена, что сможешь этому помешать?» – и все в таком духе. Думаю, еще немного, и бедняжки просто сбежали бы из дома. На улицу или даже на родину, в Пустые Земли, лишь бы подальше от внезапно обезумевшего меня. Но, забегаю вперед, скажу, что все-таки обошлось.

Сэр Шурф тем временем установил на полу огромное блюдо из светлого металла и водрузил на него результат своих кулинарных усилий. Онный результат являл собой бурый конус; диаметр основания превосходил размером среднестатистическую тарелку, а высота почти достигала полуметра.

– Иди сюда, – позвал он меня. – Свеча Фиттеха готова. Ты уже все запер? И всех предупредил? Хорошо. Тогда садись напротив.

– А что нужно делать? – спросил я. – Ты же меня совершенно не подготовил!

– Достаточно того, что я подготовил себя. Тебе ничего не нужно делать, просто сиди спокойно. Впрочем, это, пожалуй, невыполнимое требование. Ладно, тогда просто сиди и помалкивай. Заклинание я произнесу сам, нет никакой нужды читать его хором.

– И хвала Магистрам, – вздохнул я. – А то непременно сбился бы... Слушай, дружище, давай-ка скорее, ладно? А то у меня руки дрожат и в глазах темно. Самому тошно быть таким трусом.

– Испытывать страх естественно для человека, – пожал плечами Лонли-Локли. – Важно, что страх понуждает тебя торопить события, а не оттягивать их, сколько возможно. Такое поведение, строго говоря, обычно и называют храбростью. Поэтому не возводи на себя напраслину.

– Спасибо, – вздохнул я. – Вечно с тобой так: когда мне кажется, что я веду себя наилучшим образом, ты ворчишь и бубнишь. А когда я сам себе противен, ты вдруг объявляешь, что все правильно, так и надо... Никогда тебя не пойму!

– Ну почему же, поймешь. И очень скоро, – флегматично возразил Шурф. – Буквально с минуты на минуту, если найдешь в себе силы хоть немного помолчать. Ты готов?

Я хотел было в кои-то веки поступить честно: отрицательно помотать головой, завизжать и выскочить на улицу, пробив головой оконное стекло. Но вместо этого молча кивнул. Все как всегда.

Тем временем Лонли-Локли особым образом прищелкнул пальцами – это немудреное искусство, всего-то вторая ступень Черной магии, заменяет жителям Ехо зажигалки, – и вершина конуса вспыхнула ярким лиловым

пламенем. Шурф поспешно задул огонь; теперь конус тлел, источая совершенно незнакомый мне запах, сладкий и тревожный, как аромат сентябрьской ночи. Другое дело, что сентябрьская ночь, наполненная таким ароматом, могла бы наступить только в каком-нибудь ином, необитаемом мире, где нет места ни людям, ни цветам, ни деревьям, а сентябрь, тем не менее, все-таки есть.

– Собственно, это и есть так называемый Аромат Тени. Древние медицинские трактаты уверяют, что ни одна Тень не может устоять перед этой приманкой, особенно если поймет, что угощение предназначено именно для нее – первое из заклинаний представляет собой своеобразное приглашение к столу на понятном всякой Тени языке... А вот людям запах Свечи Фиттеха редко бывает по душе. Надеюсь, тебе он не внушает отвращения?

Я покачал головой, всем своим видом показывая, что дело обстоит ровно наоборот.

– Это хорошо. Тогда, пожалуйста, подвинься поближе. Чем больше дыма ты вдохнешь, тем быстрее случится Обмен Ульвиара. И постарайся сосредоточиться. Вдыхай аромат, смотри на меня и слушай мой голос. Это все, что от тебя требуется.

Я улыбнулся краешком рта и кивнул, давая понять, что усвоил инструкцию и твердо намерен ее исполнить.

– Что ж, позволю себе пожелать нам обоим удачи. До встречи, сэр Макс.

Это прозвучало так обыденно, словно мы собрались разойтись по своим комнатам и разложить там по пасьянсу. Оно и хорошо; оценить и даже переоценить важность момента я вполне мог без посторонней помощи.

– Хаахха бен хха, ахха аллес хха, бахха...

Я уже добрые четверть часа слушал эту благозвучную, с присвистом и придыханием белиберду и созерцал строгое, серьезное лицо своего друга. Язык заклинания не был похож на повседневную речь – то есть вообще ни малейшего сходства, даже звуки совсем иные. Казалось, он был создан существами, у которых голосовые связки устроены совершенно иначе, поэтому слова им приходится не произносить, а выдыхать, выдувать, высвистывать. Но сэр Шурф, надо отдать ему должное, отлично справлялся.

К аромату благовонного конуса я успел привыкнуть настолько, что почти перестал его замечать. Ужас перед незнакомым обрядом как-то

незаметно ослаб, а потом и вовсе куда-то подевался. Теперь я испытывал только нетерпение, смешанное с некоторым недоверием – да полно, сработает ли это грешное заклинание хоть когда-нибудь? Мало ли что за рукописи читал Лонли-Локли. А вдруг в старину обитатели этих мест всю сочиняли фантастические романы и прочую беллетристику, а бедняга Шурф, жертва погони за тайным знанием древних, принял все за чистую монету? Ему же только траченный временем свиток покажи, и от критического мышления даже следов не остается.

Такой исход показался мне не только досадным, но и забавным. Я представил себе, как мы, два взрослых, серьезных дурака, будем сидеть на кухонном полу до рассвета или еще дольше – сутки, двое, пока в обморок не грохнемся от переутомления... Впрочем, нет, в обморок грохнусь только я, и железному Шурфу придется в очередной раз спасти мою жизнь, бессмысленную, но драгоценную, как безделушка из ювелирной лавки.

Нет, а действительно интересно, думал я, что мы будем делать, если поймем, что заклинание не работает? И самое главное, в какой момент мы это поймем? Сэр Шурф, насколько я его успел изучить, будет бороться до последнего. Небось тысячу раз повторит свои «хха, бахха» и только потом умолкнет, вздохнет и отправится в библиотеку изучать рукописи, искать, что было сделано не так. Или вовсе никогда не умолкнет и не вздохнет, а будет долдонить свое до скончания века, отказываясь признать поражение? А что, это было бы на него похоже.

И вдруг мне стало совершенно ясно, что «долдонить до скончания века» – это как раз очень правильный подход к делу, единственно верное решение. Если уж доверился древним рукописям и своему искусству, сдаваться нельзя. Не потому даже, что никто не может предсказать, каковы будут последствия незавершенного магического ритуала, – Магистры с ними, с последствиями, нет ничего такого, с чем не мог бы справиться могущественный человек. А просто нельзя останавливаться на полпути. Неправильно это. Можно сказать, оскорбительно для самой природы вещей.

– Ну, хвала Магистрам, все у нас с тобой получилось. Как же я устал нести эту мистическую околесицу, ты себе представить не можешь!

Сэр Шурф зачем-то грохнулся на спину, раскинул руки и рассмеялся. Выглядело это, мягко говоря, странно, особенно если учесть, что ничего забавного пока не происходило. Но я решил, что следует дать ему время. Рано или поздно сам успокоится и, наверное, объяснит свое эксцентричное поведение.

– Сэр Макс, не смотри на меня так, – потребовал Лонли-Локли. – И не

делай вид, будто ничего не понимаешь. Я, конечно, серьезный и уравновешенный человек, но уж никак не бессмысленный и бесчувственный болван, в которого ты зачем-то пытаешься превратиться. Не перегибай палку!

Его голос словно бы повернул во мне какой-то невидимый переключатель, и я внезапно оказался в самом центре бури, вернее, в месте столкновения великого множества внутренних бурь.

Ярость ослепляла меня, гнев опьянял, желание немедленно разделаться с насмешником подкреплялось пониманием, что с этой задачей я сейчас справлюсь без труда; впрочем, одновременно я испытывал к нему самую искреннюю симпатию – ишь ты, задирает меня, а ведь прекрасно знает, с кем имеет дело. Нелепый, невыносимый, но храбрый и забавный человек, такого хорошо иметь в друзьях, так что я правильно поступил, когда с ним связался. Жаль только, что теперь не принято скреплять дружеские узы по древнему обычаю и мне пока не довелось попробовать на вкус его кровь. Вот это – действительно большое упущение. Любопытный, должно быть, напиток. И чрезвычайно полезный для всякого, кто хочет накопить силу.

Это я сейчас хорошо если одну сотую обуревавших меня противоречивых мыслей, желаний и ощущений описываю. На деле все было еще круче. Как я уцелел, не взорвался в самый первый миг – ума не приложу. Все-таки я действительно живучая тварь, таких еще поискать.

А потом все стало на место. Нет, бури мои не улеглись, они, кажется, собрались бушевать вечно, просто я внезапно обнаружил в себе способность игнорировать всю эту внутреннюю смуту, как увлеченный чтением человек игнорирует шум и суету трамвайного вагона. Я прекрасно знал, как мне следует себя вести в данной ситуации, и не видел тут никаких затруднений. Сейчас мне сложно было поверить, что человек (например, я сам) может вдруг пойти на поводу у собственных эмоций или, чего доброго, настроения, вместо того чтобы подчиниться разумной необходимости. Такая же глупость, как добровольно в рабство запродаваться на одном из подпольных рынков Куманского Халифата. Если не худшая.

Рассказываю я долго, а на самом-то деле на все ушло не больше секунды. Возможно, гораздо меньше. Но это, пожалуй, была самая насыщенная секунда в моей жизни. Душевные встряски, которые в нее уместились, вполне можно было бы растянуть на несколько лет, а потом, прижимая ладони к щекам, вздыхать: «Ах, у меня была такая бурная внутренняя жизнь!»

Еще доля секунды ушла у меня на то, чтобы собраться с мыслями,

оценить ситуацию, взглянуть на себя со стороны и подивиться глубине произошедших перемен. Как и обещал Шурф, я прекрасно помнил, кем являюсь, был готов откликаться на собственное имя и наверняка мог в подробностях пересказать свою занимательную биографию, если бы это потребовалось, так что в этом смысле я, конечно же, остался собой. И, кажется, ни в каком ином.

Вместо того чтобы вступать в пререкания со своим другом Шурфом, я поднял руку, пресекая его дальнейшие попытки меня подразнить, и сказал:

– Подожди немного. Мне нужно время, чтобы освоиться в новой ситуации.

– Мне, представь себе, тоже, – объявил он, поднимаясь наконец с пола. – Очень уж все необычно. Как пьяный, даже голова кружится. Ты все время в таком кайфе живешь или только в экстремальных ситуациях? Дай-ка мне твою курительную палочку, сэр Макс. Эту, как ее... ага, си-га-ре-ту. Никаких сил нет трубку набивать!

Я укоризненно покачал головой.

– Можно подумать, речь идет о работе, требующей физических усилий. Если тебе лень набивать трубку, это можно понять. Но потрудись называть вещи своими именами. Я, конечно, безответственное трепло, но четкие формулировки мне обычно удаются. А значит, и у тебя теперь не должно быть с этим проблем, если я правильно оцениваю ситуацию.

Впрочем, я тут же понял, что зря затеял этот разговор. Надо было просто дать человеку сигарету, если уж просит. Четкость формулировок – дело хорошее, но не совсем то, ради чего мы затеяли Обмен Ульвиара. Поэтому мне следует не обращать внимания на промашки моего друга, а сосредоточиться на главном.

Лонли-Локли смотрел на меня с неподдельным изумлением.

– Ну ты даешь! – наконец сказал он. – Я что действительно такой кошмарный зануда?

– Нет, – честно признал я. – По крайней мере, не всегда. Как я теперь понимаю, гораздо реже и в меньшей степени, чем мог бы. Я же говорю, мне требуется время, чтобы привыкнуть. Приношу извинения за неуместные нотации. Вот сигарета, которую ты просил. Возьми.

Пока мы оба курили, я успел обдумать ситуацию, расставить приоритеты и сформулировать вопросы, ответы на которые требовались безотлагательно.

– Сколько у меня времени? – спросил я. – Что об этом сказано в рукописях, которые ты изучал?

– Времени у тебя навалом. Как минимум, полдня, а то и больше. Но

определенно меньше суток.

– То есть точно ты не знаешь?

– Точность ему подавай... В таких делах трудно что-то утверждать наверняка, – затараторил сэр Шурф. – Согласно одному источнику, Король Ульвиар и его знахарь пребывали под воздействием заклинания четырнадцать часов, согласно другому – что-то около семнадцати. В других документах описаны случаи, когда заклинание действовало двенадцать, тринадцать и даже девятнадцать часов. Более точного ответа на твой вопрос, увы, не существует.

– Спасибо, – прервал его я. – Ладно, будем считать, что у меня есть двенадцать часов. Теперь скажи вот что: люди, совершившие обмен, должны находиться рядом? Или, напротив, следует как можно скорей расстаться?

– Никаких особых указаний на этот счет в рукописях не было. Думаю, можно поступать как угодно.

– Ясно. Что ж, хорошо.

Мы немного помолчали. Потом я решил, что сейчас будет уместно кое-что объяснить.

– Я проявил непростительное легкомыслие, не потрудившись изучить найденные тобой документы, описывающие Обмен Ульвиара, поэтому теперь мне приходится задавать слишком много вопросов. Пожалуйста, впредь, когда все вернется на свои места, не давай мне столь безалаберно относиться к магии. Принимать участие в обряде, предварительно его не изучив, – уму непостижимо!

– Рад, что ты это наконец-то понимаешь, – ухмыльнулся Шурф. – Строго говоря, мне давным-давно следовало бы подбить тебя на эту авантюру. Сэкономил бы кучу времени и сил, которые ежедневно трачу на бесплодные попытки убедить тебя относиться к событиям собственной жизни с большей ответственностью. Хотя, по чести сказать, теперь-то я понимаю, почему ты так упорствуешь. Легкость, которую я сейчас ощущаю, – великий соблазн. Кому не понравится жить, приплясывая на кончиках пальцев от нетерпения, как хмельной танцор в начале карнавала? То-то и оно...

Он был чересчур многословен и не к месту снисходителен, но я принял это как данность. К этому моменту я уже окончательно осознал, что Лонли-Локли просто перенял мои обычные манеры, так что все замечания было бы справедливо адресовать себе, а не ему.

Что мне действительно очень нравилось в этом новом состоянии – теория совершенно перестала расходиться с практикой. Если прежде ясное

понимание, как правильно, вовсе не подразумевало, что я окажусь способен на соответствующие поступки, то теперь всякое мало-мальски полезное умозаключение немедленно претворялось в дело. Более того, я искренне не понимал, зачем вообще нужны мысли, если не в качестве руководства к действию?

В частности, стоило мне напомнить себе, что сэр Шурф не несет ответственности за свое нынешнее поведение, – и все, вопрос был закрыт, я больше не выказывал раздражения, не пытался делать ему замечания, а с холодным интересом исследователя изучал произошедшие в нем перемены. Понимал, что эти наблюдения могут принести мне немалую пользу – потом, когда я снова превращусь в очаровательное, но совершенно неуправляемое существо вроде того, что сидит сейчас напротив.

– Еще вопрос, – я снова поднял руку, привлекая его внимание. – Должны ли мы с тобой встречаться, когда действие заклинания подойдет к концу? Или все произойдет само собой, даже если мы будем находиться в разных местах?

– Во всяком случае, в рукописи, которую я изучал, совершенно недвусмысленно сказано, что Ульвиар Безликий и его знахарь Фиттех, обменявшись Тенями, рассорились и расстались. И помирились только после того, как все вернулось на свои места.

– То есть они не были рядом и тем не менее обратный обмен прошел успешно? Что ж, это хорошая новость. Было бы несправедливо заставлять тебя повсюду следовать за мной. Думаю, у тебя с самого начала были свои планы, верно?

– Не было у меня никаких планов, – признался Лонли-Локли. – Ну сам подумай, какие тут планы? Я же отдавал себе отчет, что даже предположить не могу, как буду себя чувствовать после этого обмена. И был абсолютно прав... Но теперь эти грешные планы рождаются один за другим. Даже не знаю, в каком порядке их реализовывать!

– Начни с наименее рискованных, – посоветовал я. – А самые опасные отложи на потом. В самом худшем случае ты хотя бы успеешь больше перепробовать.

– Очень дельный совет! – сэр Шурф неудержимо расхохотался и сквозь смех виновато добавил: – Нет, правда, очень дельный. Не сердись, сэр Макс. Я сейчас, можно сказать, вижу себя самого в кривом зеркале – знаешь, бывают такие детские игрушки?

– Знаю, – кивнул я. – И разумеется, не сержусь. Это теперь совсем не сложно – не сердиться. Вернее, не придавать значения тому, сержусь я или нет. Очень полезное искусство. Та самая разновидность могущества, ради

которой действительно имеет смысл разбиться в лепешку.

– Я рад, что ты это понимаешь, – вздохнул Лонли-Локли. – И сожалею, что этого теперь совершенно не понимаю я сам. Впрочем, жалеть тут не о чем, никуда это грешное искусство от меня не денется, дюжину часов спустя или чуть позже. Или это я от него никуда не денусь? Похоже, что так... Знал бы ты, как оно мне осточертело!

Я поглядел на него с неподдельным интересом. Вот, значит, оно как.

– Не обращая внимания, сэр Макс, – поспешно сказал Шурф. – Это я расслабился не в меру. Говорю же, как пьяный я в твоей шкуре. Если ты всегда себя так чувствуешь, преклоняюсь перед твоим умением делать хорошую мину при плохой игре! Как бы там ни было, а со стороны ты кажешься куда более вменяемым человеком, чем я сейчас себя ощущаю.

– Ерунда какая, – отмахнулся я. – Просто я привык, а тебе в новинку. Не придавай такого значения пустякам. Лучше скажи мне, как ты собираешься распорядиться своим временем? Я отдаю себе отчет, что лезу не в свое дело, но на мне, в некотором смысле, лежит ответственность за все, что с тобой произойдет. Быть таким как я – опасное удовольствие, сейчас я это очень хорошо понимаю.

– Да ну, брось. Не сгущай краски. Ты же до сих пор цел, а в твоём расстройстве была целая жизнь, а не какая-то жалкая дюжина часов.

Лонли-Локли улыбался до ушей и всем своим видом наглядно демонстрировал намерение отправиться в ближайшую кондитерскую и не покидать ее на протяжении суток. Я очень хорошо понимал тайную подоплеку этой простодушной улыбки. Парень что-то затеял, и отвлечь его от задуманного будет, мягко говоря, непросто – если уж он действительно стал похож на меня. Еще недавно я считал бы его невинным, в сущности, лукавство колоссальной проблемой и немедленно попытался бы ее решить. Но теперь я сказал себе, что это – его личное дело и мне не следует вмешиваться. По крайней мере, пока ситуация не станет критической, а до этого вряд ли дойдет. Я влипаю в неприятности часто, но все-таки не каждый день. И сэр Шурф, скорее всего, просто не успеет.

– Ладно, – сказал я, поднимаясь. – Если так, займись своими делами. А к тебе у меня только одна просьба: не забывай, что в этом Мире существует Безмолвная речь. И о том, что я, мягко говоря, не всегда беспомощен и бесполезен, тоже помни, пожалуйста.

– Мне бы и в голову не пришло считать тебя беспомощным и бесполезным, – растерянно возразил Лонли-Локли. – Ты – самое могущественное существо из всех, с кем я знаком; по крайней мере, потенциально. И единственный человек, которого я счастлив называть

своим другом. Мне жаль, если ты этого не понимаешь.

– Теперь понимаю. И очень рад, что ты так говоришь, – откликнулся я.

Я немного покривил душой. Рад, не рад... В данный момент меня совершенно не интересовало, что он обо мне думает. Но я отдавал себе отчет, что такие слова не следует оставлять без ответа. Просто невежливо.

– Имей в виду, что нет такого дела, которое я не брошу, если тебе вдруг понадобится помощь. Или хотя бы практический совет, – на всякий случай сказал я, отпирая дверь.

– Ладно, спасибо, – ответил Лонли-Локли. – Конечно я тебя позову, если будет нужно. Но я не думаю, что...

Зная себя и прикинув, что получится, если помножить мой нрав на самоуверенность искушенного колдуна, я мог быть совершенно уверен, что этот парень сперва трижды пройдет по краю пропасти, пару раз чудом уцелеет в какой-нибудь чудовищной катастрофе, потом все-таки героически погибнет, и вот тогда-то, на пороге загробного мира, подумает, что теперь, возможно, влип достаточно крепко, чтобы позвать на помощь. Но тут уж ничего нельзя было поделаться. Только сказать себе, что в загробном мире я уже однажды был, а посему, надо думать, как-нибудь справлюсь в случае необходимости.

– Тогда желаю удачи, – я отвесил ему неглубокий, но, смею надеяться, чрезвычайно изящный поклон. – Хорошей ночи, сэр Шурф.

– Подожди, – попросил он. – Есть один момент, который ты, возможно, пока не мог оценить в полной мере. Не хочу, чтобы это стало неожиданностью.

Я обернулся, вопросительно приподнял бровь. Дескать, давай, не тяни.

– Безумный Рыбник, как я тебе уже говорил, никуда не делся, – торопливо сказал Шурф. – Он всегда со мной – а теперь, соответственно, с тобой. Справиться с ним не так уж трудно. Да ты уже прекрасно справляешься, я же вижу. Просто не забывай: разные неуместные мысли и желания, агрессивные и не только, не имеют никакого отношения к тебе. Да и ко мне, если уж на то пошло. Они уже давно не мои. Так, что-то вроде фантомных болей в ампутированной конечности – помнишь, ты же сам и рассказывал, что так бывает...

– Конечно, все это понятно, – согласился я. – Ты объясняешь вполне очевидные вещи и беспокоишься о сущих пустяках. Это не твоя вина, просто я сам таков. В любом случае спасибо, что стараешься беречь мои чувства. Но я с самого начала был готов ко всему и, честно говоря, ожидал худшего.

Он, кажется, очень удивился, но ничего не сказал. Только смотрел мне

вслед, пока я не скрылся из виду, свернув из коридора в холл.

Оказавшись на улице, я выкинул из головы мысли о грядущих приключениях и смутной будущности моего друга. Дело было сделано, я предоставил его самому себе и судьбе, а значит, беспокоиться теперь бессмысленно. Я и не стал.

Для начала я решил просто пройтись по улице, присматриваясь к себе, прислушиваясь к ощущениям и анализируя результаты наблюдений. Так юные девушки учатся ходить на каблуках, так близорукие люди привыкают к первым в жизни очкам. Подумав, что мое нынешнее положение имеет известное сходство с описанными ситуациями, я был чрезвычайно доволен и горд собой, что нашел удачную метафору. Сейчас красота формулировок казалась мне чрезвычайно важным делом – не столько результатом работы ума, сколько необходимым для его совершенствования инструментом.

Однако несколькими минутами позже я обнаружил, что мой разум несколько переусердствовал в своем стремлении создавать безупречные формулировки. Голова моя к этому моменту до краев заполнилась четкими, лаконичными, глубокомысленными фразами. Усилием воли я легко мог бы разогнать эту крикливую стаю, но такой выход представлялся мне, страшно сказать, *нецелесообразным*. Прежде я никогда не думал, что мои собственные слова, пусть даже идеальным образом составленные в предложения, могут иметь хоть какую-то ценность; теперь же я искренне полагал, что они заслуживают лучшей участи, чем забвение. Однако постоянно повторять их про себя, твердить наизусть фразу за фразой, по ходу оттачивая, шлифуя формулировки, было еще менее целесообразно.

Тогда я принялся внимательно глядеть по сторонам и довольно быстро обнаружил лавку книготорговца. Время было позднее, но книжные лавки в Старом Городе открываются после полудня и работают до рассвета. Известно ведь, что с утра людям не до чтения: у одних служба, другие отсыпаются после вечеринки, третьи спешат на рынок за снедью. Ночь – совсем другое дело. Люди скучают, у них внезапно отменяются свидания и дружеские ужины, студентам надо делать домашние задания, дети требуют, чтобы мама почитала на ночь страшную древнюю легенду, а кого-то мучает бессонница, которую без запрещенных ступеней магии так просто не исцелишь. Самое горячее время для книжной торговли.

Поэтому лавка была открыта. Будь она заперта, я бы, честно говоря, не постеснялся разбудить торговца и его домочадцев. Мне было совершенно ясно, что дело у меня чрезвычайно важное и не терпит никаких отлагательств. Но обошлось без лишних хлопот.

В лавке хозяйничала рыжеволосая дама средних лет с тонкими запястьями подростка и круглым румяным лицом всеобщей любимицы. Я отметил про себя, что женщина достаточно хороша, чтобы провести с нею ночь, но не настолько, чтобы ее съесть. Отметил – это значит, что какую-то долю секунды меня натурально раздирали противоречивые стремления, я метался между возжелением и брезгливостью, не в силах остановиться на чем-то одном. Очевидно, это и были те самые неуместные мысли и желания Безумного Рыбника, от которых предостерегал меня Шурф. Он не взял в расчет, что обретенная вдруг возможность подчинить себе внутренний хаос, отстраниться от него и хладнокровно игнорировать всякую душевную бурю, как бы она ни бушевала, впечатлит меня куда больше, чем самые дикие и темные страсти.

– Мне нужна тетрадь, – сказал я.

– Тетрадь?

Рыжая явно решила, что ослышалась.

– У меня есть прекрасные самопишущие таблички, – защебетала она. – Совсем новые, из белой лохрийской глины, легкие и вместительные.

Я немного подумал, прислушался к себе и решил, что ее предложение мне не подходит. Самопишущие таблички – дело хорошее. Но для избавления от докучливых формулировок мне требовался привычный способ письма.

– Нет, нужна именно тетрадь. Чистая тетрадь из обыкновенной бумаги. И...

На этом месте я запнулся, поскольку понял, что так привык к волшебным самопишущим табличкам, что до сих пор толком не знаю, как в Ехо обстоят дела с прочими письменными принадлежностями.

– Карандаш, перо, все что угодно, – наконец сказал я. – Что-нибудь, чем можно писать на бумаге.

Рыжая озадаченно нахмурилась. Задумчивость была ей к лицу, и я великодушно решил, что съесть ее, пожалуй, тоже было бы приятно и полезно. По крайней мере, в определенных обстоятельствах.

Как ни странно, после этого умозаклочения моя внутренняя буря окончательно утихла; теперь я был спокоен и собран не вопреки ей, а просто так.

– У меня нет бумажных тетрадей, – наконец призналась рыжая. – Но у брата антикварная лавка, тут, по соседству. Вы можете к нему зай...

Я не стал спорить, а лишь адресовал ей строгий взгляд, преисполненный вежливого недоумения. Дескать, я – клиент, я уже пришел в вашу лавку и не собираюсь бегать по всему городу за нужным мне

товаром. Ваше дело предоставить мне необходимое, а мое – заплатить за вашу расторопность любую цену, которая покажется мне разумной.

К счастью, мне не пришлось говорить это вслух. Рыжая сама все поняла, умолкла на полуслове, испуганно моргнула и наконец сказала:

– Нет-нет, конечно же, я сама сбегаю и все принесу. Тем более брат, наверное, уже запер лавку. Тут рядом, я быстро, извините, что придется подождать, сейчас-сейчас...

Пока она суетливо выбиралась из-за прилавка, поправляла прическу и бочком пятилась к выходу, я хранил великодушное молчание. Помнил, что обучение этой дамы искусству сохранять спокойствие, правильно дышать и рационально двигаться не входит в круг моих непосредственных обязанностей. А значит, незачем делать ей замечания, хоть и хочется, конечно, немедленно исправить данный фрагмент картины мира, если уж во всей полноте эта грешная картина мне пока не по зубам.

Но я, повторяю, воздержался. И до сих пор чрезвычайно горд этим обстоятельством.

Рыжая вернулась четверть часа спустя, взмыленная, растрепанная и еще более возбужденная, чем перед уходом. Но в ее руках была тонкая тетрадь в синем матерчатом переплете, а в голосе звучало ликование.

– Мы нашли! Самая настоящая бумажная тетрадь из Таруна, ей лет двести, не меньше! И тарунские карандаши, они как раз подходят для этой бумаги. Один совсем новый, второй израсходован наполовину, но его я отдам за четверть цены.

– Очень хорошо, – мягко сказал я. – Спасибо. Не нужно так волноваться. Назовите вашу цену.

За ветхую тетрадь и два карандашных огрызка с меня содрали полдюжины корон – немыслимая цена. Но я не стал возражать. Когда речь идет о самом необходимом, денег не жалеют. К тому же кто ее знает, эту тетрадку, может, и правда антикварная редкость, которую ни за какие деньги не достать? Я же никогда не интересовался, где мой друг Шурф покупает свои письменные принадлежности. Думал, в любой книжной лавке есть, а оно вон как обернулось.

Поэтому я, не торгуясь, написал расписку, вернее, приложил руку к специальной самопишущей табличке, предназначенной для денежных расчетов. Прочитав мое имя и выяснив, с кем имеет дело, хозяйка книжной лавки окончательно ошалела – не то от страха, не то на радостях, я не стал разбираться. Вежливо попрощался и вышел на улицу, окончательно решив для себя, что есть ее я не стал бы ни при каких обстоятельствах. А вот переспать все-таки было бы неплохо – теоретически. Хотя...

Бедняга Шурф, как же он волновался, что некоторые его мысли и желания могут меня шокировать! Знал бы он, какая дикая чушь то и дело лезет мне в голову по тысяче раз на дню, без вмешательства всяких там Безумных Рыбников... Теперь, впрочем, надо думать, узнает. Ну и ладно. Хоть будет с кем обо всем этом поговорить, если однажды станет совсем уж неумоготу.

Разжившись тетрадью, я отправился в ближайший трактир. Ну то есть не в первый попавшийся, а в «Душистые хрестики». Во-первых, у них превосходная гугландская кухня, а во-вторых, возможность встретить там кого-нибудь из знакомых я оценивал как крайне маловероятную. Трактир открылся сравнительно недавно; леди Меламори почти случайно обнаружила его в трех кварталах от своего дома, и мы решили утаить это открытие от друзей. Все равно среди них нет любителей простой деревенской еды, а нам позарез требовался своего рода филиал собственной кухни, уютное местечко, куда можно прийти поужинать в конце трудного дня, кутаясь в домашние лоохи, сесть в самом дальнем и темном углу, тереть кулаками слипающиеся глаза, уткнуться носами в меню, и без того вызубренное наизусть, шептаться, сплетничать, целоваться украдкой и шутливо препираться из-за сущих пустяков, не рискуя при этом нарваться на собеседника, ради которого хочешь не хочешь, а будь любезен, потрудись придать лицу осмысленное выражение, а речи – связность.

Не то чтобы мы часто так поступали, всего-то раза два или три, но сама по себе возможность нас окрыляла. Мне вообще кажется, что мелкие секреты, в отличие от больших тайн, – совершенно необходимые компоненты счастливой жизни. Не обязательно всякой, но моей – пожалуй.

Все это я к тому, что «Душистые хрестики» были идеальным местом, чтобы на часок уединиться с тетрадкой и привести мысли в порядок. Заодно и поужинать, а что ж, давно пора. А потом можно приступать к поискам неуловимого Магистра Хаббы Хэна. Или не Магистра. Надо будет, кстати, у него уточнить, чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос. А то даже Джуффин не уверен, хотя, казалось бы, кому и знать, как не ему.

Я не сомневался, что нынче же ночью непременно увижу Хаббу Хэна. Я прекрасно помнил, как сильно он мне нужен, и полагал своим долгом приложить все усилия, чтобы устроить нашу встречу. Но именно долгом, не более того. В моем стремлении найти Хаббу Хэна больше не было ничего личного. Я не хотел его встретить, а просто осознавал, что это совершенно необходимо. Именно такое настроение и требовалось – если, конечно, я

правильно понял объяснения Джуффина. И если мой шеф все-таки не выдумал Хаббу Хэна в воспитательных целях. Я по-прежнему допускал такую возможность, но она больше не казалась мне ужасной. Забавной, впрочем, тоже. Мне вообще ничего не казалось сейчас забавным, и в таком подходе к делу были, как ни странно, свои преимущества. Вот уж никогда бы не подумал.

Устроившись за дальним, словно бы специально для меня поставленным на отшибе столом в «Душистых хрестиках», я быстро, не раздумывая, заказал ужин, благо был неплохо знаком с меню, и достал из кармана лоохи свои покупки. Осмотрел карандаши, остался ими недоволен, попросил у трактирщика нож, тщательно их заточил, открыл наконец тетрадь и принялся записывать.

Только перестав быть собой, получаешь шанс обнаружить себя. Хорошо, если это происходит внезапно – тем сильнее эффект, ощутимей встряска. Мне не раз доводилось слышать от сведущих, как я сейчас понимаю, людей, что наша личность – маска, карнавальный костюм. Поначалу я радовался красоте метафоры, потом отмахивался от этой идеи как от докучливой банальности. А оказалось, что это просто сухая констатация факта, более-менее точное и емкое описание подлинного положения вещей, даже в каком-то смысле инструкция. Я понял это сегодня на улице, когда разнашивал чужую личность, как новые башмаки.

И вот что любопытно. Того человека, каким я привык быть, нет и в помине, однако же наблюдаю за произошедшими переменами именно я. Только эта моя составляющая – назовем ее Наблюдатель – имеет вес и смысл, все остальное – набор карнавальных костюмов. И вольно же мне было довольствоваться до сих пор единственной сменой одежды. Какая потрясающая скупость, какая недальновидность!

Я перечитал написанное и остался доволен. Мое природное умение обращаться со словами в сочетании с глубиной и сдержанностью новой личности дало неплохой результат. Во всяком случае, я не сомневался, что эта запись будет понятна и полезна мне самому – потом, когда наш с Шурфом эксперимент благополучно завершится и мне, как всегда, захочется отмахнуться от приобретенного опыта и жить дальше как ни в чем не бывало. Уж я-то себя знаю.

Удовлетворенный результатом, я принялся за еду. Ел неторопливо, тщательно пережевывая каждый кусок – такого за мной раньше не водилось. Про себя отметил, что стряпня здешнего повара по-прежнему в

моем вкусе, но этот факт оставил меня почти равнодушным. Точно так же я мог бы сейчас употребить любую пакость и хладнокровно отметить, что ужин не удался – квалифицированное экспертное заключение, не имеющее никакого отношения к чувственным удовольствиям. Ну, скажем так, почти никакого.

Покончив с едой, я потребовал камры, аккуратно отодвинул тарелку, тщательно протер салфеткой стол, снова открыл тетрадь и продолжил писать.

Говорят, горная лисица, угодившая в капкан, бывает порой способна отгрызть собственную лапу, чтобы выбраться.

Человеку, угодившему в один из множества капканов, щедро расставленных на всяком пути, такой подвиг редко по плечу. Но если не сможешь последовать примеру лисицы, жди охотников, которые придут за твоей шкурой. Они уже в пути.

Я перевел дух и с удовольствием отметил, что записанные формулировки действительно сразу же перестали мне докучать. Еще немного, и голова моя сможет заняться более важной и полезной работой, чем бесконечное повторение собственных глубокомысленных фраз.

Если кому и нужна жертва, то лишь самому жертвователю – при условии, что он разумен и искусен.

Не самое драгоценное и необходимое приносится в жертву, а то, что лишь кажется драгоценным и необходимым, а на самом деле – лишнее. Только мешает.

Когда жертва приносится должным образом, жертвующий поступает, как искусный скульптор, отсекая все лишнее от каменной глыбы. Ваяет себя. Достойное занятие – вне зависимости от конечного результата.

На сей раз перечитать написанное я не успел, поскольку не то боковым зрением, не то и вовсе затылком углядел, что в трактире творится неладное. Прежде я бы вряд ли что-то заметил, закопавшись в писанину, но вместе с личностью сэра Шурфа мне досталась его способность полностью контролировать ситуацию. И это оказалось очень кстати – за столом у противоположной стены понемногу разгорался пожар. Скорее всего, чья-то газета вспыхнула от вылетевшего из трубки уголька.

Рассуждал я в неплохом темпе, но действовал гораздо быстрее.

Метнулся к источнику опасности с кувшином камры наперевес. Плеснул щедро, от души, рассудив, что заказ можно будет повторить, а гасить пламя следует наверняка, не жалея жидкости, даже если имеешь дело с крошечным костерком. Огонь – серьезный противник, в схватке с ним лучше переусердствовать, чем проявить хоть малейшее неуважение.

Забавно тут вот что. Унаследовав наблюдательность и замечательную реакцию сэра Шурфа, я остался при своих близоруких глазах, в этом смысле ничего не изменилось. Так что я довольно поздно понял, что выплеснул камру вовсе не в разгорающийся костер, а прямо в лицо одного из немногочисленных посетителей «Душистых хрестиков», солидного, нарядного джентльмена. Как он на меня посмотрел! До сих пор честно говоря, неловко вспоминать. Но в тот момент мне было все равно. То есть я прекрасно осознавал свою ошибку и был готов сделать все, чтобы подобное не повторилось, но обычного в таких случаях жгучего, тягостного стыда я не испытывал. И это, надо сказать, было просто спасение.

– Да, *так* со мной еще никто не здоровался, – наконец сказал пострадавший. – Бьюсь об заклад, мальчик, тебя ко мне Джуффин за зернами послал. Верно?

Мне понадобилась примерно секунда, чтобы свести концы с концами и понять, что происходит и кто, собственно, передо мной. Неплохой результат; будь я в своем обычном состоянии, минуты две блял бы нечто несусветное, глупые вопросы задавал бы, всем своим видом изображая недоумение, а после – изумление и восторг. Но на сей раз обошлось. Я сразу пришел к единственному верному выводу: передо мной сидит неуловимый Магистр Хабба Хэн, собственной персоной, мокрый и взъерошенный по моей милости. Протянул ему салфетку и сделал знак трактирщику, чтобы принес еще. Тот явился незамедлительно, с полотенцами и миской ароматной воды для умывания.

– Примите мои извинения, – сказал я, когда трактирщик удалился. – Ваше пылающее лицо сбило меня с толку, и я бросился гасить пожар.

– Догадываюсь, – улыбнулся незнакомец, с заметным интересом оглядывая свое темно-лиловое лоохи, почти безнадежно испорченное. – Обычное дело. Но как правило, человек успевает понять, в чем дело, прежде, чем встанет с места и отыщет кувшин с водой. А ты уж больно шустрый.

– Разумеется, я готов возместить ущерб, – смиренно объявил я. – Ваш костюм серьезно пострадал.

– Ерунда, – отмахнулся он. – Даже дозволенной вашими дурацкими

законами магии достаточно, чтобы вывести любое пятно. Не о чем тут говорить. Так что, тебя послал Джуффин? Я прав? Дались ему эти зерна!..

– Если вас зовут Хабба Хэн, сэр... – начал я.

– Именно так меня и зовут.

– В таком случае я действительно должен передать вам привет и поклон от сэра Джуффина Халли. Именно от него я получил совет вас отыскать. Но я не понимаю, о каких зернах речь? Сэр Джуффин ничего об этом не говорил.

– Может, и не говорил, – согласился Хабба Хэн. – Я и без того знаю, что ему от меня нужно. А для него не секрет, что я в курсе. Да ты садись, не смущайся. После такого впечатляющего знакомства вполне можно обходиться без церемоний. Считай, побратались.

Я послушно уселся напротив и принялся его разглядывать. Даже теперь, когда на смену огненному лику пришла нормальная человеческая физиономия, внешность Хаббы Хэна оставалась совершенно незаурядной. Очень смуглый, почти темнокожий, а глаза светлые, серо-зеленые, прозрачные, как озерная вода. Из-под лилового, в тон лоохи, тюрбана выглядывала соломенно-желтая коса, не такая длинная, как у нашего великого путешественника сэра Манги Мелифаро, давным-давно давшего зарок никогда не стричься, но тоже весьма внушительная. Резкие складки у рта выдавали солидный возраст и жесткий нрав, но лоб был гладок, как у младенца, и вокруг глаз ни единой морщинки. В левую ноздрю крупного, изящно вылепленного носа вдето крошечное кольцо из драгоценного металла, шею украшал ярко-красный обруч, больше всего похожий на туго затянутый ошейник. Потом мое внимание привлекли сложенные на столе руки с длинными ухоженными ногтями. Правая была такой же смуглой, как лицо, левая – бледной до синевы, как кожа подземного жителя.

Впрочем, все это не имело почти никакого значения. Важно другое – передо мной, вне всяких сомнений, сидело практически совершенное существо, напрочь лишенное обычных человеческих слабостей. Хабба Хэн был настолько собран, спокоен и безмятежен, насколько это вообще возможно. Сейчас я мог оценить это как никто. Оказавшись в шкуре сэра Шурфа, я, можно сказать, физически страдал от чужого несовершенства, как страдал бы человек с тонким музыкальным слухом на сельской свадьбе, где подвыпившие, неумелые музыканты играют вразнобой, как бог на душу положит, не позаботившись даже сговориться о том, чтобы всем играть одну и ту же мелодию. Прохожие на улице, рыжая красотка в книжной лавке, трактирщик и немногочисленные завсегдатаи «Душистых хрестиков» – все они о чем-то беспокоились, беспричинно суеились,

неправильно двигались и неритмично дышали. Если бы не способность отстраняться от собственных переживаний, я бы, пожалуй, совсем извелся, а так ничего, только на ус мотал, запоминал, как мы все, оказывается, выглядим с точки зрения сэра Лонли-Локли, который, между прочим, носит белые одежды Истины – не зря, ох не зря...

Что же касается Хаббы Хэна, находиться рядом с ним было настоящим блаженством. Как сытого, довольного жизнью кота на коленях держать, если кто понимает, о чем я толкую. Только эффект гораздо сильнее, во всех отношениях.

– Вообще-то сэр Джуффин Халли рекомендовал мне вас как целителя, – наконец сказал я. – Разумеется, я не стал бы по собственной инициативе просить вас об услуге, но сэр Джуффин сказал что это происходит как бы само собой, достаточно вашего взгляда...

– Вот уж чем никогда не баловался, так это знахарством, – перебил меня Хабба Хэн. – Но с тобой и без того все вроде бы в полном порядке. И от чего же, интересно, тебя требуется исцелить?

Я не стал полагаться на собственное дилетантское понимание ситуации, а слово в слово повторил диагноз, поставленный мне шефом.

– Моя основная проблема – исключительная неуравновешенность на фоне колоссального могущества.

– В данный момент я вижу перед собой чрезвычайно уравновешенного молодого человека, – заметил Хабба Хэн. – Насчет могущества не знаю, Джуффину видней. Но с самообладанием у тебя все в полном порядке. Никаких проблем.

– Вы правы, – согласился я. – Но это временное явление. Для того чтобы встретиться с вами, мне пришлось произвести Обмен Ульвиара с человеком, чья внутренняя дисциплина выше всяких похвал. Вы знаете, о чем речь, или мне следует дать подробные объяснения?

– Знаю, знаю, – отмахнулся Хабба Хэн. – Забавный фокус. И весьма небесполезный. Одно из многих незаслуженно забытых достижений древности. Но это ничего не меняет.

Я хотел возразить, но сдержался, лишь вопросительно приподнял бровь. Решил, что такое выражение заинтересованного несогласия вполне допустимо.

– Ты, конечно, как говорится, «вошел чужими воротами» – не ты первый, не ты последний, поверь. Но это, повторяю, ничего не меняет. Если уж можешь, то можешь, – пояснил Хабба Хэн. – И сегодня, и завтра – всегда. Другое дело, то, что сегодня легко, завтра может оказаться очень трудно. Но все равно возможно. Опыт – единственное имущество, которое

никуда от тебя не денется.

Я поразмыслил и решил, что он, пожалуй, прав. Тот самый *Наблюдатель*, о котором я только что писал в тетрадке (строго говоря, он сам и писал), всегда останется при мне, поскольку он – и есть настоящий, единственный и неповторимый я, который никуда не денется, что с собой ни твори, хоть каждый день Тенями и личностями меняйся с кем ни попадая. А проблемы с эмоциональной неуравновешенностью испытывал явно не он. То есть, выходит, не я. И это хорошая новость.

– Вижу, ты меня понимаешь. Славно, что так. Добрый совет – единственное, чем я могу тебе помочь, – заключил Хабба Хэн. – Сроду не был знахарем и никого не исцелял – ни взглядом, ни оплеухами, ни Кристаллами Смирения. Не знаю, чего там наобещал тебе мой добрый друг Джуффин, но подозреваю, врал напропалую, как всегда.

– Вероятно, у него были на то серьезные причины, – рассудительно предположил я.

В общем-то, не могу сказать, что поведение сэра Джуффина Халли казалось мне сейчас образцовым, но чувство долга было превыше личных обид, а оно велело мне всеми силами защищать репутацию непутевого шефа.

– Разумеется, у него были причины, – неожиданно согласился Хабба Хэн. – Я, как уже говорил, не исцеляю от душевных хворей, не помогаю укрепить дух, обрести целостность, или как там это у вас называется... Но найти меня может только тот, кто способен проделать все это самостоятельно. Я не знахарь и не лекарство, просто встреча со мной – признак выздоровления. Думаю, Джуффин хотел проверить, так ли все с тобой плохо, как кажется. Ну и на зерна мои он рассчитывал, не без того. Не удивлюсь, если это и была его главная цель. Наш общий друг весьма к ним пристрастился.

– А что за зерна вы все время упоминаете, если, конечно, это не тайна? – любопытствовал я.

– Какая может быть тайна, если тебе придется доставить мою посылку? Но вынужден тебя разочаровать. Зерна как зерна, отличная приправа к любому блюду и камре, но ничего таинственного в них нет. Правда, до сих пор никто не удосужился придумать им название, зато у моих зерен есть кое-что поважнее, чем имя, – аромат. Джуффину очень нравится их пряный привкус, а добыть зерна непросто, растут они только на Границе.

Он так выделил интонацией слово «граница», что мне стало ясно: речь идет о чем-то большем, чем, скажем, нейтральная полоса между

Соединенным Королевством и Графством Хотта.

– Что за Граница? – спросил я.

– Просто Граница. Между «здесь» и «не здесь», если угодно. Или между «так» и «этак», между «есть» и «нет», между «сейчас» и «прежде» – как ни поверни, все будет какой-то частью правды.

Будь я сейчас в обычном состоянии, почувствовал бы себя полным болваном. И несомненно, сперва устыдился бы, а потом дал бы волю раздражению и даже гневу: что ж он, гад, надо мной смеется?!

Но, хвала Магистрам, мне наконец-то было плевать, как я выгляжу в глазах собеседника. Что меня действительно интересовало, так это Граница, о которой он толкует. Я был готов задать столько идиотских вопросов, сколько понадобится. Любой ценой добиваться объяснений, пока не пойму, о чем речь. Возможность узнать что-то новое возбудила меня куда больше, чем гибкая шея рыжей торговли книгами. И я не считал нужным подавлять эту страсть. В отличие от прочих, она казалась мне чрезвычайно полезной, потакать ей было не только приятно, но и в высшей степени разумно. Поэтому я упрямо спросил:

– Вы говорите о границе между Мирами? Или о чем-то другом? Я все-таки не понимаю.

– О чем-то другом, – согласился Хабба Хэн. – Хотя граница между Мирами – это тоже часть моей правды, высказать которую во всей полноте я не могу. Не потому, что люблю секреты, а лишь по причине скудности языка, которым мы с тобой пользуемся для общения. Даю подсказку: я и сейчас пребываю на Границе. И ты тоже, по крайней мере отчасти. Собственно, только потому и стала возможна наша встреча. Я никогда не покидаю Границу, и единственный способ встретить меня – оказаться в том же положении. Постарайся понять, на какой границе находишься ты сам, это и будет наилучшим, наиболее полным ответом на твой вопрос.

Его ответ изрядно меня озадачил. Я надолго задумался.

– Когда сэр Джуффин Халли объяснял мне, как вас найти, он говорил, я должен твердо решить, что хочу вас встретить, но при этом ничего не хотеть, – наконец сказал я. – Это и есть ваша Граница? Не место, но состояние? В данном случае – между «хочу» и «не хочу», верно?

– И это тоже, – согласился Хабба Хэн. – Причем смотри, как забавно получилось: для того чтобы решить эту немудреную, в сущности, задачку, ты был вынужден нащупать куда более труднодоступную границу – между собой и кем-то другим. И теперь ты начал понимать, что не являешься ни тем, ни иным, но чем-то третьим. Я правильно описываю твои ощущения?

– Пожалуй.

– Так вот, когда этот «третий» остается единственным персонажем, не обремененным даже тенью чужого присутствия, человек становится одним из людей Границы.

– Люди Границы? – переспросил я. – То есть вас много?

– Не сказал бы. Но разумеется, я не один. Есть и другие. Мы не нуждаемся в обществе себе подобных, но постоянно ощущаем присутствие друг друга – где-то бесконечно далеко и бесконечно давно, но в то же время – здесь, сейчас. Я совсем тебя запутал, бедный мальчик?

– Не огорчайтесь, это не ваша вина, – вежливо сказал я. – Мне известно, что некоторые вещи можно понять, только испытав на себе. Знание вообще редко дается вне личного опыта. Думаю, я вас понял – ровно настолько, насколько это вообще возможно.

– Ты правильно рассуждаешь, – согласился Хабба Хэн.

Мы помолчали. Хабба Хэн с видимым удовольствием пил заказанную мной свежую камру. А я старательно формулировал вопрос, который сейчас казался мне куда более важным, чем моя первоначальная цель. Наблюдая за собой со стороны, я заранее знал, что завтра, несомненно, сочту свое нынешнее поведение чрезвычайно забавным. Но это ничего не меняло.

Наконец я счел формулировку удобоваримой и спросил:

– Одним из вас нужно родиться или можно стать?

– Можно родиться тем, кто когда-нибудь станет одним из нас, если обстоятельства сложатся должным образом, – пожал плечами Хабба Хэн. – Но на твоём месте я бы об этом не беспокоился. Ты – часть другой тайны, столь же невыразимой и неизреченной, как моя. Не нужно быть жадным, не стоит стремиться захватить себе как можно больше диковинных судеб. Ты со своей хоть как-то совладай, вот это будет деяние, достойное героев древности! Быть тобой непросто, это видно невооруженным глазом. Но ты молодец, неплохо держишься. По крайней мере, пока. Ясно тебе?

Я неопределенно пожал плечами. Дескать, что-то ясно, что-то нет. Мы снова помолчали.

– Когда действие заклинания закончится, – неожиданно сказал Хабба Хэн, – и тебе покажется, что ты снова не справляешься с собой, просто приходи в этот трактир. Садись за столик, вспоминай, как мы с тобой тут болтали. Ты не поверишь, но такая ерунда часто работает не хуже самого могущественного заклинания. Все, что тебе необходимо, вернется само.

– С вашего позволения, этот совет я запишу. Так будет лучше.

– Конечно записывай, – кивнул он. – Поступай, как сочтешь нужным.

И я пошел за тетрадкой.

Когда я взял тетрадь и повернул обратно, никакого Хаббы Хэна за столом уже не было. Девственно чистая кружевная скатерть, без единой складки, словно за весь вечер никто ни разу не присел за этот стол.

Даже наш кувшин с камрой и кружки куда-то подевались. Зато на столе лежал маленький пакет из прозрачной бумаги. В пакете, как и следовало ожидать, обнаружились мелкие зеленые зерна; пряный запах показался мне смутно знакомым.

Нечего и говорить, что теперь, когда сам Хабба Хэн исчез, загадочные зерна с Границы казались мне чем-то вроде связующего звена, чуть ли не ключом к разгадке его невнятной, но чрезвычайно привлекательной тайны.

Некоторое время я размышлял, допустимо ли вскрывать пакет, предназначенный Джуффину. Наконец решил, что отсутствие прямого запрета в данном случае вполне можно считать своего рода разрешением. Сочетание своенравности с необходимостью беспрекословно подчиняться долгу делает ум на редкость изворотливым. К тому же пакет не был запечатан, прежний владелец просто загнул его край, чтобы зерна не рассыпались. Это укрепило меня в моих намерениях. Я аккуратно развернул бумагу, взял одно из зерен, положил в рот, раскусил и принялся тщательно пережевывать.

Ничего особенного не произошло. Втайне-то я надеялся на мгновенное озарение или на что-то в таком роде. Но пришлось обойтись без психоделических радостей. Только и счастья, что понял наконец, почему запах показался мне знакомым: загадочные зерна с Границы были очень похожи на кардамон. Возможно, впрочем, это и был самый обыкновенный кардамон – здесь, в Ехо, эта пряность в диковинку, вернее, она тут вовсе не растет. И, кажется, ни на одном из континентов этого Мира. А то непременно завезли бы – если уж даже арварохскими цацками Сумеречный рынок чуть ли не до отказа забит...

Убедившись, что откровений не будет, я спрятал пакет с зернами в карман, присел за стол и неторопливо, тщательно подбирая слова, записал в тетрадь последний совет Хаббы Хэна. А на следующей странице зафиксировал важное наблюдение над собой:

Внезапное исчезновение Магистра Хаббы Хэна посреди интересного разговора совершенно меня не огорчило (теоретически, зная себя, прекрасно понимаю, что разочарование мое должно быть велико). При этом я испытываю очень сильное недовольство, собой, поскольку не успел узнать, является ли мой собеседник Магистром какого-нибудь Ордена или это звание – просто формула вежливости, почетная приставка к имени?

Дело вовсе не в моем любопытстве. У меня никогда не было склонности всерьез интересоваться чужими званиями. Но я не осуществил принятое решение и по этой причине чувствую себя весьма скверно. Это не нравственное, а скорее физическое переживание, как будто в теле появилась небольшая, не опасная для жизни и не заметная глазу сквозная прореха. Очень интересное, но однозначно неприятное ощущение. Если таковы обычные последствия всякого неосуществленного намерения, я уже давно должен быть похож на решето.

Что ж, будет впредь наука – не принимать пустяковых, необязательных решений. А если уж позволил себе такую роскошь, будь добр, выполни задуманное любой ценой. И следует помнить, что риск показаться смешным и нелепым, докучливым собеседником, озабоченным сущими пустяками, – очень невысокая плата. Отделаться так дешево – редкая удача.

Покончив с работой, я подозвал хозяина трактира, чтобы расплатиться. И, скорее из чувства долга, чем из любопытства, спросил его, куда делся посетитель, сидевший за этим столом. Мужчина в лиловом, я его еще камрой облил, а потом попросил принести салфетки, ну же! Без особого удивления выслушал сбивчивые заверения трактирщика, что за этим столом с самого утра никто не сидел, а камру я действительно пролил, было такое дело, – хвала Магистрам, на скатерть, так что никто из клиентов не пострадал, а скатерть – что ж, отстираем, благо дозволенной законом магии вполне достаточно, чтобы вывести любое пятно.

Сговорились они все, что ли, рекламировать мне Очевидную магию в качестве идеального пятновыводителя?!

Я не стал спорить, многословно извинился, сославшись на крайнее переутомление, и распрощался, оставив грандиозные чаевые. Когда заранее знаешь, что тебе хочешь не хочешь, а придется стать завсегдатаем трактира, где только что накуролесил, с чаевыми хозяину лучше переборщить.

На улице я задумался, что мне следует предпринять. Можно было просто продолжить прогулку – теперь уже исключительно ради собственного удовольствия. Или встретиться с друзьями, чтобы взглянуть на них с новой точки зрения. Опасная, но соблазнительная затея. И прежде всего мне, вероятно, следовало повидаться с Джуффином и передать ему пакет с зернами.

А можно было отложить все это на завтра и лечь спать. Я пока не чувствовал себя усталым, но чертовски хотел бы узнать, каково это – быть

Шурфом Лонли-Локли во сне.

Последний вариант показался мне наиболее соблазнительным, поскольку сулил скорый ответ на один из самых интересных вопросов бытия. Поэтому я повернул обратно, к Мохнату Дому.

На первом этаже было пусто и темно; в некоторых окнах наверху все еще горел свет. Вероятно, прекрасным экс-царицам народа хенха, с которыми я по-прежнему делил эту резиденцию, не спалось, но я не считал себя вправе навязывать им свое общество.

Сэр Шурф, ясное дело, давным-давно куда-то умотал. Я хотел было послать ему зов, но вовремя передумал. Зная себя, решил не дергать его сейчас понапрасну, не докучать излишней опекой. Пусть уж сам выходит на связь, когда сочтет нужным.

Поэтому я напрямик направился в одну из спален для гостей – мне показалось, что в данных обстоятельствах это правильный выбор. Собственно, я никогда не ощущал себя хозяином в этом доме, а нынче даже собственное тело представлялось мне временным, ненадежным пристанищем. Поэтому комната для гостей – самое то.

Поглядев на часы, я обнаружил, что скоро утро. Подивился: выходит, даже человека с безупречным чувством времени можно сбить с толку. Мне-то казалось, наша беседа с Хаббой Хэном была короткой и полночь, соответственно, миновала совсем недавно. А оно вон как. Нечего сказать, хорош бы я был, если бы вдруг принялся назначать дружеские встречи.

Еще примерно час я провел в ванной. Никогда не понимал, как сэр Шурф умудряется гробить на мытье такую кучу времени. Теперь же выяснил, что если воспринимать поочередное пребывание в каждом бассейне как чрезвычайно сложный, хоть и приятный ритуал, час – это еще очень мало. По-хорошему, надо бы втрое больше времени отводить на это дело, да обстоятельства редко позволяют.

Когда я, утомленный, но вполне довольный собой, улегся наконец в постель и приготовился ко сну, который сейчас представлялся мне интереснейшим экспериментом, в моем сознании раздался голос сэра Джуффина Халли. Это, надо понимать, было возмездие за мудрое, взвешенное решение оставить всех в покое до завтра.

«Макс, – сказал шеф, – тут такое дело. Я, конечно, освободил тебя от служебных обязанностей до лучших времен, но ситуация совершенно исключительная. С сэром Шурфом всю ночь творилось что-то неладное, а теперь он и вовсе пропал. По моим ощущениям, жив, но послать ему зов не получается. При этом заметь, в Холоми я его не сажал. Я точно помню».

«Ясно, – откликнулся я. – Что ж, мне следовало предвидеть такое

развитие событий. Думаю, он либо гуляет по Темной Стороне Ехо, либо путешествует между Мирами. Причем второе более вероятно. Сейчас приеду и все объясню».

«Вот-вот, приезжай, именно об этом я и собирался попросить, – согласился Джуффин. – Хотя не смел надеяться, что у тебя еще и объяснения найдутся. Дело становится все более интересным».

«Скоро буду, – пообещал я. – Только помогите мне разрешить одно затруднение».

«Дырку над тобой в небе, сэр Макс! Какое еще затруднение?!»

«Я не могу понять, как мне следует одеться. Если вы официально вызываете меня на службу, я должен явиться в Мантии Смерти. А если нам предстоит частная беседа, форменная одежда будет неуместна».

«Нашел время шутить», – укорил меня шеф.

«Я не шучу. Я задал вам вопрос, ответ на который не могу получить самостоятельно, поскольку он зависит не от моего намерения, а от вашего».

«Кончай издеваться, сэр Макс, – потребовал Джуффин. – Мне нужна не твоя одежда, а ты сам, хоть голышом».

«Не думаю, что мне следует появляться в Доме у Моста в таком виде, – возразил я. – Но если вы не считаете мой визит официальным возвращением на службу, тем лучше. Значит, мне не придется заезжать за Мантией Смерти на другую квартиру. В данных обстоятельствах это очень удачно, поскольку позволит сэкономить время».

«Хватит! – рявкнул Джуффин. – Надень, что под руку подвернется, и приезжай немедленно».

У меня даже висок занял – вот как он расстарался. Я снисходительно подумал, что шеф на удивление легко поддается гневу, но тут же напомнил себе, что это, скорее всего, обычная маска, необходимая всякому, кто вынужден держать в подчинении других людей. А потом решил, что в любом случае не должен лезть в дела сэра Джуффина Халли, поскольку он является скорее моим опекуном, чем подопечным.

Придя к столь разумному заключению, я выкинул из головы ставшие ненужными обрывки размышлений и принялся одеваться.

Что хорошо – я не испытывал в связи с исчезновением моего друга и сообщника никаких угрызений совести. Не кусал локти, не корил себя за недальновидность, не вопрошал небо: «Почему, ну почему я выпустил его из виду?» Не то чтобы мне была безразлична судьба сэра Шурфа; честно говоря, не было сейчас на всем белом свете ничего, что волновало бы меня больше, чем его участь. Просто я прекрасно понимал, что эмоции ничего не

изменять, а только помешают делу. А значит, их следует игнорировать.

Что плохо – на сей раз дорога от Мохнатого Дома к Управлению Полного Порядка отняла у меня не пять минут, как обычно, а добрую четверть часа. Моя страсть к лихой езде, надо понимать, стала достоянием Лонли-Локли. А оказавшиеся в моем распоряжении железная воля, предельная концентрация и несгибаемое намерение без промедления попасть в Дом у Моста помогли мне ехать раза в полтора быстрее, чем среднестатистический возница, – и только.

Шеф ждал меня не в кабинете и даже не на пороге Управления, а на улице. Нетерпеливо прохаживался вдоль стоянки для служебных амобилеров. Ничего удивительного, он привык к моей обычной прыти и теперь недоумевал. Но спрашивать, с какой стати мой амобилер тащится по городу со скоростью похоронной процессии, Джуффин не стал. То есть наверняка собирался, но когда наши глаза встретились, у него, как я понимаю, возникло великое множество куда более важных вопросов.

Я не стал дожидаться, когда он их задаст, заговорил сам, поскольку видел, что в кои-то веки сбил шефа с толку.

– Во-первых, ваш друг, сэр Хабба Хэн передал вам посылку, – я достал из кармана лоохи пакет с зернами.

– Ого! Вот это сюрприз! – Джуффин коротко хохотнул, схватил пакет и поспешно спрятал его во внутренний карман, всем своим видом изображая алчность.

По традиции мне сейчас полагалось ему подыгрывать. Выспрашивать, что это за зерна такие и какого рода счастье может испытать их законный владелец; кланчить «дайте попробовать», льстить, уговаривать и обещать – короче говоря, клещами вытянуть из шефа тайну, которую он сам с превеликим удовольствием был готов мне открыть. Но я не стал даже пробовать. И так ясно, что нынче ничего не получится, так что лучше поскорей перейти к делу.

– Я собирался отдать вам эти зерна завтра, при совсем иных обстоятельствах, чтобы в спокойной обстановке подробно обсудить некоторые детали моей встречи с Хаббой Хэном. Но это, предвижу, придется отложить до лучших времен. А теперь предлагаю пойти в кабинет. Не думаю, что улица подходящее место для бесед вроде той, что нам предстоит.

– Ладно, пошли, – проворчал Джуффин. – Ты теперь всегда будешь таким кошмарным занудой, сэр Макс? Вот уж не ожидал, что Хабба Хэн действительно способен так изменить человека. Тем более в столь неожиданном направлении.

– Сэр Хабба Хэн тут совершенно ни при чем, при всем моем к нему уважении, – сказал я, пропуская шефа вперед. – Вы и сами прекрасно знаете, что он ничего со мной не сделал, поскольку, вопреки вашим обещаниям, вовсе не является целителем и встреча с ним – не лекарство, а, так сказать, признак выздоровления. Что же касается произошедших со мной перемен, уже завтра вечером от них не останется и следа. А пока запаситесь терпением.

– Да уж, пожалуй, оно мне понадобится, – вздохнул шеф.

Впрочем, теперь меня нелегко было провести. Я ясно видел, что все эти его вздохи, ворчливые нотки в голосе, нетерпение во взгляде – просто элементы игры, сложной и запутанной, но совершенно не затрагивающей самого игрока. Рябь на поверхности – не озера даже, но лужи талой воды на вершине огромного ледника – вот на что были похожи чувства и эмоции сэра Джуффина Халли. На поверку шеф оказался существом, лишенным человеческих слабостей, почти как его загадочный приятель Хабба Хэн. Только присутствие Хаббы Хэна делало мир теплым и уютным местом, а рядом с Джуффином у дикого зверья и особо чутких представителей рода человеческого шерсть на загривке дыбом должна бы становиться. Я, честно говоря, всегда подозревал что-то в таком роде, а теперь вот убедился на собственной шкуре. Бесценный опыт, хотя желанным его, конечно, не назовешь.

Тем временем мы вошли в кабинет. Я тщательно запер дверь и только тогда заговорил.

– Предвосхищая дальнейшие расспросы, считаю своим долгом поставить вас в известность, что не далее как минувшим вечером мы с сэром Лонли-Локли совершили Обмен Ульвиара. Если вам известно, о чем речь, тем лучше. В случае необходимости я готов дать некоторые пояснения – увы, недостаточно подробные, поскольку не успел как следует ознакомиться с теорией. А если окажется, что наши действия были противозаконны, имейте в виду, ответственность целиком лежит на мне. Мое желание любой ценой найти Хаббу Хэна стало основной причиной обмена. Я не раз говорил сэру Шурфу, что хочу оказаться в его шкуре, и он наконец решил мне помочь.

Кажется, мне снова удалось по-настоящему удивить шефа.

– Погоди-ка, сэр Макс. Хочешь сказать, Обмен Ульвиара – не просто забавная байка из жизни древних Королей и их придворных мудрецов, а инструкция, которую можно применить на практике? Ничего себе новости!

– Вы все-таки не знали? Поразительно. По правде сказать, я не сомневался, что уж кто-кто, а вы в курсе. Что до меня, я впервые услышал

про Обмен Ульвиара нынче утром, из уст сэра Шурфа, поэтому вряд ли могу продемонстрировать глубокое знание предмета. Могу сказать только, что обмен работает именно так, как описано в старинных рукописях. Да вы и сами видите.

– Вижу, – согласился шеф. – И теперь наконец понимаю, что весь вечер творилось с сэром Шурфом. Причем, в отличие от тебя, он и словом не обмолвился ни о каком обмене.

– Вообще-то, насколько мне известно, Шурф специально взял День Свободы от забот, чтобы не появляться на службе в таком... – я замялся, подбирая точное определение, – необычном состоянии.

– Совершенно верно. Но вечером мне пришлось его срочно вызвать. В Ехо объявилась одна из самых невменяемых дам Эпохи Орден, Трисса Фрекс из Ордена Решеток и Зеркал. Как она умудрилась дожить до сегодняшнего дня, да еще в изгнании, ума не приложу. Везучая, как все безумцы. Теперь вот будет пару сотен лет блаженствовать в Холоми, куда ее уже доставила леди Меламори, честь ей за это и хвала...

– А зачем тогда понадобился сэр Шурф? – спросил я. – Если уж Меламори сама справилась...

– Ха! Арестовать Триссу дело нехитрое. Но прежде чем мы пронюхали о ее возвращении, леди успела знатно поворожить, причем не где-нибудь, а прямо на площади Побед Гурига Седьмого. И правильно, чего мелочиться? Заполонила площадь и прилегающие улицы какой-то хищной склизкой нежитью, от которой лично я знаю только одно хорошее лекарство – левая рука сэра Лонли-Локли. Все остальные традиционные методы борьбы хлопотные и малоэффективные. Пришлось принести извинения сэру Шурфу и попросить его явиться в Дом у Моста. Он не стал возражать и появился пять минут спустя. Без тюрбана, представляешь? Сказал, что забыл его надеть, но это, дескать, пустяки, поскольку в предстоящем деле ему понадобится не тюрбан, а перчатки. Мне-то все равно, кто как одет, но не слишком на него похоже, верно? Ну а теперь ясно, почему так вышло. И как сэр Шурф умудрился примчаться с такой скоростью, тоже ясно.

– И почему я ехал дольше, чем обычно, вам тоже понятно? – спросил я.

– Мне теперь вообще многое понятно, задним числом, – а толку-то...

– Любопытный эффект, вы не находите?

– Ну да, нахожу, – рассеянно согласился Джуффин. – Любопытный, не спорю... Нет, кто бы мог подумать, что у меня под носом притаились такие дерзкие и бесстрашные алхимики, достойные продолжатели древних традиций! С другой стороны, мне даже упрекнуть вас не в чем. К запретной

магии Обмен Ульвиара никакого отношения не имеет, так что вы оба чисты перед законом. А докладывать мне, каким именно способом предпочитаете коротать досуг, ни ты, ни сэр Шурф, разумеется, не обязаны. Хотя, по хорошему, могли бы и посоветоваться, прежде чем...

Он махнул рукой и вдруг расхохотался, да так, что оконные стекла зазвенели. Теоретически я понимал, что ситуация вполне заслуживает такой реакции, но присоединиться к его веселью не мог, да и не хотел. То есть я предпочел бы сперва все-таки найти Шурфа, убедиться, что с ним все в порядке, а уж потом попробовать оценить по достоинству комическую сторону происшествия.

Но навязывать свой сценарий сэру Джуффину Халли я не стал. Ясно же, что усилия мои окажутся тщетными, только и добьюсь, что он будет хохотать на несколько минут дольше. Ужасный, в сущности, человек.

– В следующий раз, когда решишь совершить с кем-нибудь Обмен Ульвиара, имей в виду, что пребывание в твоей шкуре опасно для жизни, – отсмеявшись, сказал Джуффин. – Ты-то с горем пополам приноровился выживать, а постороннему человеку совсем плохо приходится.

– Сэр Шурф тоже так думал, – согласился я. – Прежде чем приступить к Обмену Ульвиара, он занялся своим завещанием. В тот момент мне показалось, что он перегибает палку, но теперь я вижу, что это был весьма разумный и своевременный поступок.

– Вот именно. Надо думать, Шурф хорошо понимал, на что идет. Ты не представляешь, что тут творилось, когда он добрался до своих перчаток!

– Но он остался жив? – осторожно уточнил я. – Вы же сказали, он просто исчез?

– Причем после того, как выполнил мое поручение, за что ему большое спасибо, – подхватил шеф. – Но выжил он, честно говоря, чудом.

– Да, надевать в этом состоянии рабочие перчатки ему не следовало, – согласился я. – Всегда был рад, что мне не нужно их носить. Я слишком рассеянный и суетливый человек, чтобы пользоваться столь опасным оружием.

– То-то и оно. Пока Шурф доставал перчатки из шкатулки и надевал, все было в порядке. Все-таки многолетняя практика, такие вещи тело само помнит. Но потом, представь себе, он решил почесать нос.

– Вот. Именно этого я всегда опасался. Твердо знал, что через пять минут после того, как надену эти грешные перчатки, мне непременно приспичит почесать нос. И как ему удалось уцелеть?

– Элементарно. Сэр Шурф почесал нос правой рукой, а это, как ты знаешь, не смертельно. Оцепенел, только и всего. Из этого состояния я

могу вывести кого угодно одной оплеухой, невелик труд. Жаль только, рядом не было ни одного могущественного чародея, который помог бы мне пережить глубокое потрясение, вызванное этим событием. Пришлось справляться самому, как всегда.

Про себя я отметил, что шефу, мягко говоря, не чуждо самолюбование. Не то чтобы это было такое уж великое прозрение, но прежде мне не хватало беспристрастности и склонности к четким формулировкам, чтобы назвать вещи своими именами.

Впрочем, почти сразу я понял, что его самолюбование – совершенно особого рода. Такое возможно, только когда дистанция между "я" и "я", умело вылепленной, деятельной, недолговечной маской и «наблюдателем», единственным зрителем и настоящим ценителем спектакля, давным-давно превратилась в настоящую непреодолимую пропасть. В таком случае любишься, строго говоря, не собой, а чужим, сторонним человеком, который, тем не менее, открыт тебе во всей полноте. Собственно, нечто похожее испытывал сейчас я сам, отмечая преимущества и слабости своей новой личности, ненадолго позаимствованной с чужого плеча. То есть теперь я отчасти мог понять Джуффина – ровно настолько, насколько юноша, неделю назад покинувший отчий кров, способен понять старого бродягу. Но все-таки.

Шеф тем временем продолжал рассказывать.

– Когда я привел этого красавца в чувство, он как ни в чем не бывало заявил, что всякий человек хотя бы раз в жизни должен совершить роковую ошибку. И он, дескать, рад, что его роковая ошибка уже совершена и не привела к трагическим последствиям. Это было довольно остроумное замечание, но, как ты сам понимаешь, совершенно не в духе сэра Шурфа. Поэтому я не знал, что и думать. Но был вынужден отложить разбирательство на потом и срочно отправить его на площадь Побед Гурига Седьмого, поскольку не мог уговорить заполонивших ее чудовищ остановиться и подождать, пока мы с коллегой решим другие вопросы.

– Надеюсь, он благополучно справился? – спросил я. – Ничего больше не чесал?

– Судя по всему, не чесал. И с работой, можно сказать, справился, хотя на совершенно особый манер. Сэр Шурф пустил в ход правую руку, а не левую, как положено в таких случаях. И вместо того чтобы испепелить докучливую нечисть, создал, не побоюсь этого слова, настоящий музей под открытым небом.

– Понятно, – кивнул я. – Ничего удивительного, я очень не люблю убивать. Тем более зверей, как бы скверно они себя ни вели. Значит, и он

теперь не любит. Ничего, это скоро пройдет... И как же вы с этим разобрались?

– А никак. Когда покончим с делами, можешь сходить на площадь Побед Гурига Седьмого, полюбоваться. Эти так называемые звери до сих пор там стоят, неподвижные и, хвала Магистрам, совершенно безвредные. И будут стоять еще пару дней. Особенно хороша скульптурная группа напротив трактира, где кормят мороженым. Леди Меламори будет в восторге.

– Да, – серьезно согласился я. – Насколько я успел ее изучить, такое сочетание должно ей очень понравиться. А вот почему вы позволили оставить все как есть, это для меня пока загадка.

– Сперва, когда Шурф заявил, что сделал отменный подарок жителям столицы – дескать, зрелище вышло познавательное и по-своему красивое, – я объявил, что он рехнулся, и потребовал немедленно уничтожить это безобразие. Но из любопытства все-таки заглянул на площадь и переменял решение. Наши горожане давненько не развлекались, так что пусть сами любуются и детишек приводят. Заодно своими глазами увидят, от какой беды мы их в очередной раз спасли. Репутации Тайного Сыска это только на пользу.

Джуффин немного помолчал, налил нам обоим по кружке камры и продолжил:

– Все это очень мило, но, как ты сам понимаешь, настолько не похоже на обычное поведение сэра Шурфа, что я не на шутку встревожился. Спросил его, все ли в порядке, не требуется ли моя помощь. Напомнил, что однажды мне довелось спасти его от мертвых Магистров Ордена Ледяной Руки, а по сравнению с такой бедой все прочее – пустяки. На что парень ответил, что никаких бед в его жизни, хвала Магистрам, не намечается, напротив, сплошные радости, поэтому он предпочел бы, чтобы его ни от чего не спасали, а оставили в покое и отпустили погулять. Сдал перчатки – я лично проследил, чтобы они были со всеми предосторожностями помещены в шкатулку, а она, в свою очередь, в сейф, – и был таков. Я не стал его задерживать, поскольку и без того хлопот хватало, один допрос вконец обезумевшей взаперти леди Триссы чего стоил. Но, покончив с делами, я понял, что беспокоюсь несколько больше, чем следует, послал Шурфу зов и обнаружил, что его больше нет в этом Море. Если бы он просто отказывался отвечать, я бы преодолел барьер, с этим, хвала Магистрам, никогда проблем не возникало. Но его просто нет. Кстати, на Темной Стороне Ехо я его уже искал – как видишь, безрезультатно. Это было первое, что пришло мне в голову, и я очень удивился, когда его там не

оказалось. Все-таки самостоятельно путешествовать между Мирами сэр Шурф пока не умеет.

– Зато я умею. Этого, вероятно, достаточно. Что тут скажешь, целиком моя вина. Я должен был предвидеть такой поворот.

– Да погоди ты со своей виной, – отмахнулся Джуффин. – Ишь, разбежался. Сэр Шурф старше тебя лет на двести, как минимум. И провел эти годы, можешь мне поверить, не за вышиванием салфеток. То есть вполне способен нести ответственность за свои поступки, в каком бы состоянии он их ни совершил. И вообще, прежде чем выяснять, кому из вас принадлежит высокая честь быть во всем виноватым, неплохо бы все-таки отыскать второго кандидата в обвиняемые. У тебя есть идеи?

– Есть, – сказал я. – Всего одна, но так даже лучше. Думаю, я знаю, куда он отправился. Вернее, чую. Как собака. Но и разумные аргументы у меня тоже имеются.

– Интересно! – оживился шеф. – Объясни, как это?

– Объяснить будет непросто. У меня, как вам известно, довольно большой словарный запас, но я знаю не слишком много слов, подходящих для этого случая. Могу сказать только, что мое знание больше похоже на физическое ощущение, чем на результат размышлений. Когда я думаю, куда подевался сэр Лонли-Локли, ответ на вопрос приходит сам собой, как будто ветер приносит его запах, хотя ни ветра, ни тем более запаха, разумеется, нет. А разум включается уже потом, лишь для того, чтобы задним числом подменить внезапное озарение логическими рассуждениями. Ему так спокойнее, а мне все равно.

– Так забавно все это от тебя слышать, – невольно улыбнулся Джуффин. – Прости, сэр Макс, я не хотел тебя перебивать. Но войди в мое положение. До сегодняшнего дня мне казалось, я знаю тебя лучше, чем кого бы то ни было, и могу заранее предсказать почти любой твой поступок. Даже сформулировать твоё выступление по любому вопросу – безошибочно, или почти... И тут ты одним движением руки смешаешь все мои карты! За одно это я должен сказать тебе спасибо. Люблю, когда меня удивляют, а происходит это, сам понимаешь, не слишком часто.

– Понимаю, – согласился я. – Что ж, рад, что сумел вас развлечь. Хотя первоначально у меня была несколько иная цель.

– А ты давай, продолжай. Я тебя, конечно, перебил и, вероятно, еще не раз перебую. Но это вовсе не освобождает тебя от обязанности договорить до конца. Сперва объясни, что именно ты чуешь, а потом добей меня обещанными разумными аргументами. Если будешь и дальше загадочно молчать, я лопну от любопытства. А за миг до кончины успею назначить

тебя своим преемником, и выкручивайся как знаешь. Страшно?

– Скажем так, если бы я полагал, будто ваша угроза хоть сколько-нибудь обоснована, я бы, вероятно, действительно испытал чувство, родственное страху... – вежливо начал я.

Джуффин демонстративно заткнул уши.

– Все! Умолкни! Будем считать, что на эту тему ты сказал достаточно. Переходи к делу. Где, по-твоему, сэр Шурф?

– Вы знаете это место. Один из моих снов, новорожденный Мир, где, кажется, нет ничего, кроме моря и пустынных пляжей. Я до сих пор не понимаю, как вышло, что мое сновидение обрело плоть; тем не менее это случилось, и мы с вами ловили там одного любителя путешествий между Мирами^[24], помните?

– Еще бы. Гугимагон из тех ребят, кого захочешь, а не забудешь. Да и местечко занятое. Реальность, порожденная грезами сновидца, редко становится столь достоверной. Так ты думаешь, сэр Шурф там?

– Я не думаю. Скорее знаю. Как, спрятав руку в карман лоохи, я буду без тени сомнения знать, где находится моя рука. Ну, может быть, «без тени сомнения» – слишком громко сказано. Но я не так уж преувеличил. Вероятно, Обмен Ульвиара связывает людей несколько более прочно, чем это описано в древних рукописях, которые читал сэр Шурф... Впрочем, как я уже говорил, у меня имеются и разумные доводы.

– Очень интересно, какие?

– Вспомните, как было дело. Я имею в виду, с самого начала. Сперва я нечаянно затащил Шурфа на прогулку по этой новорожденной реальности, когда он предложил мне разделить с ним сон по дороге в Кеттари – из практических соображений, чтобы выспаться по-человечески перед тяжелым днем. Ни о каких магических приключениях никто не помышлял, однако мы вместе совершили, так сказать, обзорную экскурсию по моим любимым сновидениям. В частности, побывали в мире пустынных пляжей. Проснувшись, мы подивились этому происшествию, но и только. По крайней мере, мне и в голову не пришло, что у этой прогулки будут какие-то серьезные последствия. Однако со временем выяснилось, что сэр Шурф регулярно видит сон о пустынных пляжах, уже без моего участия. Потом я обнаружил, что он там еще и следы на песке оставляет; собственно, именно это открытие послужило поводом всерьез задуматься о природе моего сновидения. Как вы сами помните, дело зашло довольно далеко и чуть было не завершилось катастрофой, поскольку там Шурфа поймал Магистр Гугимагон...

– Сэр Макс, я, конечно, понимаю, что сейчас ты стараешься на всю

катушку использовать единственный шанс стать величайшим занудой всех времен, – проворчал шеф. – И даже до известной степени тебе сочувствую, все-таки новая игрушка, такой у тебя еще никогда не было. Но умоляю, не пересказывай мне историю, которую я знаю не хуже тебя. Это будет совсем уж немилосердно.

– Да, действительно, – согласился я. – О дальнейших событиях вы и сами можете рассказать. Причем куда более внятно и подробно, чем я, поскольку мне в ту пору явно не хватало знаний и опыта, чтобы правильно осмыслить происходящее. В любом случае сама по себе история с Гугимагоном не имеет значения. Важно, что сэр Шурф совершенно самостоятельно, без посторонней помощи, научился посещать эту реальность. Во сне, да, но, даже не будучи теоретиком путешествий между Мирами, я уверен, что это не имеет принципиального значения. Я и сам, собственно, именно во сне этому делу выучился.

– Правильно рассуждаешь, – согласился Джуффин. – Продолжай.

– Важно еще вот что. Как я уже говорил, этот пустынный Мир – далеко не единственный, куда я нечаянно привел Шурфа. Мы, насколько я помню, с полдюжины моих снов в ту ночь посмотрели. И среди них была как минимум еще одна новорожденная реальность, город в горах возле Кеттари, где мы оба потом побывали наяву. Я хочу сказать, у него в каком-то смысле был выбор, куда возвращаться во сне, с чего начинать обучение искусству путешествий между Мирами. Другое дело, что выбор такого рода вряд ли делают сознательно. Тут хочешь не хочешь, а все решает сердце. И Шурф по какой-то причине выбрал пустынные пляжи. Может быть, он просто любит море? Или давно хотел оказаться в полном одиночестве? А скорее всего, и то и другое, и еще добрая дюжина неизвестных мне резонов имеется. Главное, что это место – его слабость. Оно притягивает его как магнит. Конечно, он рванул туда при первой же возможности. Сами небось знаете, как это бывает.

– Знаю. По крайней мере, теоретически, – ухмыльнулся шеф. – А ты, сэр Макс, молодец. Мне понравился ход твоих рассуждений. Хорошо аргументировать интуитивное знание – это надо уметь. Даже жалко, что завтра это счастье закончится навсегда, я только начал входить во вкус... Ну что, проводишь своего друга? Мне кажется, если там появлюсь я, это будет выглядеть довольно бестактно. Вмешательство начальства в личную жизнь сотрудника – фу! Дурной стиль.

– Мой визит его тоже вряд ли обрадует. Но вы правы, лучше больше не оставлять Шурфа без присмотра, – сказал я. – Уж я-то могу себе представить, что с человеком сейчас творится.

– Даже ты не можешь, – заверил меня шеф. – Давай, отправляйся. А если окажется, что чутье и логика тебя подвели, немедленно назад, будем думать дальше.

– Лишь бы не оказалось, что я утратил умение путешествовать между Мирами. Теоретически, не должен бы, но...

– Вот и проверишь опытным путем, – пожал плечами Джуффин. – Единственный известный мне способ получать удовлетворительные ответы на вопросы. Ничего, по крайней мере, если теперь еще и ты бесследно сгинешь, драма приобретет комический привкус. И это лучше, чем ничего.

Для того чтобы попасть в Коридор между Мирами, который в древних текстах называется красивым словом «Хумгат», мне в ту пору требовались сущие пустяки – открыть любую дверь в полной темноте или просто с закрытыми глазами. Поэтому я не стал медлить. Встал с места, взялся за ручку двери, ведущей в Зал Общей Работы, зажмурился, шагнул вперед и сразу же понял, что все у меня получилось. Нечего было сомневаться. Умение странствовать между Мирами – достояние, которое нельзя утратить, на время одолжив приятелю. Шурф, надо понимать, получил от меня вовсе не чудесную способность, а лишь уверенность опытного путешественника, помноженную на легкомыслие баловня судьбы. Все остальное – призвание, страсть к перемене мест, храбрость и одержимость неизвестностью – у него было и прежде. Тут я ему, честно говоря, в подметки не гожусь.

Поскольку я уже давно освоился в Хумгате, привык осознавать себя и ориентироваться в абсолютной пустоте, безошибочно выбирать из бесконечного числа равнозначных возможностей вход в нужную мне реальность, все произошло очень быстро. Из кабинета на улицу выйти – и то больше похоже на приключение.

Миг спустя в лицо мне подул свежий ветер, ноздри дрогнули, почуяв аромат йода и подгнивших водорослей. Я еще глаза открыть толком не успел, а уже шел к морю, чуть ли не по щиколотку увязая в сухом, теплом песке. Все это: ветер, аромат, шум прибоя, рассеянный свет, скудное, но изысканное пиршество красок, соприкосновение тонких подошв с песчаными дюнами – заставило меня испытать такую гамму дивных чувственных переживаний, что я на короткое время утратил представление о реальности, забыл не только о цели своего визита, но даже о самом себе.

Привычка (не моя, ясное дело) к самоконтролю взяла свое, миг спустя все вернулось на место. Строго говоря, я сам вернулся. По-прежнему вполне невозмутимый, но обогащенный и даже в каком-то смысле

сраженный новым опытом. Я и вообразить не мог, что обычная, в сущности, прогулка у моря может стать источником столь интенсивного наслаждения. Выходит, до сих пор я был инвалидом – тугоухим, полуслепым, почти напрочь лишенным обоняния, с телом, бесчувственным как бревно. Интересные дела.

Это открытие меня по-настоящему взволновало, что, впрочем, никаким образом не отразилось на моем поведении. Я ни на миг не забывал, зачем сюда пришел, не терял самообладания и не поддавался искушению отложить дела ради наслаждения красотой этого пустынного Мира.

Цель моя была близка. Сэр Шурф, безусловно, находился здесь, где-то совсем рядом. Следы на песке, наглядное свидетельство его присутствия, выглядели некоторым излишеством, я бы и так его нашел. Что-что, а это было проще простого.

Лонли-Локли, конечно, не сидел на самом видном месте с плакатом «Внимание, я тут!» – но и не прятался. Надо думать, все это время он гулял и успел довольно далеко зайти. Мне понадобилось больше часа, чтобы повторить его маршрут, оставить на песке еще одну цепочку отпечатков мягких угуландских сапожек. Назвать линии наших следов прямыми не рискнул бы ни один безумный геометр, но я внимательно следил, чтобы они оставались параллельными, то есть не пересекались. Когда не можешь оставить человека в покое, нужно постараться хотя бы не наступать на его след – звучит как бред собачий, понимаю, но тогда эта дикая формула была для меня самым настоящим нравственным законом, из тех, что захочешь, да не переступишь.

Мой друг сидел на берегу, мокрый, растрепанный, явно утомленный долгим купанием, бесконечно счастливый и бесконечно же печальный. Знакомое настроение. Один из великого множества приятных способов нелепой растраты душевных сил – это наконец-то было мне вполне очевидно.

– И ведь я в очередной раз совершенно не удивлен, – насмешливо приветствовал меня сэр Шурф. – Джуффин поднял тревогу, вытащил тебя из постели и отправил в погоню?

– Совершенно верно, – согласился я, усаживаясь рядом с ним на песок. – Именно так все и было.

– Я, в общем, и не надеялся, что мне удастся удрать, – вздохнул он. – От Джуффина – еще куда ни шло, а от тебя – невозможно. Тебе даже голову ломать не пришлось, верно? Сразу понял, где я?

Я молча кивнул.

– Неудивительно. Об этом побочном эффекте Обмена Ульвиара в рукописях не было ни слова. Хотел бы я знать почему. Может быть, терминов нужных не нашли, чтобы объяснить? Или решили, что это священная тайна, о которой нельзя даже заикаться? Кто их разберет, этих древних колдунов... А эффект занятный, на мой вкус, даже слишком. Мне вот совершенно не хотелось совать нос в твои дела, тем не менее я откуда-то знаю, что ты уже успел найти своего драгоценного Хаббу Хэна. И не получил то, чего искал. Но при этом почему-то не испытал разочарования. Все так? Это ведь не мои фантазии?

– Все так, – подтвердил я.

Мы помолчали.

– Ты что смурной такой? – наконец спросил Лонли-Локли. – Несладко в моей шкуре? А я предупреждал.

– Да нет, пока мне скорее нравится. Особенно интенсивность восприятия. Сейчас, пока шел вдоль моря, понял, что прежде был бревном бесчувственным. А ведь всю жизнь полагал, что дело обстоит ровно наоборот.

– А, это. Просто побочный эффект постоянной концентрации, – отмахнулся он. – Уж никак не природный дар.

– Какая разница, природный или не природный? Важно, что так есть. Но самое ценное приобретение – твое самообладание. Это, конечно, нечто. Сколько тебя знаю, думал, ты спокоен потому, что тебя давным-давно не волнует всякая ерунда. А оказалось...

– Спасибо, но я очень хорошо знаю, что оказалось, – перебил меня Шурф. – Лучше, чем хотелось бы. Не трудись объяснять.

– Да, конечно. Извини. Тем не менее не могу не отметить, что твоя способность игнорировать собственные страсти и эмоции впечатляет меня куда больше, чем все чудеса, которые я видел прежде. Немыслимо! Все равно что научиться спокойно спать в жерле действующего вулкана.

– Да, действительно похоже, – согласился он. – Узнаю свою тайную слабость к точным метафорам. Тем не менее иногда хочется просто выспаться. Скажем так, на зеленой лужайке. И чтобы никаких вулканов на тысячу миль вокруг.

– Поэтому ты и удрал.

Я не спрашивал, а утверждал. Чего, в самом деле, ломать комедию, делать вид, будто я не понимаю вполне очевидные вещи?

– Ну не то чтобы я действительно удрал, – вздохнул Шурф. – Прыти не хватило. Когда оказался в Хумгате, даже не смог сам выбрать, куда отправиться, – это место притянуло меня как магнитом. Впрочем, какая, к

Темным Магистрам разница? Ты меня где угодно нашел бы, а я не сомневался, что рано или поздно тебе придется отправиться на поиски. Не по собственной воле, так из чувства долга; второе – более вероятно. Была, конечно, маленькая надежда, что это случится не так скоро. Совсем ничтожная, но все-таки.

– Я правильно понимаю, что если мы будем находиться в разных Мирах, обратный обмен не состоится? – спросил я.

– Это только гипотеза. Вопрос, на который я хотел бы получить ответ: что будет, если люди, совершившие Обмен Ульвиара, окажутся в разных Мирах? В этих грешных старых книжках ни слова не было о такой возможности. Думаю, они просто не пробовали. Не было у них такой задачи. Не стану лукавить и говорить, что мною двигало исключительно научное любопытство. Ты и сам знаешь, что это не так. Но свои шансы навсегда расстаться с сэром Лонли-Локли, будь он неладен, я с самого начала расценивал как нулевые – ну, почти. В отличие от тебя я никогда не был особо удачливым человеком. А тут мне бы потребовалось просто фантастическое везение.

– Ты себе до такой степени надоел?

Он молча кивнул.

Я достал из кармана лоохи сигареты, Шурф протянул руку – дескать, и мне тоже дай. Это была неплохая идея. Достойный компромисс между желанием продолжать важный разговор и пониманием, что говорить тут, в сущности, не о чем. Лучше пускать изо рта дым, чем громоздить одна на другую многозначительные фразы.

Кажется, мы молчали целую вечность. Но потом она внезапно закончилась, а еще одной вечности у нас в запасе не оказалось, поэтому я все-таки заговорил.

– Ты ведь не хуже меня понимаешь, что надоевший «сэр Лонли-Локли» – просто маска. И «сэр Макс», которым тебе, как я вижу, очень понравилось быть, точно такая же маска. Было бы из-за чего на край Вселенной бежать. Не нравится – не носи. Нравится – играй на здоровье.

– Ты ведь не хуже меня понимаешь, – передразнил он, – что сказать это легко, а сделать почти невозможно.

– Пока – да. Но ты сам не раз говорил мне, что любое «невозможно» – явление временное. «Невозможно для меня прямо сейчас», а не «вообще» и «навсегда». Теперь я понимаю, что ты был абсолютно прав.

– Я тоже это по-прежнему понимаю. Просто мне досталось довольно долгое «прямо сейчас», – невесело усмехнулся Шурф. – Вернее, слишком долгое. Надоело – не то слово. Как сказал бы ты сам, острое... остобе... Вот

же, дырку в небе над моей дырявой башкой, забыл все-таки это хитроумное словечко! А все почему – в таком деле нельзя без регулярной практики. Но как ты объяснил его значение, хорошо помню. Надоело до такой степени, что впору головой о стенку биться, отгоняя пинками всякого доброго человека, который попробует тебя успокоить. Вот именно настолько, да.

– Это в тебе говорит мое нетерпение, – заметил я. – И моя же склонность преувеличивать. Узнаю. Впрочем, если ты действительно настолько устал от себя, нет проблем. Мы можем совершать Обмен Ульвиара так часто, как ты сочтешь нужным. Хоть каждый день. Мне это, надеюсь, пойдет на пользу, а ты как следует отдохнешь.

– Ты что, серьезно? – изумился сэр Шурф.

– Ну да. А что тут такого? Только больше не вздумай надевать в этом состоянии свои рабочие перчатки. Это – мое единственное условие. Все остальное на твое усмотрение.

– Слушай, сэр Макс, а тебе самому не кажется, что ты себя очень странно ведешь? – неожиданно спросил он.

– Мне кажется, что в кои-то веки я наконец веду себя абсолютно нормально. Но со стороны, возможно, виднее. А что ты, собственно, имеешь в виду?

– Ну как – что...

Он замялся, помолчал, наконец решился и приступил к делу – как в омут головой.

– Ты вообще понял, что произошло? Или не дошло пока? Я же честно признался, что хотел присвоить твою личность, вернее, твою Тень. По крайней мере, собирался ради этого рискнуть, причем не только своей, но и твоей жизнью, рассудком – сам уже не знаю, чем именно; твоей восхитительной башкой, уж прости, трудно обрабатывать научную информацию, не для того она создана... Я же говорю, никому не известно, что случится, если действие снадобья закончится в тот момент, когда одного из участников Обмена Ульвиара не будет в той реальности, где все начиналось. Никаких гарантий безопасности. А я даже не потрудился поставить тебя в известность. То есть перед тем, как ты сюда заявился, я как раз понял, что не имею права так поступать. И почти твердо решил вернуться, поговорить с тобой, спросить разрешения или поставить ультиматум, сам не знаю, как я собирался выкручиваться... Но это я сейчас тебе рассказываю, а подтвердить не могу. У меня есть только слова, пустая болтовня пойманного за руку воришки, верить которой я сам не стал бы.

Он перевел дух, испытующе поглядел на меня и почти возмутился:

– Слушай, если ты все это понимаешь, почему ты так спокоен? То есть

нет, почему ты спокоен, мне как раз ясно. Орать ты сейчас не станешь и в драку не полезешь. Но откуда такая снисходительность? Мне она, насколько я знаю, не свойственна, а уж тебе и подавно.

– Это не снисходительность, – я пожал плечами. – Ни о какой снисходительности и речи быть не может... Ладно, если ты уже выговорился, будь добр, соберись с мыслями и сформулируй еще раз, в чем, по-твоему, состоит преступление? Только очень коротко. Одной фразой. Без этой вот моей обычной пафосной болтовни не по делу.

И, увидев, что он морщится, как от зубной боли, прибавил:

– Пожалуйста, сформулируй. Я не издеваюсь. Просто иначе будет трудно наглядно объяснить.

– Ладно, – вздохнул сэр Шурф. – Преступление состоит в том, что я хотел попробовать присвоить твою личность, рискуя при этом твоей жизнью.

– Вот. Хорошо. А теперь посиди и подумай: *кто* хотел? *Чью* личность? *Чьей* жизнью ты собирался рисковать?

Он собирался сразу что-то ответить, но я выразительно приложил палец к губам.

– Очень тебя прошу, помолчи и как следует обдумай мои вопросы. Если хочешь, могу дать тебе еще одну сигарету. Для меня это всегда был неплохой способ перетерпеть вынужденное молчание. И тебе сейчас поможет, не сомневайся.

Он кивнул, как мне показалось, почти обиженно. Однако пауза в разговоре вышла не тяжелая, как можно было бы ожидать, а, напротив, легкая и приятная. Настоящая передышка, возможная обычно только наедине с собой. Но, строго говоря, я и находился сейчас *наедине с собой*. И очень хотел, чтобы Шурф тоже это понял.

– Хочешь сказать, это было не мое желание – оставить себе полюбившуюся маску? – наконец спросил Лонли-Локли. – Ошибаешься, желание точно мое. И очень давнее, если начистоту. Я еще не знал, что такое возможно, а уже думал: приятно, наверное, быть сэром Максом. И очень хотел попробовать, как оно на самом деле.

– Желание, может, и твое. А бессмысленная авантюра, спешный побег в другой Мир, который, скорее всего, ничего не изменит, все же явно моя. И вот это нелепое сочетание совестливости с полной безответственностью – узнаю. Впрочем, все это не имеет решающего значения. Можно сидеть тут годами, разбирать каждый твой поступок, всякое душевное движение и спорить до хрипоты, чье оно – твое, мое? Важно не это, а то обстоятельство, что сейчас невозможно точно установить, где

заканчивается один человек и начинается другой. Я только это и хотел сказать. Ты, конечно, здорово меня подставил, вернее, собирался. Чужого человека я бы за такое, пожалуй, возненавидел. Но себе-то я обычно прощаю абсолютно все – а как иначе? В самоубийцы я не гожусь, я из другого теста, сам теперь можешь оценить.

– Да уж, самоубийцей тебе не бывать. Все что угодно, только не это, – авторитетно подтвердил Лонли-Локли.

И снова умолк. Ему, как я понимаю, было о чем подумать.

– Какой ты, оказывается, мудрый, – наконец сказал он. – Вроде бы такие очевидные вещи, но пока ты не спросил: "*Кто* хотел?" – мне и в голову не приходило, что это была не моя идея.

– Совершенно верно. Только мудрый все-таки не я, а ты сам. Мне твоя мудрость досталась взаймы, вместе со всеми остальными сокровищами. Скоро уже верну... И не смотри на меня с такой скорбью. Я же сказал, носи мою шкуру сколько захочешь, пока не надоест на Сумеречный рынок за компонентами для зелья ездить. Мне сейчас все равно, кем и каким быть, и это, поверь, лучшее, что со мною когда-либо происходило. По крайней мере, самое необычное. А казалось бы, должно быть естественно, как дышать.

– Ну ты даешь, – он покачал головой. – Похоже, в твоих руках от сэра Лонли-Локли куда больше пользы.

– Только потому, что я пока не привык. Привычка – ржавчина, которая разъедает металл всякого драгоценного оружия. Самая опасная вещь во Вселенной, так мне сейчас кажется... Кстати, эту фразу следует записать. Прости. Впрочем, ты прекрасно понимаешь, что это мне по-настоящему необходимо.

– Где ты купил тетрадь? – изумленно спросил он, когда я достал из кармана свои письменные принадлежности.

– В книжной лавке напротив Мохнатого Дома. Впрочем, нет, там тетрадей не было, хозяйке пришлось отправиться к брату, который держит по соседству магазин антикварных редкостей. Она сказала, что тетрадь привезена двести лет назад из Таруна, и, представь себе, взяла с меня полдюжины корон. Ее счастье, что я не мог позволить себе торговаться.

– Всего полдюжины? – изумился Шурф. – Да ну, брось, отличная цена! Судя по всему, твоя хваленая удача осталась при тебе. Мой поставщик меньше чем за восемь корон с хорошей, целой тетрадью не расстанется. Надо будет зайти в эту книжную лавку.

– Тем более хозяйка тебе понравится, – флегматично заметил я, открывая тетрадь.

Лонли-Локли, кажется, почти возмутился, но в последний момент передумал и смущенно ухмыльнулся до ушей, как старый добрый я – ну просто загляденье.

– Это ты еще не разобрался, – объяснил он. – Я почти на всех людей так реагирую, можно сказать по старой привычке. Собственно, не я, а Безумный Рыбник.

– Ну да, – согласился я. – Какая разница кто? Важно, что он не имеет права голоса. Кстати, мне было очень интересно смотреть на людей с этой точки зрения. Впрочем, неуловимого Магистра Хаббу Хэна я так и не возжелал. Даже съесть его не захотелось, что, строго говоря, странно.

– Не странно. Разумеется, когда происходит что-то по-настоящему важное, глупости Безумного Рыбника исчезают даже с дальних окраин моего сознания, – охотно объяснил Шурф.

– Тетрадь – это тоже было по-настоящему важно. Тем не менее...

Я умолк и принялся записывать фразу про привычки и ржавчину. Лонли-Локли, хвала Магистрам, замолчал и дал мне спокойно завершить работу.

– Что ж, – сказал я, спрятав тетрадь на место. – Теперь, пожалуй, я могу оставить тебя в покое. Утонуть ты, насколько я помню, физически не способен^[25], а иных неприятностей здесь не допросишься, такое уж место. Прости, что нарушил твое уединение, но у меня, сам понимаешь, не было другого выхода. Рад, что тревога оказалась ложной.

Он опешил.

– Ты что, собираешься уйти?

– Ну да. Не сторожить же тебя, в самом деле. Возвращаться, не возвращаться – сам решай. В любом случае это будет наше общее решение. И общий риск.

– Слушай, если у тебя дела, ты, конечно, иди, – сказал сэр Шурф. – Но если ты просто не хочешь мне мешать, имей в виду, ты не мешаешь. Наоборот. Более чем наоборот.

– Строго говоря, у меня только одно важное дело, – признался я. – Когда сэр Джуффин прислал мне зов, я как раз принял ванну и собирался лечь спать. С другой стороны, поспать я могу и здесь. Собственно, это чрезвычайно интересный эксперимент – уснуть в Море, который родился из твоего собственного сна. Никогда прежде не пробовал. Думаю, в своем обычном состоянии я бы попросту испугался, хотя сейчас мне трудно понять, чего именно следует бояться. Поэтому я с удовольствием останусь. Если ты действительно не против.

– Как я могу быть против? В кои-то веки мне выпала возможность

побыть наедине с собой, – усмехнулся он. – Но ты спи, конечно, если устал. Я прослежу, чтобы ты не превратился ненароком в клочок морской пены.

С ума сойти, какой я все-таки романтичный молодой человек. И фантазия у меня – о-го-го! Пока со стороны не увидишь, не оценишь масштабы бедствия.

Тем не менее ничего из ряда вон выходящего со мной не случилось, разве что выпался подозрительно быстро, трех часов хватило.

Что касается моего намерения узнать, каково это – быть Шурфом Лонли-Локли во сне, эксперимент с треском провалился. Сумбурная чепуха, которая мне снилась, вряд ли имела хоть какое-то отношение к секретам и сокровищам моего друга. Мог бы и раньше сообразить, сновидения принадлежат вовсе не той части человеческого существа, которую можно сменить, как надоевший костюм, прочитав соответствующее заклинание.

Мы вместе вернулись Ехо, когда в мире пустынных пляжей царила глубокая ночь, зато в столице Соединенного Королевства солнце только-только покинуло зенит.

От моего великодушного согласия на опасный эксперимент сэр Шурф отмахнулся, как от назойливой мухи, – ровно столько раз, сколько я попросил его еще раз все обдумать. От полноты чувств он дополнительно осчастливил меня длинной путаной лекцией о малоизученной древней магии и недопустимом риске. Как будто это и правда была не его, а моя собственная дурацкая затея – сбежать в другой Мир и посмотреть, что из этого выйдет. Впрочем, я сам подал ему идею рассматривать произошедшее именно с этой точки зрения и приложил немало усилий, чтобы мой непутевый друг ее принял, а значит, и жаловаться не на что.

Первым делом я послал зов Джуффину, сообщил, что все в порядке, разыскивать нас на дальних окраинах обитаемой Вселенной ему на сей раз не придется, и объявил о намерении ни в коем случае не появляться в Доме у Моста, пока мы оба не придем в нормальное состояние. Потому что объяснять про Обмен Ульвиара опытному и ко всему привычному шефу – еще куда ни шло. А нервы остальных наших коллег следовало пощадить, сейчас мне это было совершенно очевидно.

К счастью, Джуффин со мной сразу согласился, даже не стал делать вид, будто недоволен. Понимал, что мне сейчас в кои-то веки не до шуток.

Предоставленные самим себе, мы с Шурфом засели в моей бывшей квартире на улице Старых Монеток. Пили камру и играли в нарды, которые я по такому случаю извлек из Щели между Мирами. Когда играешь сам с

собой, нет ничего лучше, чем кидать кости. Хоть какое-то подобие азарта.

Окончательно смирившись с необходимостью снова носить осточертевшую маску, сэра Шурф имел вид мученика и героя. Впрочем, он заранее предвкушал грядущую возможность повторить удовольствие при первом же удобном случае; эта перспектива переполняла его свойственным мне легкомысленным оптимизмом. А я ждал финала нашего эксперимента, сгорая от сугубо научного любопытства: как это будет происходить? Что я почувствую? Что останется от меня нынешнего, а что бесследно уйдет? Смогу ли я сразу воспользоваться полученным опытом и обуздать себя? В моем интересе не было, можно сказать, ничего личного, собственная участь не слишком меня беспокоила, вернее, вовсе не беспокоила, хотя я понимаю, что это признание звучит не очень правдоподобно. Тем не менее тогда было именно так.

Волна перемен накрыла меня в тот момент, когда я поднялся с ковра, на котором мы устроились. Собирался снять с жаровни кувшин с камрой – хорошо, что не успел, потому что мне вряд ли удалось бы удержать его в руках. Сильное головокружение заставило меня вернуться на исходную позицию. Я даже не сел, а рухнул на пол, тяжело, как мешок с песком. Окружающий мир неуловимо изменился, цвета стали темнее, а предметы – прозрачнее. Словно бы реальность была тонкой цветной пленкой, из-под которой просвечивает какая-то иная, невнятная, но бурная чужая жизнь. Воздух вдруг стал непригодным для дыхания, я разевал рот, как вытщенная из воды рыба, до предела заполнил легкие, а толку-то, все равно задышался и никак не мог изменить это прискорбное обстоятельство.

К счастью, все это продолжалось очень недолго. Несколько секунд спустя тело мое пришло в норму, зато от самообладания не осталось и следа, а разум истерически завизжал, требуя выпустить его из заточения, дескать – все, дальше справляйся без меня, как хочешь, а я с тобой ни дня не останусь! Можно подумать, больно он тут нужен, паникер...

От печального выбора между глубоким обмороком и продолжительной истерикой меня спас спокойный голос Лонли-Локли, который раздумчиво произнес у меня над ухом:

– Ага, вот оно что. Завершение этого колдовства проходит вовсе не так легко и приятно, как начало. Любопытно почему? Что скажешь?

– Ты меня, что ли, спрашиваешь? – взвыл я. – После всего! Нашел специалиста! Можно подумать, это я из древних книжек сомнительные рецепты выписывал!

– Какая разница кто? – флегматично спросил сэра Шурф. – Лично мне по-прежнему непонятно, где заканчивается один человек и начинается

другой.

Я невольно улыбнулся, потом посмотрел ему в глаза и рассмеялся от облегчения. Все снова было на месте – то есть я сам был на месте! – и в то же время ничего не изменилось. По большому счету, конечно. Но кто сказал, будто меня должен интересовать какой-то там дурацкий малый счет?

– Послушай, – мягко сказал мой друг. – Я, конечно, понимаю, что совет успокоиться и взять себя в руки из моих уст сейчас недорого стоит...

Я заржал еще громче, поскольку был абсолютно с ним согласен.

– Тем не менее я обязан напомнить, что если ты дашь волю эмоциям, то растеряешь многие из приобретений, которые, не сомневаюсь, хотел бы сохранить, – невозмутимо завершил он.

И был, черт побери, совершенно прав. Я и сам это прекрасно понимал, а потому постарался взять себя в руки. Прекратил смеяться, поднялся-таки с ковра и снял с жаровни кувшин с камрой, как и собирался с самого начала.

– Спасибо, – сказал я. – Мне сейчас тоже кажется, что, в сущности, ничего не изменилось. По крайней мере, я, наверное, смогу вести себя, как ты, – если очень постараюсь. Но если не держать себя в руках, можно потерять ориентиры, утратить представление о том, в какую сторону следует стараться, и...

– Все так, – кивнул Шурф. Помолчал и, вдруг неожиданно подмигнув мне, добавил: – Все-таки ты слишком много и быстро говоришь. Неужели уже забыл, какой это кошмар для твоего собеседника?

– Если бы я забыл, я бы сейчас говорил в три раза больше. И быстрее, разумеется. Еще и руками размахивал бы, неужели не понятно?

– Ты ими, между прочим, и так размахиваешь, – вздохнул мой друг. – Впрочем, я все еще помню, что это действительно очень приятно.

– А я помню, что это дурацкое мельтешение чертовски действует на нервы, которых у тебя, согласно распространенному мифу, вроде бы и нет вовсе, – ухмыльнулся я. – Да, удивительно все-таки, как ты меня до сих пор не убил? И всех остальных людей заодно.

– В свое время, как тебе известно, я немало сделал в этом направлении, – заметил Шурф. – Но неразумно всю жизнь заниматься одним и тем же.

Я был сражен наповал. А пока приходил в себя, Лонли-Локли допил камру, аккуратно собрал нарды в коробку и поднялся.

– С твоего позволения, я откланяюсь. Мне нужно зайти домой, да и других дел немало. Но если тебе понадобится помощь или просто захочешь

побеседовать, присылай мне зов в любое время. Даже ночью.

– Ты тоже, – сказал я. – В любое время. Даже утром.

– Договорились, – серьезно согласился он. – Спасибо.

– И вот еще что... – начал я. И запнулся, не зная, как уместить в одну фразу все, что я собирался сказать ему на прощанье.

Шурф остановился, оглянулся, вопросительно приподнял бровь. Дескать, что там еще у тебя?

– Короче, – решил я. – Если тебе действительно хочется выпить моей крови, имей в виду, много не дам! Но стакан – пожалуй. Такую потерю я переживу.

– Спасибо, Макс, – вежливо сказал он. – Это очень великодушное предложение. Но ты имей в виду, все не так страшно, как тебе с непривычки показалось.

– А я и не думаю, что страшно. Просто ну я же не знаю, а вдруг это действительно очень полезно – пить кровь могущественного колдуна? Тебе, как я теперь понимаю, нужны витамины, а я у нас вполне себе могущественный, если верить авторитетным экспертам вроде Джуффина.

– В рамках некоторых известных мне магических традиций считается, что это очень полезно, – подтвердил Шурф. – В любом случае я рад, что у меня есть твое согласие. Никогда заранее не знаешь, как сложится жизнь.

На этой оптимистической ноте мы и расстались. А четверть часа спустя я шел в направлении улицы Медных Горшков. Честно говоря, меня здорово подмывало закатить сэру Джуффину Халли настоящий итальянский скандал, с воплями, слезами и желательно пощечинами – а что, знай наших! Но по здравому размышлению я решил для начала просто заглянуть в его бесстыжие кеттарийские глаза и спокойно, с достоинством спросить: «Ну и какого черта?!» Мне вдруг стало ясно, что от беседы, начавшейся таким образом, я получу куда больше удовольствия. И полезной информации заодно.

– Ну и какого черта?! – спокойно, с достоинством спросил я, закрыв за собой дверь кабинета шефа.

– В смысле? – невозмутимо переспросил Джуффин. – Что именно ты имеешь в виду?

За все годы нашего знакомства я еще никогда не был так близок к желанию кинуться на шефа с кулаками. Но в то же время за все годы знакомства с собой, любимым, я еще никогда не был столь равнодушен к собственным страстным желаниям. Почти сутки, проведенные в шкуре Шурфа, оказались хорошей школой. Я даже не ожидал.

Поэтому я просто сел напротив Джуффина и объяснил:

– Ну как же. Ваш приятель, Магистр Хабба Хэн. Никакой он не знахарь, было бы из-за чего жопу рвать. Ну, нашел я его, принес вам эти загадочные зернышки, все танцуют. И что теперь? Паковать вещички?

– А разве он сам тебе ничего не объяснил? – благодушно осведомился шеф.

– Ну да, объяснил. Сказал, дескать, никакой я не знахарь, а признак выздоровления; если уж ты меня встретил, значит, все с тобой в полном порядке, – как-то так. А толку? Я же был, так сказать, не в себе, когда совершил сей бессмертный подвиг.

– А Хабба, часом, не говорил тебе, что если получилось сегодня, получится и завтра? – с невинным видом спросил Джуффин.

– Ннну... Да, говорил, – неохотно признал я.

– Тебе мало?

– Мало. То есть мне – вообще никак. Я пока не понимаю, что из этого следует. И как мне реализовывать на практике это бесценное знание. Думаю, думаю и не понимаю.

– А ты не думай, – посоветовал шеф. – Просто живи дальше. И внимательно присматривайся к себе. Я уверен, теперь все станет немного иначе. Так вышло, что ты получил бесценный опыт, на который не смел и рассчитывать. Узнал, сколь мала и ничтожна та часть тебя, на поводу у которой ты почему-то всегда охотно идешь. Дурак будешь, если не сумеешь воспользоваться этим приобретением. Но лично я не удивлюсь, если нынче же ночью ты ляжешь спать, увидишь во сне толпу своих злейших врагов и вместо того, чтобы сводить с ними счеты, вспомнишь, что это – только сон. И проснешься. Или просто перевернешься на другой бок и окажешься в совсем ином сновидении. Не хотел бы навязывать тебе свое мнение, но, на мой взгляд, создание новых Миров – куда более интересное и достойное занятие, чем, скажем, зверская расправа над капитаном Фуффлосом... Впрочем, как раз за нее я тебе всю жизнь буду признателен. Бедняга все-таки выздоровел и вчера приезжал в Дом у Моста – можешь себе представить, только для того, чтобы написать прошение об отставке. Тем не менее я бы предпочел думать, что это был последний твой подвиг в таком роде. Благо ты наконец-то вполне способен остановиться. Дело за малым, продолжай этого хотеть.

– И все будет происходить само собой? – изумился я.

– Не само собой, а само *тобой*, – передразнил Джуффин.

Я не был уверен, что правильно его понял, но углубляться в эти дебри не стал и поспешно перевел разговор на тему, которая интересовала меня больше прочих.

– Вы лучше скажите человеческим языком, что мне теперь делать? Гулять по городу, пока не встречу вашего приятеля еще раз? Или отправляться в изгнание? Или...

– Еще не набегался? – изумился шеф. – Я-то, честно говоря, очень рассчитывал, что теперь ты наконец соизволишь вернуться на службу.

Я ушам своим не поверил.

– А что, уже можно?

– Неправильно формулируешь. Не можно, а нужно. Вообще-то, ходить на службу – это твоя основная обязанность, – заявил Джуффин.

Как ни в чем не бывало, заметьте.

– То есть уже все хорошо? – я по-прежнему не мог поверить в свое счастье. – Я уже не опасен?

– Еще как опасен, – заверил меня Джуффин. – Как и я сам. И все мы. Или ты до сих пор полагаешь, будто, скажем, твой друг Лонли-Локли – самое безобидное существо во Вселенной?

– Да уж пожалуй, нет, – я невольно ухмыльнулся. ~ И это, как видишь, совершенно не мешает мне держать его на службе. А если, предположим, завтра сэр Шурф утратит контроль над собой и натворит дел, мне придется с ним разбираться. И рука не дрогнет, потому что я твердо знаю, что он – не жертва обстоятельств, а могущественный человек, который в силах совладать с собой. Может – значит обязан. Понимаешь, о чем я толкую?

Я отрицательно помотал головой. Не то чтобы я действительно не понимал, но хотел послушать дальше.

– Не прикидывайся, сэр Макс. Все ты понимаешь. Можешь – значит обязан. Теперь это правило и тебя касается. Ни в какое изгнание я тебя не отправлю; более того, сам захочешь – не отпущу, раньше надо было думать. Но если будешь и дальше бесчинствовать – во сне или наяву, мне все равно, – добро пожаловать в Холоми.

– Ну ничего себе! – только и мог вымолвить я.

Сказать, что я удивился, изумился, был потрясен, – непростительное преуменьшение. От таких речей шефа я натурально охренел.

– Ну а как ты думал? – пожал плечами Джуффин. – К слову, большинство мятежных Магистров, на которых я имел честь охотиться в Смутные Времена, творили свои вошедшие в историю безобразия вовсе не потому, что это было частью их хитроумных стратегических планов. Ребята просто не могли держать себя в руках. Лучшие из них, вроде Лойсо, могли, но не хотели. А многие попросту не умели, что совершенно не освобождало их от ответственности. Тебе еще повезло, у тебя были время и шанс научиться. Редкий, изумительный шанс. Все-таки твоя удача – это

нечто.

Я молчал, совершенно раздавленный его выступлением.

– Ничего-ничего, – утешил меня Джуффин. – Это тебе только кажется, что дело пахнет этим, как его? Ну, ты все время твердишь, что дело им пахнет, когда чуешь неприятности...

– Керосином, – подсказал я.

– Вот-вот. Тебе только кажется, что дело пахнет керосином. На практике жизнь твоя станет немного трудней и гораздо интересней, только и всего. Тебе еще понравится, гарантирую!

– Ну, в случае чего, в Холоми вы меня уже отправляли^[26], – я невольно улыбнулся. – Там отлично кормят и дают выспаться. Не так плохо, как...

– Не так плохо, как тебе хотелось бы, – ехидно вставил шеф. – А теперь, когда тебе наконец надоело лить слезы над своей загубленной жизнью, – угощение для героя! Ты честно его заслужил.

И он поставил на стол кувшин с камрой. Напиток благоухал так, что я сразу понял: в ход были пущены таинственные зерна, которые растут на какой-то немыслимой границе «между этим и тем». Или всем и еще чем-нибудь. Или... Впрочем, ладно. Кардамон – он и есть кардамон, его запах ни с чем не перепутаешь. Там, где я родился и вырос, его можно купить практически в любой лавке. Отличная приправа для кофе и камры, но на почетное звание чуда, пожалуй, все-таки не тянет.

Но я взял себя в руки и не стал выбалтывать шефу эту маленькую и бесполезную, в сущности, тайну. Решил, что мне достанет мужества продолжать знать страшную правду о зернах Хаббы Хэна в одиночку. Это, надо понимать, был шаг в правильном направлении. Махонький такой, почти незаметный глазу шажок. Но все-таки.

Покинув Управление Полного Порядка, я отправился в дом сэра Шурфа. Не для душевных разговоров, как можно было бы подумать, а забрать Кобины лохмотья. Возиться с ними мне было лень, да и недосуг, но я напомнил себе, что обещал вернуть хлам владельцу, а всякая договоренность должна быть исполнена. Даже такая дурацкая.

Встретаться со мной Коба то ли не рискнул, то ли не нашел времени, то ли просто не захотел. Прислал в «Душистые хрестики», куда я удалился для вечерней медитации на тему «Как мне жить дальше», какого-то оборванца, который забрал тряпки, а взамен сунул сверток с моей одеждой и увесистый кошелек. Ну да, как же. Шесть корон мелочью, моя доля нищенского заработка. Страшные деньги. Старость моя, надо понимать, уже обеспечена, если что.

Но выпендриваться и говорить все это вслух я не стал, а просто вежливо кивнул и выдал курьеру завалявшуюся в кармане новенькую блестящую корону – на чай. Он ушел, окрыленный удачей, а я остался. Поужинал, перечитал свои давешние записи, порадовался, что они по-прежнему кажутся мне чрезвычайно меткими и разумными, а не бредом психопата, как следовало бы ожидать. Расплатился с трактирщиком и пошел домой – проживать свою распрекрасную жизнь, предмет зависти старых придворных чиновников и золотой молодежи, – как в омут с головой.

Чтобы не утомлять вас рассказами о своих головокружительных достижениях на ниве самодисциплины, замечу только, что хвастаться мне, возможно, особо нечем, но в Холоми меня так и не посадили – повода не нашлось. Хотя сама по себе эта мысль чрезвычайно нравилась сэру Джуффину Халли: шеф питает слабость к оригинальным идеям.

Но я больше не угробил во сне ни единого живого существа. И даже не спалил повторно «Джубатыкский фонтан», хотя, конечно, это был один из самых великих соблазнов в моей жизни. Наяву дела обстояли не столь блестяще; как вы могли заметить, я и сейчас довольно легко выхожу из себя, и то, что последние годы моей жизни, мягко говоря, не были безмятежными, – не оправдание. Но только я сам в курсе, как часто мне удается вовремя затормозить, и это, по правде сказать, удивительно.

В первые дни мне пришлось особенно трудно. Причем держать себя в узде мне худо-бедно удавалось, а вот поверить, что я действительно на это способен, – ну ни в какую! Никак не мог уразуметь, что мой опыт – не то сокровище, которое может вывалиться из дырявого кармана.

Что греха таить, я все время думал, что было бы неплохо еще раз встретить этого грешного Магистра Хаббу Хэна – именно теперь, когда действие заклинания Фиттеха давным-давно сошло на нет и я не представляю собой даже бледную тень безупречного сэра Шурфа. Эта встреча, как мне казалось, стала бы своего рода официальным подтверждением произошедших во мне перемен, чем-то вроде Королевской печати, без которой недействителен ни один важный документ.

Впрочем, я почти сразу сообразил, что эту придурь можно использовать в качестве своеобразного тренажера. Сказал себе: если уж приспичило найти Хаббу Хэна – вот и отлично, ищи на здоровье в свободное время, которого у тебя мало, вернее, практически нет вовсе, но ты же теперь понимаешь, что сутки напролет бегать по городу с выпученными глазами совершенно не обязательно? Ну хоть что-то ты

понимаешь, горе мое...

По итогам этой поучительной беседы с собой я приступил к поискам – не столько Магистра Хаббы Хэна, по-прежнему вполне неуловимого, сколько невидимой, почти неосязаемой, вертлявой границы между «хочу» и «не хочу», где я уже однажды побывал. И так увлекся процессом, что – сам сейчас не могу в это поверить! – почти охладел к цели. В глубине души я подозревал, что Хабба Хэн не станет встречаться со мной еще раз, в какой бы хорошей форме я ни был. Просто потому, что самые важные события жизни, казалось мне в ту пору, никогда не повторяются, их выдают по одному в руки, как новогодние подарки: а теперь прочитай стишок, скажи Деду Морозу спасибо, – и привет.

Тем не менее моя красивая и в высшей степени романтическая теорема о неповторимости важных событий оказалась полной ерундой. Несколько дюжин дней спустя я снова стал свидетелем локального пожара в трактире «Душистые хрестики». И даже за кувшин с камрой схватился, в точности как в прошлый раз. Вот только выплеснуть жидкость в огненный лик Хаббы Хэна я не успел; честно говоря, я и с места-то толком не вскочил, так – дернулся. Все же скорость реакции у меня ни к черту – по сравнению с некоторыми.

Оно, впрочем, и к лучшему. По крайней мере, костюм Хаббы Хэна уцелел. И хозяйская скатерть заодно. А мне досталась приветливая улыбка.

– Ну, что у тебя еще? – спросил обладатель улыбки.

Совсем тихо спросил. Теоретически, если учесть, что нас разделяла добрая дюжина метров и несколько пустых столов, я не мог услышать ни звука. Однако же прекрасно все разобрал. Тем не менее предпочел встать и подойти поближе – не орать же на весь трактир.

– Для галочки, – почтительным шепотом объяснил я. – В смысле, эта встреча мне была нужна для галочки. Чтобы окончательно уверовать в предыдущую. И в себя. И вообще...

– Тогда ладно, – невозмутимо кивнул Хабба Хэн. – Уверовал?

Я восхищенно кивнул.

– Это все? Тогда я, с твоего позволения, откланяюсь.

Я снова кивнул, но тут же кое-что вспомнил, страшно смутился, но все-таки собрался с духом и спросил:

– Только сначала скажите, пожалуйста, почему вас называют Магистром? Просто из вежливости? Или был какой-то древний Орден? Я понимаю, что дурацкий вопрос, но...

– Все вопросы более-менее дурацкие, – добродушно отмахнулся Хабба Хэн. – Какая разница? Честно говоря, я сам не знаю, почему меня так

называют. Никогда не интересовался. Во всяком случае, в ту пору, когда звание Магистра могло меня привлечь, никаких Орденов не было и в помине. Каждый жил сам по себе и справлялся с этой непростой задачей как мог.

– Ясно, – с облегчением вздохнул я. – Спасибо. Вы только что заштопали изрядную прореху в моем сердце.

– Во-первых, сердце тут ни при чем, – совершенно серьезно возразил Хабба Хэн. – А во-вторых, ты сам ее заштопал. Я и пальцем не пошевелил, чтобы тебе помочь.

– Все равно спасибо.

– Пожалуйста, – флегматично ответил он. – И, если так, услуга за услугу. Идет?

Я похолодел, но не дрогнул. Молча кивнул – как мне казалось, с достоинством обреченного. Воображение рисовало мне самые немыслимые просьбы, я отдавал себе отчет, что моя жизнь может рухнуть в одночасье под тяжестью его задания, но полагал это справедливым и даже в каком-то смысле правильным – как и всякий поворот колеса судьбы. Но Хабба Хэн в очередной раз меня удивил.

– Не рассказывай о нашей встрече Джуффину, – попросил он. – Не хотелось бы его огорчать. Именно сегодня у меня нет этих грешных зерен. Не рассчитывал так скоро встретить очередного курьера.

– Ладно, – растерянно улыбнулся я. – Не расскажу. Но это не значит, что он не догадается. Как правило, шеф видит меня насквозь. И знает обо мне куда больше, чем я сам.

– Не сомневаюсь. Но ты все-таки постарайся, чтобы он не пронюхал об этой нашей встрече, – сказал Хабба Хэн. – Если сможешь, будешь большой молодец.

На том мы и расстались.

До сих пор, кстати, не знаю, удалось ли мне выполнить его просьбу. Я, разумеется, не сказал шефу ни слова, а Джуффин, в свою очередь, никогда больше не упоминал в моем присутствии имя Хаббы Хэна. Так что этот вопрос все еще остается открытым. И, ясное дело, не только он.

Жизнь тем временем шла своим чередом. Мы с Шурфом еще несколько раз совершали Обмен Ульвиара; сразу скажу, что наши опыты так и не помогли мне толком уяснить, что же такое эта грешная Тень, которая, теоретически, является предметом обмена. Зато разбираться в себе я стал немного лучше; по крайней мере, нащупал некоторые важные кнопки на пульте управления собой – чего же еще желать?

Завещание сэра Шурфа, которое он тщательно переписывал перед

каждым очередным экспериментом, хвала Магистрам, так и не пригодилось. Во-первых, мы всякий раз заранее предупреждали шефа, чтобы не вздумал вызывать нас на службу, ему же самому потом расхлебывать, если что; а во-вторых, мы понемногу привыкали к переменам и особо не чудили.

Кажется, нам обоим эти встряски пошли на пользу. Мне – так точно.

Прочная связь, возникшая между нами при первом же обмене, со временем только крепла. Иногда мне казалось, что это придает жизни совершенно особый смысл, а порой я приходил в бешенство, поскольку с детства ненавижу обстоятельства, которые сильнее меня, как бы они ни были прекрасны и удивительны сами по себе. Впрочем, говорят, похожие проблемы испытывают все близнецы, особенно в юности.

Зато, как я понимаю, именно эта загадочная, нам самим непонятная связь позволила сэру Шурфу найти меня – не наяву, так хоть во сне – в мои худшие времена, когда я остался совершенно один, без малейшего шанса вернуться в Ехо; более того, без особой уверенности, что я там вообще когда-нибудь был. Я действительно чертовски «живучая тварь», как неоднократно называл меня этот невыносимый тип, но не уверен, что сумел бы продержаться несколько лет без его регулярных визитов... и без позаимствованной у него привычки записывать слова в тетрадку. Это оказалось настоящим спасением.

А вот обещанный сгоряча стакан крови сэр Шурф у меня так до сих пор и не потребовал. Ну да какие наши годы, успеется еще.

История вроде бы рассказана, но все молчат. Макс озирает притихшую аудиторию, ухмыляется.

– У меня все, – наконец говорит он. – Спасибо за внимание, можно просыпаться. Я больше не буду вас мучить, слова не скажу, звука не издам... Эй, друзья, вы живы?

– Мы живы. Просто все еще сопереживаем, – объясняет ему Триша. – Неужели не понятно?

От звука ее голоса все встрепенулись, словно колокольчик прозвенел: конец урока! Франк поднимается и идет к плите, ставит на огонь самую большую джезву.

– Во всяком случае, ты честно заслужил добавки, – серьезно объясняет он Макс. – Ну и все мы тоже, за компанию.

– Твои воспоминания грешат излишним благодушием. Похоже, ты в кои-то веки решил пощадить мои чувства, в ущерб прискорбной правде, – укоризненно говорит Лонли-Локли. – Я прекрасно помню, что вел себя как

пьяный безумец. Неудивительно – с непривычки-то. А в твоём пересказе вышел вполне очаровательный юноша, внезапно утративший почву под ногами...

– А ты и был вполне себе очаровательный юноша, – ухмыляется Макс. – Утрата почвы под ногами всем к лицу, лучшее омолаживающее средство в мире и без пяти минут приворотное зелье... Пьяный безумец – это совсем другое. Вот я после супа Отдохновения являл собой достойный образец.

– Поразительно. Ты никогда мне об этом ни слова не говорил, – вздыхает Меламори. – Сказал тогда, что нашел Хаббу Хэна, так толком и не понял, зачем, собственно, это было нужно, поэтому тебя, вероятно, в ближайшее время упекут в Холоми, зато теперь не нужно никуда уезжать. И все.

В её голосе нет и тени обиды, только бесконечное удивление. Дескать, я же тебя знаю, ты просто не мог промолчать. А ты все-таки промолчал, ну надо же!

– Некоторые вещи захочешь – порасскажешь, – объясняет Макс. – Не выговариваются, и все тут. Хотя, казалось бы, скрывать тут особо нечего. Думаю, именно поэтому они становятся тайнами. А вовсе не потому, что кому-то хочется иметь секреты.

– Но сейчас же как-то рассказал?

– Ну да. Сейчас, вот именно. После того, как Франк остановил время за окном. В городе, который мне пригрезился. Здесь, сейчас, думаю, вообще все возможно. А уж рассказать историю, которая возомнила себя великой тайной, – сущие пустяки.

– Да не слушай ты его, – говорит Шурф Лонли-Локли. – Просто сэр Франк и леди Триша расплачиваются за истории отменными напитками, да еще и ужином кормят. А с тобой ему пришлось бы разговаривать совершенно бесплатно. Вот так звучит прямой и честный ответ на твой вопрос.

– Это ты так шутишь? – несчастным голосом спрашивает Меламори. – Ничего себе!

– Ну что ты, леди. Я серьезен как никогда.

А сам улыбается до ушей. А ведь какой был строгий, когда пришел! Триша поначалу даже оробела. И, наверное, зря.

Все это хорошо, но Франку требуется помощь. Он же – ей только сейчас стало ясно – варит не что-нибудь, а свой коронный кофе «Огненный рай», самый сложный из рецептов, в таком деле без помощника трудно обойтись. Нужно добавить в напиток не одну, не две,

не дюжину даже, а целых двадцать восемь разных пряностей, причем не одновременно, а в строго определенном порядке. Но пряности-то лежат в специальных шкатулках, шкатулки – в ящиках буфета, а те, что не каждый день требуются, – и вовсе в сундуке. А от плиты нельзя отвернуться, потому что надо же специальный кофейный заговор шептать, без него какой угодно кофе можно хорошо сварить, но только не «Огненный рай»!

Триша вскакивает со стула, несется к плите, подает пряности, ни разу не перепутав количество и последовательность. Франк чрезвычайно доволен. Не зря он ее учил.

Потом Франк наполняет чашки, а Триша относит их гостям. Шурфу Лонли-Локли достается самая большая порция и самое ласковое прикосновение ладони к плечу. Сегодня он ходит у Триши в любимчиках, и ничего тут не поделаешь, сердцу не прикажешь. Во-первых, он недавно пришел, во-вторых, вон какой красивый, а в-третьих, трудно ему живется, оказывается. Может быть, не прямо вот сейчас, сейчас-то вон какой довольный сидит, но вообще – трудно.

– Спасибо, – вежливо говорит гость. И, чуть помедлив, добавляет: – Удивительно все-таки, что вы добровольно согласились превратиться в человека. Когда у нас отменили запреты на магию высоких ступеней, я хотел сделать то же самое для своей собаки. И можете себе представить, Дримарондо отказался наотрез. Он очень внятно и аргументированно объяснил причины своего отказа, так что я не посмел настаивать. Пусть остается говорящим псом, если ему кажется, что именно так и должен выглядеть венец творения.

– А Франк меня не спрашивал, – объясняет Триша. – Он такой, сам все за всех решает. Впрочем, это к лучшему, тогда я ни за что не согласилась бы, а теперь мне даже нравится. Глупо всю жизнь оставаться одним и тем же, если есть шанс превратиться!

– Мне нравится ваш подход к делу. Если есть шанс превратиться, надо держаться за него обеими руками. Очень разумная позиция.

– Только ты мог одобрить столь легкомысленный взгляд на вещи с таким важным видом, – смеется Макс. – Чтобы всем сразу показалось, будто поступать иначе – дурной тон.

– А это и есть дурной тон, – строго говорит Лонли-Локли. – Ты, конечно, смейся на здоровье, но я сейчас серьезен как никогда.

– Да уж, вижу.

Макс пробует кофе, делает глоток и смотрит на Франка с немым изумлением.

– Господи, – вздыхает он.

Кажется, хочет сказать что-то еще, но слов нужных не находит.

– Не следует присваивать мне божественный статус, – улыбается Франк. – Ну да, в придачу ко всем своим достоинствам я варю кофе «Огненный рай» лучше всех во Вселенной. Это правда. Но «господи» – явный перебор.

– Ладно тебе. То, что ты сделал, невероятно. Как гурман я счастлив, как художник – раздавлен. Подумать только, когда-то я всерьез полагал, будто умею варить кофе! Но в ученики ты меня не возьмешь, да? Целовать твои сапоги, безутешно рыдая, бессмысленно?

– Звучит не слишком привлекательно. Я бы тебя без слез и поцелуев научил, да такая наука не скоро дается. И не всякому. Тришу вон который год учу, но варить «Огненный рай» она пока еще не умеет. Хотя помощницей стала отменной. И это, по моим меркам, большой прогресс.

Триша смущена. Вот ведь! Она любит, когда Франк ее хвалит, но отчаянно стесняется, когда он делает это на людях. Сразу становится непонятно, куда прятать руки и глаза, – хоть под стол прячься. Лучше бы, что ли, послал ее в погреб за имбирным мармеладом, а уже потом хвалил... Кстати, это мысль.

– Мармелад, – говорит она Франку. – Имбирный. В погребе. Я принесу?

И убегает, не дождавшись ответа. А вернувшись, застает за столом полную идиллию. Шурф Лонли-Локли многословно благодарит Франка за гостеприимство, объясняет – не столько присутствующим, сколько себе, – что вполне может отдохнуть пару дней от повседневных забот. Дескать, все-таки не в Нумбану сбежал на ярмарку, а в другой Мир попал. И было бы неразумно пренебречь возможностью исследовать эту новую для него реальность, а то ведь кроме «Кофейной гущи» ничего пока не видел. Поэтому рано возвращаться домой. Рано, и точка.

Остальные восхищенно ему поддакивают: еще бы, какое может быть «домой»?!. Что за ерунда? Даже как-то странно слышать это бессмысленное слово от столь разумного человека.

Значит, решил погостить подольше. Вот это да!..

– Если женщин Семилистника по-прежнему возглавляет леди Сотофа Ханемер, можешь брать отпуск хоть на год, – говорит ему Макс. – Повезло тебе с коллегой!

– Леди Сотофа на своем месте, иначе и быть не может. Но обязанности, возложенные на меня, представляются ей докучливой суетой. Она палец о палец не ударит, если я вдруг перестану справляться.

Зато утешит как никто, этого у нее не отнять. Пригласит к себе в садовый кабинет, сварит камры. по кеттарийскому рецепту, погладит по голове и скажет, что я – «бедный, глупый мальчик», а дела, которые меня заботят, – «скучные пустяки». И если я не доведу их до конца, ничего страшного не случится: Мир не рухнет, проход на Темную Сторону не закроется, цвет неба не изменится и даже пятка у Его Королевского Величества не зачесется. Ну, ты же ее знаешь.

– Да уж, знаю. И еще я знаю, что Сотофа всегда оказывается права. Неужели ты и вправду занимаешься такой ерундой?

– По большому счету, да. Но только по самому большому. С любой другой точки зрения я занят наиважнейшим из дел. А если прибавить, что теперь это моя обязанность и даже священный долг...

– А чем ты, собственно говоря, занимаешься? – перебивает его Макс. – Ну, переписали вы Кодекс Хрембера, это я уже понял. Тут без тебя не обошлись бы, ты же единственный известный мне человек, которого боятся и Орденские, и придворные бюрократы. Они даже из Джусффина кровь ведрами пьют, а тебе сдаются без боя. И документы у тебя как бы сами собой составляются, помню, как ты годовые отчеты писал... Но ведь эта часть работы закончена?

– Совершенно верно.

– И что теперь? Ты говорил, Джусффин тебя на эту каторгу лет на тридцать сослал, если не больше. Зачем?

– Как – зачем? Самое трудное – не переписать по всем правилам закон, а начать применять его на деле. Ответить на все вопросы и решить все проблемы, которые неизбежно возникают по ходу, создать все необходимые прецеденты, пересмотреть статьи, которые плохо увязываются с практикой. Пока мы занимались только документами, я чувствовал себя почетным пенсионером. Дел немного, хлопот вообще никаких, досуга – хоть отбавляй. Настоящая работа началась потом, после официального принятия всех поправок к Кодексу. И сейчас она в самом разгаре. Два-три дня отпуска я, конечно, могу себе позволить, благо у меня очень неплохие помощники, я сам их выбрал и всему обучил. Но никак не больше.

– То есть? – упрямо спрашивает Макс. – Что ты все-таки делаешь? – "Дела", «работа» – все это звучит слишком расплывчато. А у меня, сам знаешь, конкретное мышление. Мне все нужно на пальцах объяснять, по пунктам. Вот, скажем, просыпаешься ты утром в своей Орденской резиденции. И что потом? Про бассейны и завтрак я и сам догадываюсь, это можно пропустить...

– Не тараторь, пожалуйста. Я понял твой вопрос. Потом как-нибудь, ладно? Мне сейчас гораздо больше хочется слушать, чем говорить. Теперь ты наконец-то расскажешь мне о Тихом Городе? Не будешь бояться этой темы, как во сне? Сам ведь только что говорил, что здесь и сейчас можно все, и мне кажется, ты правильно оцениваешь ситуацию... А потом покажешь мне здешние улицы и мосты? И вот еще важный вопрос: канатная дорога, которой мы в прошлый раз ехали, – она все еще есть?

– Есть, конечно, – кивает. Макс. – Даже, вроде, работает. Правда, Франк говорит, почти никто из горожан о ней не знает. Не видят они ее, что ли? Но мы с Меламори вчера гуляли и нашли, так что... Прости, я действительно дубина. Заманить человека в одно из самых чудесных мест во вселенной и расспрашивать о работе – хорош, нечего сказать! Но я исправлюсь. С этой минуты ты – это Закон, как любили говорить мои бывшие подданные из Пустых Земель. Расскажу, покажу, все будет, как пожелаешь.

– Вот, наконец-то. Отрадно в кои-то веки слышать от тебя разумные речи, – строго говорит Лонли-Локли.

Но Тришу тоном не обманешь, она же видит, что гость доволен. То есть даже не так – он сейчас совершенно счастлив. Другие люди в таком состоянии визжат от восторга, прыгают, виснут у всех на шее и даже кувыркаются от избытка чувств. А он не дает себе воли, скорее всего, просто по привычке.

– Можете поболтать прямо здесь, на кухне, – говорит им. Франк. – Открывать кофейню нынче не будем. У меня дела в ином месте, а Триша...

– А мы с Тришей как раз собирались погулять, – неожиданно объявляет Меламори. – Хочу показать ей этот ваш Город. Самые лучшие экскурсии устраивают приезжие для старожил, а вовсе не наоборот. Для нас все – чудо и праздник, а вы мимо этих чудес каждый день на рынок ходите.

– Ну, положим, не только на рынок. Но общая закономерность подмечена точно, молодец.

А Триша растерялась. Не знает, что и сказать. Никуда они с Меламори, конечно, не собирались. А если и собирались, то не договаривались. Нет, может быть, даже и договаривались, но уж никак не на сегодняшний вечер.

Но она понятливая. Ясно же, что старым друзьям позарез необходимо поговорить с глазу на глаз. И при этом им будет приятно знать, что всем остальным не обидно. Вот Меламори и старается. И Франк, кстати, тоже.

– Конечно, пойдем, – улыбнулась она. – Ты не представляешь, как я рада. Я пока плохо Город знаю. Он слишком большой, и мне раньше казалось, что будет трудно любить его целиком. Свой сад, кофейню и несколько улиц – это мне еще по плечу... Но я больше так не думаю. Вернее, думаю, что имеет смысл попробовать.

– Во-о-от! А такие эксперименты лучше всего ставить в моем обществе, – говорит Меламори. – Я когда-то тоже боялась любить некоторые крупные предметы и явления. Думала: а ну как не поместится в сердце и тогда оно разорвется? Глупости это все. Глупости.

Макс смотрит на них обеих с такой откровенной гордостью, словно бы сам их только что нарисовал. Или даже просто сочинил. «А что ж, – думает Триша, – с него станется!»

От такой мысли ей становится зябко, словно ветер ледяной в шею подул. Но это быстро прошло. Можно сказать, и не было ничего. Да нет же, действительно не было. И вообще сама виновата, нечего всякую ерунду выдумывать.

– Франк, – говорит тем временем Макс, – а можно устроить так, чтобы ты не убирал пока свои замечательные часы? Чтобы наговориться, нам с Шурфом понадобится, как минимум, вечность. А лучше бы две. Мы же еще и гулять потом собираемся.

– Две? Ну уж нет, – отвечает Франк. – Всему есть предел, даже моему гостеприимству. Придется вам, господа, обойтись всего одной вечностью.

– Ничего, – успокаивает его Лонли-Локли. – В отличие от Макса, я считаю, что человеку следует довольствоваться малым. Одной вечности вполне достаточно.

– Рад, что мы пришли к достойному компромиссу, – смеется Франк и ласково касается рукой песочных часов, которые по-прежнему красуются в центре стола. – Вот вам ваша вечность, получайте. Когда она истечет, я вернусь и сам переверну часы, вам их трогать не надо, сколь бы велико ни было ваше исследовательское любопытство. Договорились?

– С моей стороны было бы неразумно пренебрегать вашими требованиями, – вежливо говорит Лонли-Локли.

– То есть погоди. Выходит, ты все-таки сможешь сюда войти? – изумляется Макс.

– Я смогу. Но больше никто. А я всегда возвращаюсь вовремя. Не раньше и не позже, чем нужно. Поэтому не стоит беспокоиться.

Макс растерянно кивает – дескать, вот оно как все непросто. И тут же снова спрашивает:

– И получается, выйти отсюда, пока остановлено время, тоже можно?

– Нельзя. Но мы с девочками уж как-нибудь да выберемся. Я в них верю.

Он открывает дверь, за которой сейчас нет никакого сада, и вообще ничего нет, кроме густой янтарной тьмы, плотной и подвижной, обнимает за плечи Тришу и Меламори, увлекает их за собой. Трише немножко страшно, она еще никогда такого не видела, чтобы вместо ее сада – полная пустота и неизвестность. Но сопротивляться Франку невозможно, да и стыдно признаваться, что струсилa, поэтому она закрывает глаза и делает шаг вперед, за порог. Вечерний воздух пахнет, как всегда, сыростью, дымом, свежей травой и палой листвой. Да и под ногами, вроде бы, твердая почва, а вовсе не бездна какая-нибудь, так что можно открыть глаза и оглядеться. Все в порядке, сад на месте, а тьма, напротив, рассеялась, ни единого клочка не осталось, только воспоминания.

– Что это было? – изумленно спрашивает Меламори.

Выходит, и для нее такое в новинку.

– Это, милые мои барышни, была стена времени, – поясняет Франк. – Вы, надо сказать, на удивление легко ее преодолели, всего за один шаг. Некоторым даже с моей помощью приходится несколько миль в пустоте отмахать. А вы обе – ну просто молодцы. Желаю приятного вечера!

Помахав им рукой, он уходит по тропинке в глубь сада, туда, где резвятся щенки тумана, и дальше, за увитую диким плющом тайную ограду, в сторону Границы, куда Трише еще ни разу не удавалось добраться, а Франку – пара пустяков. Ну, на то он и Франк.

– Пошли, будем тебя наряжать, – Меламори тормозит Тришу, ей не терпится отправиться на прогулку. – А если и для меня что-нибудь найдется, совсем хорошо. Надоело мне по-походному, в дорожной одежде всюду шататься. Будем сегодня кутить! Для начала покажу тебе кондитерскую у Оловянного моста. Ты здесь давно живешь, а наверняка ее не знаешь. Там здорово. Сто одиннадцать сортов мороженого, а посетителей обслуживают совсем маленький мальчик и попугай. Вместо платы оба отъедают по кусочку от каждой заказанной порции, представляешь? И не хмурься, с вашей «Кофейной гущей» ни один трактир в мире не сравнится, но тут ты вроде как всегда при деле. А там будешь отдыхать.

– Но я совсем не устала! – смеется Триша.

– Тем лучше. Отсюда до Оловянного моста полчаса идти, да и то

если очень быстро, не глядя по сторонам. А мы будем глазеть. И еще болтать про всякие прекрасные глупости, как школьницы. Когда-то у меня это неплохо получалось. Во всяком случае, имеет смысл попробовать.

– Значит, попробуем, – соглашается Триша. – Хочешь надеть красное платье с вышитыми птицами и рукавами-фонариками? Смешное, но красивое.

– Птицы и фонари? Хочу. Еще бы!

---

notes

Обстоятельства эти описаны в повести «Тихий Город».

Эта игра описана в рассказе Герберта Уэллса «Дверь в стене».

Макс намекает на обстоятельства, описанные в повести «Путешествие в Кеттари».

Макс имеет в виду прискорбное недоразумение, описанное в повести «Тень Гугимагона».

Эти обстоятельства подробно описаны в повести «Дорот, повелитель манухов».

И эти обстоятельства описаны в повести «Дорот, повелитель манухов», хотя куда менее подробно, чем хотелось бы.

Об этом путешествии подробно рассказано в повести «Белые камни Харумбы».

Печальные события, связанные с Книгой Огненных Страниц, описаны в одноименной повести.

«Джубатыкский фонтан» – трактир на окраине Ехо. В центре заведения действительно бьет фонтан джубатыкской пьяни. Всякий посетитель, заплативший за вход, может пить столько, сколько ему угодно. Из всех трактиров Ехо «Джубатыкский фонтан» единственный может быть по праву назван притоном. Подробное описание этого заведения можно найти в повести «Простые волшебные вещи».

Подробности – в повести «Простые волшебные вещи».

Об этом рассказывается в повести «Дорот, повелитель манухов».

О Лойсо Пондохве рассказывается во многих повестях цикла «Лабиринты Ехо». А о его освобождении – в повести «Возвращение Угурбадо».

Об этом печальном происшествии подробно рассказывается в повести «Корабль из Арвароха и другие неприятности».

Речь о событиях, описанных в повести «Чужак».

Некоторые сведения об этом заговоре содержатся в повести «Болтливый мертвец».

Разговор на эту тему зашел на страницах повести «Зеленые воды Ишмы».

О Черхавле подробно рассказывается в повести «Сладкие грезы Гравви».

Речь о событиях, описанных в повести «Волонтеры вечности».

Уладас – нечто среднее между диваном и паланкином, который носят специально обученные слуги. Это громоздкое средство неспешного передвижения с места на место чрезвычайно популярно в Куманском Халифате.

Речь идет о событиях, описанных в повести «Дорот, повелитель манухов».

О Безумном Рыбнике подробно рассказано в повести «Путешествие в Кеттари».

Речь идет о событиях, описанных в повести «Болтливый мертвец».

О поездке в графство Хотта рассказывается в повести «Наследство для Лонли-Локли».

Речь идет о событиях, описанных в повести «Тень Гугимагона».

События, послужившие причиной такой уверенности, описаны в повести «Зеленые воды Ишмы».

Речь о событиях, описанных в повести «Камера № 5-Хох-Ау».